«Быть впереди народа, освещать ему путь, направляя его правосознание ко благу и правде в человеческих отношениях, – такова истинная обязанность юриспруденции и ее отдельных представителей»

И.А. Покровский
История Римского права. Введение.
Петроград. Изд. 4. 1918. С. 4

ISSN 2074–7306

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ **№ 3, 2021**

Периодичность 4 номера в год

Издается с 1997 г.
Основан д. ю. н., проф.
Д.Ю. Шапсуговым

Включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по отрасли: 12.00.00 – юридические науки

Регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 76204 от 02.08.2019 Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Редакционная коллегия

доктор юридических наук, профессор, академик АМАН и МАНЭБ, заслуженный юрист РФ, почетный доктор Ереванского университета «Манц» **Шапсугов Д.Ю.** (директор центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС, главный редактор, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Краковский К.П.** (профессор кафедры государствоведения Института государственной службы и управления РАНХиГС, зам. главного редактора, г. Москва); доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ **Баранов П.П.** (зав. кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Овчинников А.И.** (зав. кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Шатковская Т.В.** (зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук **Егорова М.А.** (профессор кафедры конкурентного права МГЮУ, г. Москва); доктор юридических наук, профессор **Корецкий А.Д.** (зав. кафедрой гражданского права РГУП, судья Ростовского областного суда, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Момотов В.В.** (судья, секретарь Пленума, член Президиума Верховного Суда Российской Федерации, г. Москва); доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ **Овсепян Ж.И.** (зав. кафедрой государственного (конституционного) права Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону); кандидат юридических наук **Супатаев М.А.** (ведущий научный сотрудник ИГиП РАН, г. Москва); доктор юридических наук, профессор **Авакян Р.О.** (ректор Ереванского университета «Манц», академик МАНЭБ и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, г. Ереван); доктор юридических наук, профессор **Алиев А.И.** (декан юридического факультета Бакинского государственного университета, г. Баку); доктор исторических наук **Алиева С.И.** (зав. отделом «История азербайджанско-российских отношений» Института истории им. А. А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку); доктор исторических наук, профессор Стамбульского университета **Мехмет Али Бейхан** (Высшее Общество по Турецкой Культуре, Языку и Истории имени Ататюрка, Президент Центра исследований имени Ататюрка, Турецкая Республика, г. Анкара); доктор права, университетский профессор **Шелухин С.И**. (Городской университет, факультет законодательства, полиции и криминальной юстиции, г. Нью-Йорк)

Редакционный совет

доктор юридических наук, профессор **Акопов Л.В**. (заведующий кафедрой «Основы правоведения» Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Бойко А.И.** (заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ **Волова Л.И**. (профессор кафедры международного права Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Казинян Г.С**. (декан юридического факультета Ереванского государственного университета, г. Ереван); доктор юридических наук, профессор **Исмаилов М.А**. (заведующий кафедрой истории государства и права Дагестанского государственного университета, г. Махачкала); доктор юридических наук **Исмайлов Х.Д**. (юридический факультет Бакинского государственного университета, г. Баку); доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ **Ляхов Ю.А.** (профессор Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону); кандидат юридических наук **Радачинский Ю.Н.** (доцент ЮРИУ РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **Фаргиев И.А.** (председатель Верховного Суда Республики Ингушетия, г. Магас)

Адрес редакции:
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, к. 216;
тел.: (8-863) 203-63-89; e-mail: yurvestnik@mail.ru

«Северо-Кавказский юридический вестник», 2021, № 3

16+

© ЮРИУ РАНХ и ГС. 2021

"To be ahead of the nation, show the way to its people directing their legal awareness towards the benefit and truth in human relations – that is the genuine duty of jurisprudence and some of its representatives"
I. A. Pokrovsky
History of Roman Law. Introduction.
Petrograd. Ed. 4/ 1918. P. 4

ISSN 2074-7306

NORTH CAUCASUS LEGAL VESTNIK

SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL **№ 3, 2021**

Regularity 4 times a year *Published since 1997*

was founded
by Doctor of Law, professor
D. Y. Shapsugov

The journal is included into the «List of reviewed scientific publications where main research results of dissertations for the degree of Candidate and doctor of Science».
Enters the VAK List on the industry: 12.00.00 – jurisprudence

Registration number ПИ № ФС 77 – 76204 from 02.08.2019 of Federal Service for Supervision of communications, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Founder – Federal state budget educational institution of higher education «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»

Editorial Board

Doctor of Law, professor, Academician AMAN and MANEB, honored lawyer of the RF, Honored Doctor of Erevan University "MANTS" **Shapsugov D.Y.** (Director of Legal Research Center of URIU RANEPA, editor-in-chief, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Krakovsky K.P.** (Professor of the Department of State Governance, of Institute of Public Administration and Management of RANEPA, deputy editor-in-chief, Moscow); Doctor of Law, professor, Academician of the RANS, Honored Worker of science of the RF **Baranov P.P**. (Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, URIU RANEPA, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Ovchinnikov A.I.** (Professor of the Department of Theory and History of Law and State URIU RANEPA, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Shatkovskaya T.V.** (Head of the Department of Theory and History of Law and State, URIU RANEPA, Rostov-on-Don); Doctor of Law **Egorova M.A.** (professor of the Department of competitive right of MGYuU Law, Moscow); Doctor of Law, professor **Koretsky A.D**. (Honored Worker of Higher School of the RF, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Momotov V. V**. (Justice, Moscow); Doctor of Law, professor, Honored Worker of Higher School of the RF **Ovsepyan Zh.I**. (Head of the Department of Constitutional Law of South Federal University, Rostov-on-Don); Candidate of Law **Supataev M.A.** (leading fellow researcher Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow); Doctor of Law, Professor **Avakyan R.O.** (Rector of Erevan University "MANTS", Academician MANEB and All-Armenian Academy of the problems of national security, Erevan); Doctor of Law, professor **Aliev A.I.** (Dean of Law Faculty of Baku State University); Doctor of Historical Sciences **Alieva S.I.** (Head of the Department "The History of Russian Azerbaijan relations" in the Institute of History named after A.A. Bakhihanova in National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku); Doctor of historical sciences, professor of the Istanbul university **Mehmet Ali Beihan** (Atatürk Supreme Council for Culture Language and History, the President of the Center of researches of Atatürk, Republic of Turkey, Ankara); Ph.D. **Serguei Cheloukhine** (John Jay College of Criminal Justice, Department of Law and Police Science, New York)

Editorial Council

Doctor of Law, professor **Akopov L.V.** (Head of the Department «The fundamentals of jurisprudence», the Don State Technical University, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Boiko A.I.** (Head of the Department of Criminal Legal disciplines of URIU RANEPA, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor, Honored Worker of Higher School of the RF **Volova L.I**. (Professor of the Department of International Law of South Federal University); Doctor of Law, professor **Kazinyan G.S**. (Dean of Law Faculty of Erevan State University, Erevan); Doctor of Law, professor **Ismailov M.A**. (Head of the Department of history of state and law of the Dagestan state university, Makhachkala); Doctor of Law **Ismailov Kh.D**. (Law Faculty of Baku State University, Baku); Doctor of Law, professor, Honored worker of Higher School of the RF **Lyakhov Y.A.** (professor of South Federal University, Rostov-on-Don); Candidate of Law **Radachinsky Y.N.** (associate professor, URIU RANEPA, Rostov-on-Don); Doctor of Law, professor **Fargiev I.A.** (Chairman of the Supreme Court of the Republic Ingushetia, Magas)

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54, room 216
Tel: 8-863-203-63-89,
e-mail: yurvestnik@mail.ru
http://vestnik.uriu.ranepa.ru

16+

© URIU RANEPA. 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА 9

Д. Ю. Шапсугов

ГЕНЕЗИС ПРАВА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ОТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПОНЯТИЯ О ПРАВЕ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПРАВА
КАК БЫТИЯ (РЕГУЛЯТИВНЫЙ – РАССУДОЧНЫЙ
И СУБСТАНТИВНЫЙ – РАЗУМНЫЙ ПОДХОДЫ) 9

Т. В. Шатковская

НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КРИЗИСА И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЙ В ПРАВЕ
В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ ПРАВОВЕДОВ НАЧАЛА XX ВЕКА 21

С. В. Мирошник

ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ВЕЧНЫЙ СПОР 30

А. Г. Данилов

ДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ В ПЕТРОГРАДЕ 23 – 28 ФЕВРАЛЯ 1917 г.:
НЕКОТОРЫЕ УРОКИ 36

А. И. Овчинников, Т. А. Фетисов

ТЕОЦЕНТРИЗМ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 59

А. С. Конопий

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА КИТАЯ 72

Е. П. Саенкова

РОЛЬ ПРАВА В ПРЕОДОЛЕНИИ НЕСВОБОДЫ МЫШЛЕНИЯ 78

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА 85

Л. В. Акопов, И. А. Сизько

ОБНОВЛЕННЫЙ КОММЕНТАРИЙ
К КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ 85

А. Б. Арзуманян

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ:
ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 92

М. Р. Богатырев

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВОМ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ 100

А. В. Шидловский

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ ВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ УРУГВАЙ 106

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА 113

Н. А. Сармин, Д. А. Попов
ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА ВОЗРАЖЕНИЙ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ СТАБИЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА 113

О. Г. Зубарева, А. С. Дороганова
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕМЕЙНОГО БИЗНЕСА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ И РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 123

Ю. А. Тымчук
ДИСТАНЦИОННОЕ НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМОСТЬЮ: ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА 131

М. Д. Шапсугова
ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ САМОЗАНЯТОСТИ В ГИГНОМИКЕ 139

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА 148

Д. Б. Дмитриев, О. Г. Донская
ПРИНЦИП РАВЕНСТВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ 148

Е. В. Миллеров
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА В ДОПРОСЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО 156

Е. А. Пащенко, А. Г. Сарибекян
УГОЛОВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ДОМАШНЕМУ НАСИЛИЮ 162

А. В. Делевер
ТРАКТОВКА СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ БИОЛАБОРАТОРИЙ ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ 168

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ 175

CONTENTS

PROBLEMS OF THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE..... 9

Damir Yu. Shapsugov

THE GENESIS OF LAW AS A SUBJECT OF RESEARCH: FROM THE REALITY OF THE CONCEPT ABOUT THE LAW TO THE REALITY OF THE LAW AS BEING (REGULATORY – RATIONAL AND SUBSTANTIVE – REASONABLE APPROACHES)..... 9

Tatiana V. Shatkovskaya

SCIENTIFIC INTERPRETATION OF THE CRISIS AND ITS MANIFESTATIONS IN LAW IN THE WORKS OF RUSSIAN LAWS OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY 21

Svetlana V. Miroshnik

LAW AND JUSTICE: AN ETERNAL DISPUTE 30

Andrey G. Danilov

ACTIONS OF THE AUTHORITIES IN PETROGRAD OF FEBRUARY 23 – 28, 1917: SOME LESSONS 36

Aleksey I. Ovchinnikov, Timofey A. Fetisov

THEOCENTRISM OF RUSSIAN PHILOSOPHY OF LAW: HISTORY AND MODERNITY ...59

Anna S. Konopii

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE STATE AND THE RIGHTS OF CHINA 72

Elena P. Saenkova

THE ROLE OF LAW IN OVERCOMING THE LACK OF FREEDOM OF THINKING 78

PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL AND INTERNATIONAL LAW 85

Leonid V. Akopov, Igor A. Sizko

THE NEW COMMENT TO CONSTITUTION OF RUSSIAN FEDERATION: MERITS AND DEMERITS.....85

Anna B. Arzumanyan

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: INTERNATIONAL ISSUES OF LEGAL REGULATION 92

Magomed R. Bogatyrev

IMPLEMENTATION OF LAW-MAKING ACTIVITIES BY THE STATE UNDER EMERGENCY SITUATIONS.....100

Alexey V. Szydlowski

ELECTORAL JUSTICE OF THE EASTERN REPUBLIC OF URUGUAY 106

PROBLEMS OF CIVIL, BUSINESS AND PROCEDURAL LAW..... 113

Nikolay A. Sarmin, Denis A. Popov

IMPORTANCE OF THE OPPOSITIONS INSTITUTION FOR THE PURPOSES OF LEGAL CIVIL TURNOVER PARTICIPANTS STATUS STABILIZING 113

Olga G. Zubareva, Anastasia S. Doroganova
SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF FAMILY BUSINESS DURING THE PANDEMIC AND REFORM OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION 123

Yulia A. Tymchuk
DISTANCE NOTARY CERTIFICATE OF CROSS-BORDER REAL ESTATE TRANSACTIONS: ISSUES OF FORMATION OF THE CONCEPT-CATEGORICAL APPARATUS 131

Marietta D. Shapsugova
DIGITAL TRANSFORMATION OF SELF-EMPLOYMENT IN GIGNOMICS 139

PROBLEMS OF CRIMINAL LAW 148

Dmitry B. Dmitriev, Olga G. Donskaya
THE PRINCIPLE OF EQUALITY IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA 148

Evgeny V. Millerov
ABOUT SOME FEATURES OF THE DEFENDER'S PARTICIPATION IN THE INTERROGATION OF THE SUSPECT 156

Elena A. Pashenko, Artur G. Saribekyan
CRIMINAL-POLITICAL VARIABILITY IN COUNTERING DOMESTIC VIOLENCE 162

Anastasia V. Delever
INTERPRETATION OF THE ESSENCE OF THE CONCEPT OF DUAL-USE BIOLABS IN CRIMINAL LAW 168

EQUIREMENTS FOR THE PREPARATION OF ARTICLES 175

Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 9–20
North Caucasus Legal Vestnik. 2021;(3):9–20

Проблемы теории и истории права и государства

Научная статья
УДК 34.01
doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-9-20

ГЕНЕЗИС ПРАВА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ: ОТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПОНЯТИЯ О ПРАВЕ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПРАВА КАК БЫТИЯ (РЕГУЛЯТИВНЫЙ – РАССУДОЧНЫЙ И СУБСТАНТИВНЫЙ – РАЗУМНЫЙ ПОДХОДЫ)

Дамир Юсуфович Шапсугов
Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, shapsugov@yandex.ru

Аннотация. В статье кратко анализируются основные концепции о генезисе права, изложенные в отечественной юридической литературе, уточняются предмет исследования и особенности его познания на основе разграничения мышления и познания. Дается обоснование особенностей регулятивного (рассудочного) и субстантивного (разумного) подходов к изучению генезиса права.

Ключевые слова: генезис права, интуитивное право, право как свобода, произвол, позитивное право, регулятивный (рассудочный) подход, субстантивный (разумный, сущностный) подход, разум, свобода мысли, свобода воли, становление права, развитие права

Для цитирования: Шапсугов Д. Ю. Генезис права как предмет исследования: от действительности понятия о праве к действительности права как бытия (регулятивный – рассудочный и субстантивный – разумный подходы) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 9–20. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-9-20.

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

THE GENESIS OF LAW AS A SUBJECT OF RESEARCH: FROM THE REALITY OF THE CONCEPT ABOUT THE LAW TO THE REALITY OF THE LAW AS BEING (REGULATORY – RATIONAL AND SUBSTANTIVE – REASONABLE APPROACHES)

Damir Yu. Shapsugov
South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, shapsugov@yandex.ru

Abstract. The article briefly analyzes the main concepts of the genesis of law, outlined in the domestic legal literature, and specifies the subject of research and features of its knowledge based on differentiation of thinking and cognition. The author provides a rationale for the features of the regulatory (rational) and substantive (reasonable) approaches to the study of the genesis of law.

Keywords*:* the genesis of law, intuitive law, the law as freedom, arbitrariness, positive law, regulatory (rational) approach, substantive (reasonable, essential) approach, reason, freedom of thought, freedom of will, formation of law, development of law

For citation: Shapsugov D. Yu. The genesis of law as a subject of research: from the reality of the concept about the law to the reality of the law as being (regulatory –rational and substantive – reasonable approaches). *North Caucasus Legal Vestnik.* 2021;(3):9–20. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-9-20.

© Шапсугов Д. Ю., 2021

Опровержение видимости, нахождение разумного, это и есть познание.
Г. Гегель. Философия духа, с 268.

Человек свободен сам по себе, по своей субстанции … Этого не знали ни Платон, ни Аристотель, ни Цицерон, ни римские юристы, хотя лишь это понятие – источник права.
Г. Гегель. Лекции по истории философии. Кн. 1. С. 107

Видимость права как бытие, лишенное сущности, не является правом. Поэтому ее возникновение не есть генезис права.

***

Право создается свободными людьми и действительно как их разумная деятельность.

***

В праве воплощается разум человека, как концентрированном концептуальном единстве справедливости, равенства и ответственности, религии, морали, нравственности, законодательства, природной среды, рассудочно разделенных, в современном сознании человека, действительность которых, выражает их общую сущность, постигаемую только разумным мышлением.

***

Действительность понятия о праве дает разумное познание.
Действительность бытия права есть разумная деятельность (поступки) свободных людей.

Д. Ю. Шапсугов

Рассматривая вопрос об истинности познания, Гегель исходил из недопустимости считать его делом произвола. «Ибо у познания нет никакого другого имманентного смысла, кроме как познание…., если бы мы признали, что оно невозможно, то нам пришлось бы отказаться и от стремления к нему». Исходя из этого, Гегель предлагает формальную схему хода развития способности познания, представляющую большой интерес и в современных условиях [1, с. 264–265].

Трудно, однако, найти в юридической литературе произведение, автор которого следовал бы этой схеме как реализации собственной способности к познанию. Понимая невозможность ее полной реализации, а также возникновение после ее публикации дополнений к ней, принимая во внимание, что она представляет собой хороший ориентир в исследованиях процессов познания, эту схему можно рассматривать как предельно общий план познавательной деятельности, который полезен и сегодня, в том числе применительно к теме нашего исследования.

Уже стало давней традицией в юридической науке начинать научное исследование с четкого определения предмета исследования. Выделим несколько наиболее широко применяемых способов решения этой задачи. Особенный интерес в этой связи вызывает изучение сложившихся подходов к исследованию предмета генезиса права.

В учебной и научной литературе широкое распространение получили многообразные концепции происхождения права, классический набор которых кочует из учебника в учебник по теории государства и права. Этой теме посвящены объемные издания. Одними из наиболее широко распространенных из них являются труды Т. В. Кашаниной, Г.В. Мальцева [2-3].

Можно выделить одну общую черту этих теорий – объяснение происхождения права от внешних по отношению к нему самому факторов, необходимость регулирования поведения людей, а также поиск причин возникновения права впервые, поскольку после этого его развитие рассматривается как линейное от момента возникновения. В этом случае вне внимания остается главное – формирование и формулирование внутреннего, духовного содержания права, внутреннего источника его развития, которые и составляют действительную проблематику генезиса права.

Мало кого смущает, что сегодня не так просто воспроизвести реальный процесс возникновения исторически первого права, хотя можно высказать много мнений, предложить много гипотез об этом процессе, если бы было достаточно только веры в их истинность.

При таком подходе становится логически необходимым сначала дать общее правильное определение права, посчитать, что в нем заключен предмет, и остается только выяснить, как исторически возникает этот предмет.

Этот прием достаточно широко распространен в отечественной юриспруденции и вряд ли будет кем-то оспариваться, хотя и очевидно противоречит выводу Гегеля о недопустимости так поступать в теоретическом познании.

Более уточненным инструментом для объяснения рассматриваемого процесса является обоснование исходной клеточки в познании права, развертывая которую можно создать системную конструкцию правовых категорий, позволяющую исследовать не только внутреннюю структуру действующего права, но и процесс его исторического происхождения и развития. Классическим образцом такого подхода остается фундаментальная монография профессора А. М. Васильева [4; 5, с. 103–108].

Попытки объяснения генезиса права от внешних причин, охватывающих широкое многообразие культурных, экономических, политических, социальных и т.п., преимущественно, логические с опорой на эмпирические факты, не могут дать и не дали достоверного объяснения подлинного генезиса права, хотя и позволили получить достаточно обширную информацию о внешней среде, в которой формируется право, знание о которой дается наблюдением и может быть использовано как вспомогательный материал для изучения внутренних процессов правообразования. Оказалось, что это знание не только непосредственно не структурирует право, но и нуждается в дополнительном изучении механизмов его связи с непосредственными источниками, из которых начинает формироваться мысль о праве, а затем и действительное право. Это знание получено в рамках регулятивного подхода к исследованию права и его генезиса.

Важным шагом в понимании генезиса права было обоснование необходимости культурно-исторического подхода к праву, поскольку материалистическое его понимание приводило к сведению духовного к материальному, а его генезис к экономическому детерминизму как главному фактору правогенеза.

Данный подход, на основе которого была обоснована типологическая самостоятельность российской правовой системы, стал едва ли не первой серьезной отправной точкой для развития цивилизационного подхода к исследованию права и его системы с точки зрения рассмотрения его как правового измерения культуры, обоснования самостоятельных типов правовой цивилизации [6, с. 20], не совпадающей с социально-экономической формацией.

Недостаточность объяснения генезиса права от внешних причин привела к необходимости выяснить внутренние источники формирования права, поиск которых и получил свое выражение в учениях о Духе и Душе, в единстве которых могли быть раскрыты внутренние механизмы познавательной деятельности, призванные показать становление права в сознании человека и в его поведенческой практике (Платон, Аристотель, Бэкон, Д.Локк, Г.Лейбниц, Гегель) [7].

Широко распространенное в обыденном сознании и научной мысли понятие Души, которой придается преимущественно позитивное содержание как выражение человеческой ценности, которой отдается предпочтение перед холодным разумом как выражением голой рациональной рассудочности, остается с этой точки зрения достаточно известным, но недостаточно познанным в качестве его заменителей. В научной литературе получают обоснования первоначальные формы сознания, ведущие к пониманию права, например, правда в древнерусском праве, вольности в Великой хартии (Англия), интуитивное право (Л. И. Петражицкий), или менталитет (В. Н. Синюков), и получившие фиксацию в обычно-правовых системах разных народов, направленные на более развернутое, или конкретизирующее, определение того, что охватывается термином «Душа». Поддерживая эти попытки введения в научный оборот новых понятий, все же не следует полагать, что эти понятия исключают понятие души, хотя, безусловно, они разнообразят ее видовые проявления. По крайней мере, как нам представляется, пока не обоснованы другие понятия, которые могли бы претендовать на более широкое выражение сферы познания и действительности, которые охватывают понятие Души [8, с. 398–399].

В интересной концепции интуитивного права Л. И. Петражицкого была предпринята серьезная попытка вывести право из психики человека, что не стояло в повестке дня предшествующих мыслителей на основе выделения правовых эмоций – переживаний и классификации их на императивные, атрибутивные и объединяющие их императивно-атрибутивные как подлинных носителей справедливости, объявленной им как интуитивное право. Этим выводом Л.И. Петражицкий считал возможным ввести справедливость в реальную жизнь человека, из сферы должного – не существующего. Велик был соблазн объяснить, наконец, справедливость не только как основу права и государства, но и как непосредственно право в форме интуитивного. Таким образом, понятие справедливости, переведенное в разряд правового, оказывалось возможным изъять из употребления, заменив его ярким термином – интуитивное право. Можно отметить здесь несколько моментов.

Исходное понятие интуитивного права – справедливость – объяснялось выделением правовых переживаний из обширной сферы переживаний посредством логической их классификации, не имеющей никаких естественнонаучных оснований, что означало неучет критики Ф. Бэконом логизации существующего Аристотелем.

Концепция Л.И. Петражицкого тем самым вступила в противоречие и с концепцией Платона, согласно которой справедливость представляет собой чисто рациональную идею – основной принцип организации и деятельности в идеальном государстве – а чувственная сфера как преобладающая сила полностью остается управляющей людьми в эмпирически существующих государствах (тимократии, олигархии, демократии, тирании), в которых нет справедливости, что не позволяет называть их государствами. В понимании справедливости Платоном

нет развития, она отнесена к постоянному истинному миру идей. В концепции Л. И. Петражицкого справедливость помещена в постоянно меняющийся мир эмоций. Это противопоставление рационального познания чувственному в понимании справедливости было снято уже Аристотелем обоснованием отсутствия самостоятельного платоновского мира идей, указанием на ощущения, чувства как необходимый источник информации для развития познания, которое нуждается в приведении в порядок логическим мышлением. На этой основе получило в дальнейшем развитие учение о душе, первый труд о которой был создан Аристотелем.

По концепции Л. И. Петражицкого право уже существует как переживание, эмоция, хотя и называется интуитивным правом. Внутренняя эмоция, еще не получив своего внешнего воплощения, оставаясь внутренним, но уже правовым переживанием, получает здесь статус права. По существу психические переживания здесь непосредственно переходят в позитивное право, которое взаимодействует с интуитивным правом, сохраняя свою обособленность. Таким образом, выходит, что справедливость как интуитивное право переходит в позитивное, и, не имея других источников, оно по необходимости обуславливает содержание позитивного права. Генезис права здесь начинается с психических правовых переживаний, образующих интуитивное право, переходящее в позитивное право.

Исходя из изложенного, можно утверждать, что со времен Аристотеля, Душа приобретает статус общего понятия для выражения интуитивно-чувственного компонента права, выражаемого, как уже отмечалось, в различных понятиях: правды в древнерусском праве, менталитета как части культуры [6, 9], вольности в великой хартии (Англия), интуитивного права, зафиксированных в той или иной форме в обычно-правовых системах разных народов.

Именно поэтому, как нам представляется, не имели большого успеха в исследовании души чисто рационалистические исследования этого феномена. Здесь оказались необходимы другие методы познания, другие (новые) виды знания, которые создавались в XIX – XX веках, хотя в самом общем виде они были представлены в предыдущее время. С начавшимся бурным развитием психологического знания и особенно нейрофизиологии возникла возможность проникнуть в прежде неизвестные глубины работы человеческого мозга, обслуживающего внешнее взаимодействие человека с природой в единстве с процессами, происходящими в нем самом.

Произошла подлинная революция в познании человеком самого себя и окружающей среды, начавшаяся с аристотелевского перечисления видов души и органов чувств, раздельно обеспечивающих человека необходимой информацией, к пониманию знания и изучения человеческого мозга, главного органа человека, производящего знание и регулирующего процессы производства человеческой энергии и ее надлежащего использования во благо человека.

Эти два понятия – «производство» знания и «производство» энергии стали обобщающими понятиями, способными объяснить движение – главную проблему, которую, по мнению Аристотеля, не могли решить его предшественники. Попытка Аристотеля свести объяснение движения к уму, понимаемому как логика, породили высокий авторитет логического мышления, существующий и сейчас в гуманитарных науках.

Оказывалось, что источники движения развития в человеческом мире заложены в Душе Человека, для исследования которой необходимы естественные науки, предметом которых уже является не внешняя природа, окружающая среда,

а сама природа человека, в которой заложен источник его саморазвития как живого существа, в котором в каждое мгновение происходят процессы по «производству» энергии, знания, обеспечивающие его самодвижение и саморазвитие.

Сегодня эти тайные пружины [10, с. 411] движения, развития человека в значительной своей части известны. Известны и последствия этих производств, влияющие на организацию будущего человека. Генезис права не может быть познан сегодня без учета этого знания, но в специальных его исследованиях оно не используется, что значительно снижает значимость результатов таких исследований живой человеческой истории. Человек имеет дело не только с наличными фактами и отношениями, которые приходится преобразовывать, но и создавать новые, в том числе и в сфере права.

Интересными представляются суждения выдающегося естествоиспытателя, проявлявшего живой интерес к исследованию проблемы ума академика И. П. Павлов [11]. В познании ума, по его мнению, главным условием является свобода мысли, без которой невозможно познание в любой его форме. В отличие от нее – свободы мысли, совершенно недопустима свобода слова. Этот вывод он сделал, опираясь на свой опыт ученого и гражданина, прямо наблюдавшего революционные события 1917–1918 гг. В свободе мысли он видел единственный источник развития знания о жизни, а в свободе слова – разрушительную силу, когда она выступает в качестве обособленной от ума самостоятельной, по существу равной произволу силой. Еще раннее выдающийся английский мыслитель Джон Локк высказал идею о необходимости различить истину мысли и истину слова, которая может породить иную логику и иную критику, чем те, которыми, как и раньше отмечал он, мы пользуемся в данный момент. Разумеется, в обоих случаях речь идет о ситуациях несовпадения свободы и истины мысли и слова, что еще выше поднимает значение их совпадения, необходимого и при изучении генезиса права.

Речь идет о том, что познание природных явлений невозможно без свободы мысли, означающей снятие налагаемых на него разного рода ограничений, сковывающих поиск истины. Изложение же мысли, осуществляемое посредством слова, являющегося только ее образом, должно соответствовать содержанию мысли. Отсюда ученый должен обладать свободой мысли в процессе познания исследуемых предметов, и это является условием постижения истины, что становится невозможным в случае несовпадения мысли и слова. Сказанное имеет прямое отношение и к процессам познания генезиса права.

Знание о праве дает свободное мышление свободного человека. На первом этапе познания права приоритет имеет свобода мысли исследователя, на втором – обязательное сохранение в обобщенном виде содержания знания, полученного в процессе познания права от ощущений через представления до понятия, сохраняющего в снятом виде «материальное содержание» предмета. Произвол в познании также недопустим, как и в социальном поведении.

Здесь движение, развитие как деятельность ума осознается как свобода мысли человека – символ его развития. В этом смысле свобода – это не абстрактное чисто рациональное понятие, а выражение действия, развития, осуществляемого на основе познания окружающего мира и самосознания себя человеком.

Этим понятием вскрывается источник движения, развития и саморазвития человека, который и есть вечный двигатель – то, что человек пытался найти вне себя – в природе, Боге, государстве, отчужденном сознании, не изучая и не заме-

чая самого себя. Дух народа, Дух законов выступили признаками рождающегося самосознания человека уже не как отдельного индивида, а социализирующегося общества как целостности, которой он принадлежит, что не означало автоматической ликвидации родимого пятна старого подхода к пониманию движения, развития как чего-то противостоящего человеку извне, делающего его зависимым, что не характерно для генезиса права – в таком движении право не возникает.

Именно душа человека как средоточие его непосредственных связей с окружающим миром и всего того, что творится в нем самом, становится реальным двигателем, который должен быть познан. При этом несвобода человека в познании и социальном развитии становится тормозом, перерастающим в катастрофу, вызывающую революцию, представляющую только миг, поскольку для ее победы нужен разум, а не свобода на «часок», ибо революционное мышление, тяготеющее к непосредственным потребностям, выражаемым рассудочным мышлением по определению, и чаще всего приводит к социально опасным последствиям не только на данный конкретный момент, когда она происходит, но в более отдаленной перспективе. Сова Минервы, говорил Гегель, вылетает в сумерки, наверное, почувствовав, что пора разобраться в случившемся.

В научной литературе обосновано весьма важное разграничение мышления и познания [12], позволяющее глубже проникнуть во внутренние тайны процесса познания, в том числе и генезиса права. Суть его сводится к тому, что мышление дает только понимание предмета, которое может оказаться выражением только его видимости. Познание снимает, устраняет эту видимость и восстанавливает субстанциональность и основательность бытия предмета.

В существующих учениях право хотя и мыслится, но не познается, о чем свидетельствует огромное число определений и типов его понимания. Мышлением создается видимость права. Познание призвано снять эту видимость и показать единство природной воли (единичности) и социализации, как возникает и развивается право из самого себя, становится тем, что оно есть. Генезис права описывается процессом мышления о нем, не переходящим в его познание. В господствующих учениях о праве оно не познается, а мыслится и делается известным, но известное вообще от того, что оно известно, как уже отмечалось Гегелем, еще не познано.

В естественноправовом учении право остается непознанным, а «приписывается» человеку, так же как в позитивистских учениях оно дается государством. В особых случаях оно остается видимостью права, означающей его непознанность. На этой основе генезис права осознается как полная привязанность и зависимость права и человека от внешних вещей или внутренней рефлексии, твердо создающей и удерживающей состояние несвободы (рабское сознание).

Познать право – значит снять его видимость, показать, как оно становится действительностью, сначала в понятии (от рассудка к разуму), очищаясь, освобождаясь от оков (односторонних определений в познании) и от непосредственности снимаемо-сохраняющейся в понятии, а затем в своей правовой действительности (реальности), когда теоретический дух, осознавший истину о праве переносится человеком (его деятельностью) в практику, где познанное право (свобода) становится основой законодательства.

Апофеозом мышления о праве как о его видимости стала разработка проблематики правового регулирования общественных отношений. Сенсационно выглядело в этой связи появление концепции механизма правового регулирования

в социалистическом обществе, выдвинутой и разработанной выдающимся отечественным ученым профессором С. С. Алексеевым [13]. В ней были систематизированы все основные понятия о праве, сложившиеся в научной литературе на тот период, представлен механизм их взаимодействия в процессе регулирования отношений между людьми, начиная с установления общеобязательных, устанавливаемых государством и охраняемых им юридических норм, до воплощения содержащейся в них государственной воли в реальном поведении всех участников общественных отношений.

Вряд ли у кого-нибудь из исследователей, даже у самого автора этой идеи, возникала тогда мысль о том, что в этом механизме заложена вполне тоталитарная модель не правового, а юридического (законного) регулирования общественных отношений. Эту проблематику успешно закрывала грандиозная и давно ожидавшаяся схема обоснования единства самого позитивного права, призванного регулировать общественные отношения. Трудно было себе представить, что созданное мышлением, претендующим на объективное познание права, на самом деле была представлена только его видимость. Поэтому неслучайно, что изложенная профессором С.С. Алексеевым концепция правового регулирования до сих пор воспроизводится в научной и учебной литературе без существенных дополнений и часто даже без ссылок на автора, что свидетельствует о том, что данная концепция стала аксиоматической и не требует дополнений, и не нуждается в обосновании. Тем не менее, такое фундаментальное позитивистское обобщение всего наличного знания о праве, на наш взгляд, имело весьма важное значение как подготовительный этап к осознанию необходимости перехода от обычного рассудочного, ставшего традиционным, мышлением о праве и его генезисе, к его познанию.

В настоящее время эта регулятивная концепция генезиса права наиболее фундаментально исследована в работах Г. В. Мальцева и прежде всего в лекциях о происхождении и ранних формах права и государства [3]. Тщательно проанализировав научную литературу, относящуюся к регулятивному подходу к пониманию генезиса права, Г. В. Мальцев формулирует «нормальный способ формирования права» следующим образом: «юридическая норма возникает как обычай, достигает в нем первичной неформальный институализации, а затем, если это необходимо, данная норма реинституализируется, т.е. санкцианируется, оформляется на политическом уровне как закон государства». В современных же условиях, по его мнению, «правовое регулирование сверху должно соединяться с правовой саморегуляцией общества (обычая) и социальных групп, образовать единую гармоничную нормативно-регулятивную систему, где закон, принимаемый политизированным законодателем, будет строго и неукоснительно выражать право, создаваемое людьми в естественной форме обычая» [3, с. 186].

Данный вывод характерен для всех концепций генезиса права, представляющих регулятивный подход к генезису права в его различных вариантах, в которых различными могут быть формы нормативного регулирования отношений, их соотношения и взаимодействия его компонентов, фиксируемых рассудочным мышлением, как правило, решающим перечисленные вопросы на основе непосредственного восприятия или случайного воображения.

Сторонники регулятивного похода к пониманию генезиса права стараются решить проблему чисто рационалистически-рассудочно, не учитывая проблематики Души человека, которую уже Б.И. Чичерин рассматривал как основание,

объединяющее разум и материю, составляющие органическое единство, ядро миропонимания.

От юридической науки они требуют непосредственного знания о праве, только в нем усматривая истину, запрещая мышлению идти дальше путем разума – обобщения, снимающего непосредственность – оставляя материальное содержание предмета в умозрительной форме.

Познавательная ошибка, совершаемая при определении предмета исследования генезиса права, заключается в том, что изначально без надлежащего исследования определяется понятие права, из которого выводится его происхождение. Различные определения права, формулируемые рассудочным мышлением, каждое из которых объявляется единственно допустимым, рассматриваются как исключающие правомерность других рассудочных определений. В результате исследование права имеет своим результатом множество определений права, формулируемых по принципу добавления нового, не учтенного прежними определениями признака, к уже выявленным. Поскольку происхождение каждого отдельного признака так понимаемого права имеет свои причины, то процесс его происхождения становиться весьма запутанным, не поддающимся логической обработке, чем, в частности, можно объяснить недостаточную обоснованность внешне весьма привлекательной интеграционной концепции права, в рамках которой не удается сформировать критерии такой интеграции.

Итогом такого рассудочного подхода к пониманию права и его генезиса является создание мысленного хаоса в виде существующего множества различных типов понимания права, каждый из которых выражает лишь отдельные абсолютизированные аспекты познания права, часто не имеющие отношения к его сущности. Подобное становится возможным из-за смешения представления, мышления и познания, особенностей теоретического и практического (эмпирического) познания и деятельности, неразличения рассудка и разума, ведущих к непониманию движения права, как его становления и развития, которые и составляют основу его генезиса. Кроме того, как обоснованно подчеркивает Ю. Пермяков: «Выведение нормы из фактических отношений не имеет ничего общего с реальным процессом нормообразования» [14, с. 146]. Вытекающее из нее «онтологически недостоверное допущение о юридической силе правовых норм и политической воле государства, составляющее альфа и амегу учебной литературы» перевернуло юридический мир «и в опрокинутой перспективе статусом действующего субъекта овладела правовая норма, принуждающая своего адресата к следованию ее предписаниям» [14, с. 145].

Субстантивный подход[1] преодолевает ограниченность регулятивного подхода, доводит познание права до познания его сущности, в которой разумом снимается непосредственность юридических явлений, устанавливаемых рассудком, преодолевается обособленность их понимания. Это выражается, по крайней мере, в двух аспектах: материальное содержание рассудочных понятий справедливости, равенства и ответственности синтезируется в понятии свободы, преодолевается обособленность религии, морали и нравственности от права, которое юристы пытались отделить от права введением нового субъекта, творящего право государства. При этом наряду с позитивным правом государства сохранялось религиозное право мировых религий, моральное право, интуитивное право, что

[1] О субстанциональности права см. [5, с. 164–167; 15, с. 201-204].

является свидетельством необоснованности рассудочного разделения права на подобные разновидности и необходимости их общего синтеза, о котором говорил Гегель как об обязанности человека найти свой разум в праве. Общая схема «рождения» права, опирающаяся на эту идею, уже получила свое первое обоснование в предыдущих исследованиях автора[1].

Сторонники регулятивного подхода сами признают необходимость «войти в область философии права, где (по их мнению – *Д. Шапсугов*), с историческими аргументами и социологическими фактами мало чего можно добиться, где генезисные проблемы получают, как правило, умозрительные, метафизические решения: все происходит от Бога, разума, природы человека, природы вещей и т.п. [3, с. 70]

Регулятивный подход содержит в себе это опасение как следствие незавершенности процесса познания, остановившего мышление на рассудочной стадии, этапе понимания предмета, когда вместо дальнейшего движения к познанию его сущности в разуме, он рассудочно начинает создавать «рассудочную пристройку» [17, с. 8], призванную заменить поиск сущности предмета, когда полученное знание должно быть подвергнуто критике и продолжено познание предмета до нахождения его действительной сущности, что возможно для свободного мышления свободного человека и исключено для рассудочного несвободного человека.

В этом случае генезис права познается как процесс формирования и осуществления такой свободы, что позволяет привести в соответствие процесс становления и осуществления права как развивающегося разума человека, воплощающего целостность, единство свободы человека, Бога, в которых обособленно представлена как единая сущность и государство как основа дальнейшего гармоничного развития человечества. Сегодня уже существуют предпосылки для движения в этом направлении. Они заключаются в серьезных трансформациях религиозного сознания, государственной идеологии, уже не отвергающих свободу человека как ценности, без которой будущее человечества немыслимо. Такое единство, в том числе и в искаженных формах, существовало и раньше, но в них интегрирующим началом выступали миф, религия, затем государство.

В современных условиях именно свобода конкретного человека и образуемых им сообществ, для понимания и осуществления которой созданы определенные предпосылки, становится ведущим фактором органического единства в праве, призванном снять непосредственность религии, рассудочных определений справедливости, равенства и ответственности и стать действительно живым разумом. С этой точки зрения, генезис права означает становление свободы как процесс формирования внутренних качеств, способов деятельности человека, обладающего свободной волей как возможностью права, реализуя которую в конкретном поступке он создает действительность права как его бытия.

Список источников

1. Гегель Г. В. Ф. Философия духа / Энциклопедия философских наук. Т. 3. М.: Мысль, 1977.-471с.

2. Кашанина Т. В. Происхождение государства и права. М.: Проспект, 2015. 300 с.

3. Мальцев Г. В. Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. М.: Изд-во РАГС, 2000. 189 с.

[1] Шапсугов Д.Ю. Об общей схеме «рождения» и развития права [5, с. 152, 171–172]; Его же. К разработке первого органона юридической науки; его же: О ноосферной парадигме в познании права [16].

4. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. 264 с.

5. Шапсугов Д. Ю. Рассудок – разум – право. Ростов н/Д., 2016. 192 с.

6. Синюков В. Н. Российская правовая система. Саратов, 1994. 496 с.

7. Шапсугов Д. Ю. Проблема Духа и Души в истории правовой мысли овременной юриспруденциии // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 9–17.

8. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности в 2 ч. Часть 1. М.: Издательство Юрайт, 2019. 237 с.

9. Иванников И.А. Проблемы государства и права России начала XXI века. Ростов н/Д., 2003.

10. Исаев А.И. Politika Hermetika. Скрытые аспекты власти. М.: Юристъ, 2002. 411 с.

11. Павлов И. П. Об уме вообще, о русском уме в частности // Физиологический журнал им. И. М. Сеченова. 1992. № 9.

12. Чичерин Б. Н. Основания логики и метафизики. Электронный ресурс: https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=272

13. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования общественных отношений в социалистическом обществе. М., 1966. 187 с.

14. Пермяков Ю. Ф. Философские основания юриспруденции. Самара, 2006. 248 с.

15. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.1. СПб.: Наука, 1993. 350 с.

16. Шапсугов Д. Ю. Проблема свободного мышления в юридической науке. М., 2020. 426 с.

17. Кант И. Критика чистого разума / Пер. Лосский Н. М.: АСТ, 2017. 784 с.

References

1. Gegel' G.V.F. Philosophy of Spirit. In: *Encyclopedia of Philosophical Sciences.* T. 3. Moscow; 1977. 471 p. (In Russ.)

2. Kashanina T. V. *The origin of the state and law.* Moscow: Prospect; 2015. 300 p. (In Russ.)

3. Maltsev G. V. *Five lectures on the origin and early forms of law and State.* Moscow: Publishing House of RAGS; 2000. 189 p. (In Russ.)

4. Vasiliev A. M. *Legal categories. Methodological aspects of the development of a system of categories of law theory.* Moscow; 1976. 264 p. (In Russ.)

5. Shapsugov D. Yu. *Mind – reason – the right.* Rostov-onDon; 2016. 192 p. (In Russ.)

6. Sinyukov V. N. *Russian legal system.* Saratov; 1994. 496 p. (In Russ.)

7. Shapsugov D. Yu. The problem of the Spirit and Soul in the history of legal thought of modern jurisprudence. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasus Legal Vestnik.* 2021;(1):9–17. (In Russ.)

8. Petrazhitsky L. I. *The theory of law and state in connection with the theory of morality in 2 p. Part 1.* Moscow; 2019. 237 p. (In Russ.)

9. Ivannikov I. A. *Problems of the st ate and law of Russia at the beginning of the XXI century*. Rostov-on-Don; 2003. (In Russ.)

10. Isaev A. I. *Politika Hermetika. Hidden aspects of power.* Moscow; 2002. 411 p. (In Russ.)

11. Pavlov I. P. About the mind in general, about the Russian mind in particular. *Fiziologicheskii zhurnal im. I.M. Sechenova = Physiological journal named after I. M. Sechenov.* 1992;(9). (In Russ.)

12. Chicherin B. N. The foundations of logic and metaphysics. Available from: https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=272

13. Alekseev S. S. *Mechanism of legal regulation of public relations in socialist society.* Moscow; 1966. 187 p. (In Russ.)

14. Permyakov Yu. F. *Philosophical foundations of jurisprudence.* Samara, 2006. 248 p. (In Russ.)

15. Gegel' G. V. F. *Lectures on the history of philosophy.* Vol. 1. St. Petersburg; 1993. 350 p. (In Russ.)

16. Shapsugov D. Yu. *The problem of free thinking in legal science.* Moscow; 2020. 426 p. (In Russ.)

17. Kant I. *Criticism of pure reason.* Transl. by N. Lossky. Moscow: AST; 2017. 784 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. Ю. Шапсугов – заслуженный юрист РФ, докт. юрид. наук, проф., директор центра правовых исследований, научный руководитель школы правового мышления.

Information about the author

D. Yu. Shapsugov – Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Lawyer Sciences, Prof., Director of the Center for Legal Research, Supervisor of the School of Legal Thinking.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 08.09.2021; одобрена после рецензирования 22.09.2021; принята к публикации 23.09.2021.

The article was submitted 09.08.2021; approved after reviewing 22.09.2021; accepted for publication 23.09.2021.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 21–29
North Caucasus Legal Vestnik. 2021;(3):21–29

Проблемы теории и истории права и государства

Научная статья
УДК 340.12
doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-21-29

НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КРИЗИСА И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЙ В ПРАВЕ В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ ПРАВОВЕДОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

Татьяна Владимировна Шатковская[1, 2]

[1]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, shatkovskaya.tv@gmail.com
[2]Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья посвящена определению понятия «кризис» для характеристики отдельных правовых проявлений и поискам выхода общества из кризисного состояния. Автор доказывает, что научная диагностика кризиса в праве на примере политико-правового опыта начала XX века, осуществленная выдающимися отечественными правоведами сохраняет свою актуальность и для современной России. В результате научно-критического анализа трудов П. А. Сорокина, И. А. Ильина, Б. А. Кистяковского, П. И. Новгородцева, М. П. Чубинского, И. А. Покровского автором выявлены и сформулированы наиболее устойчивые позиции о сущности кризисных проявлений в праве и путях их преодоления, проецируемые на современную действительность.

Ключевые слова: право, кризис, кризисные проявления в праве, правосознание, правовые ценности, правовая культура, правовое регулирование

Для цитирования: Шатковская Т. В. Научное осмысление кризиса и его проявлений в праве в трудах российских правоведов начала XX века // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 21–29. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-21-29.

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

SCIENTIFIC INTERPRETATION OF THE CRISIS AND ITS MANIFESTATIONS IN LAW IN THE WORKS OF RUSSIAN LAWS OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Tatiana V. Shatkovskaya

[1]South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, shatkovskaya.tv@gmail.com
[2]Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article is devoted to the definition of the concept of "crisis" to characterize individual legal manifestations and the search for a way out of the crisis for society. The author proves that the scientific diagnosis of the crisis in law on the example of the political and legal experience of the early twentieth century, carried out by prominent domestic legal scholars, remains relevant for modern Russia. As a result of a scientific and critical analysis of the works of P.A. Sorokin, I. A. Ilyin, B. A. Kistyakovsky, P. I. Novgorodtsev, M. P. Chubinsky, I. A.Pokrovsky, the author identified and formulated the most stable positions on the essence of crisis manifestations in law and ways to overcome them, projected onto modern reality.

Keywords*:* law, crisis, crisis manifestations in law, legal consciousness, legal values, legal culture, legal regulation

For citation: Shatkovskaya T. V. Scientific interpretation of the crisis and its manifestations in law in the works of Russian laws of the beginning of the XX century. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2021;(3):21–29. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-21-29.

© Шатковская Т. В., 2021

Научная и научно-публицистическая юридическая литература истекшего столетия пестрит многочисленными примерами кризиса современного правосознания, правовой культуры, юриспруденции и даже права. Столь частое и главное продолжительное использование понятия «кризис» для характеристики различных правовых проявлений заставляет задуматься над тем, что есть кризис в действительности, чем он отличается от непрерывного процесса социокультурных изменений жизни, как он влияет на право, и каким должно быть правовое воздействие в периоды кризиса.

Выбор начала XX века в качестве хронологического этапа научного осмысления рассматриваемой проблемы обусловлен тем, что прошлый век стал примером глобальных кризисов, выходящих за пределы национального государства и принимающих мировые масштабы. Революционные катаклизмы этого периода, с одной стороны, обеспечили резкий разрыв с отжившими фактическими общественными отношениями и их юридическими формами. С другой стороны, породили «беспорядочное перепроизводство общественной самодеятельности» [1, с. 10] требовавшее создания нового типа упорядоченности, регулярности и определенности, а значит теоретического осмысления типологических свойств новых общественных отношений, кардинального обновления юридической техники, законодательства и общих положений юридической науки.

Продолжение этой кризисной истории в XXI веке заставляет задуматься о новой тенденции социального развития. Она состоит в том, что изменяется темпоральность жизни глобализированного человечества, объединенного общим мировым экономическим рынком, тесными политическими и культурными, в том числе и правовыми связями, а именно сокращаются периоды стабильности и возрастает угроза учащения и усложнения кризисов.

В связи с теми социальными функциями, которые исторически осуществляются посредством права – обеспечение правопорядка; создание правовых связей, способствующих мирному сосуществованию, организации и взаимодействию людей; упорядочению и укреплению общественных отношений путем систематизации присущих каждому прав и обязанностей – определение кризиса и поиски выхода из кризисного состояния считаем важной задачей юридической науки.

Ответ на эти вопросы позволит не подменять иные объективные процессы, происходящие в обществе, являющиеся самостоятельным предметом юридического познания и правового регулирования, феноменом расстройства социальной жизни, ее тяжелого затруднительного положения. Кроме того, необходимо осознать, что и в динамично изменяющемся мире сохраняется социальная потребность в правовой определенности, в действенных законах долженствования, обеспечивающих «постоянный необходимый порядок, который людям надлежит осуществлять в их деятельности» [2, с. 5], организующий общественную жизнь и устанавливающий пределы самостоятельности каждого.

Научно-критическое изучение трудов наших соотечественников – великих правоведов начала XX века, гениальные мысли которых сначала потонули в потоке необузданных человеческих страстей и диких революционных потрясений, а затем были адаптированы под каноны марксистской идеологии в формы утилитарных юридических конструкций, необходимо для ответа на вышеназванные и другие вызовы, стоящие перед юридическим сообществом.

Осмысление опыта первых десятилетий XX в. привело П. А. Сорокина к выводу о том, что кризисом следует признать деструктивный процесс, выражавшийся

в таких противоречивых тенденциях как «нарастающий упадок чувственной культуры» человека и общества, формирование идеалистического социально-культурного строя [3, с. 13]. Борьба этих тенденций сказалась на науке, политике, этике, философии, что придает данному кризису экстраординарный и тотальный характер.

Кризис представляет собой не столько противоречивость отдельных элементов культуры, сколько разрушение большей части ее секторов, интегрированных в единую форму. По мнению П. А. Сорокина, кризис начала XX века заключался в «распаде основополагающих форм западной культуры», включая право, существовавших последние четыре столетия истории западноевропейской цивилизации. Экстраординарный характер кризиса придавал ему цивилизационный масштаб и давал основания включать в число великих поворотных моментов в трех тысячелетней истории греко-римской и западной культуры [3, с. 19, 20].

Разрушение фундаментальных основ чувственной (сенсорной) западноевропейской культуры, с точки зрения П. А. Сорокина не могло не отразиться на праве. Кризисные проявления в праве ему видятся в девальвации правовых норм, их рационализации и использовании с утилитарными целями, в качестве речевых средств прикрытия и осуществления в этой «дымовой завесе» эгоистических материальных интересов и ценностей господствующего класса, а также контроля, подавления и угнетения элитой подчиненных классов [3, с. 108]. Потеря морального престижа юридических норм снизила их регулятивную и контролирующую силу и действенность. Все это обернулось усилением репрессивной составляющей современного права, выражающейся в формуле «сила и есть право» [3, с. 109].

Сорокин напоминает о том, что кризис не относится к явлениям случайного порядка. Он становится разрушительным итогом вытеснения утилитарными юридическими ценностями нравственности, моральной деградации человека и как следствие утраты правом святости и престижа. Такой негативно-накопительный эффект ученый связывает с релятивизмом, эгоизмом и беспредельностью чувственных ценностей, выраженных в юридических нормах и обостряющих борьбу между группами и индивидами.

Отсутствие у чувственного права абсолютного судьи приводит к тому, что единственным средством предотвращения такой борьбы становится сила [3, с. 111]. Как полагает П. А. Сорокин, без объективного и универсального критерия разрешения конфликтных ситуаций чувственная система права обречена на разрушение. Рекомендация мыслителя о том, что законодателям в этой связи необходимо «вновь «изобрести» Бога», нашла отражение в Российской Конституции в качестве поправки в ч. 2 ст. 67.1, в которой элементом исторически сложившегося государственного единства названа и вера в Бога. Однако ученый предостерегает от того, чтобы закрепление «идеациональных» норм в законе не стало «искусственной мифологемой», понимание их фиктивности нанесет еще больший урон праву [3, с. 111].

Как справедливо отмечал П. А. Сорокин, правильная диагностика кризиса позволяет выработать эффективные средства для его лечения. В противном случае принимаемые меры в лучшем случае бесполезны, а нередко влекут губительные последствия, препятствующие поиску новых форм социально-культурной интеграции и раскрытию созидательного потенциала общества. Так, он считает, что экстраординарный характер современного перелома требует не частичных экономических, юридических, политических мер, а коренного преобразования ментальности, переориентации системы ценности, поведения в отношении других людей и реального мира в целом [3, с. 218].

Утрата веры в безграничные возможности и непреложность рационального познания, которая основывалась на успехах естественных и технических наук XIX века, обернулась обесцениваем разумной истины, устойчивых, постоянных и неизменных принципов научного познания. Как полагал Б.А. Кистяковский, научный кризис наиболее ярко проявился в области социально-научного знания [4, с. 14]. Причина тому кроется в «полной неуверенности» в достоверности, объективности, устойчивости, доказуемости социально-научных истин, а также в неудовлетворенности результатами, добываемыми гуманитариями.

Определяя данный кризис как гносеологический, Б.А. Кистяковский выявляет две его основные причины: методологическая необособленность социальных наук от философии и сведение социальных явлений к психологическим процессам, что препятствует выявлению «материально-субстанциальных элементов» социальных наук, придающих им устойчивость, беспристрастность. Для устранения источника научного кризиса Б.А. Кистяковский считает необходимым выявить логическую и методологическую природу социальных наук, опираясь на добытые теоретические знания, подвергнутые строгой научно критике. Последняя состоит в изучении приемов мышления, используемых при теоретических построениях научных понятий, объяснении причинности и закономерности социальных явлений, определении роли норм в социальной жизни и значений формулируемых целей сознательного воздействия на социальные процессы [4, с. 27].

Такая научная обработка, по мнению Б.А. Кистяковского, проходит три основные стадии. Первоначально необходимо выявить сходные черты отдельных социальных явлений для их систематизации с целью определения общих понятий. Затем устанавливаются соотношения, объясняющие необходимое при возникновении и исчезновении тех или иных социальных явлений. И в завершении определяется роль сознательного воздействия человека на социальные процессы, которое, по Б.А. Кистяковскому, лучше всего проявляется в разработке норм, регулирующих общественную жизнь в «должном» направлении. Установление общего, необходимого и должного в социальных процессах с помощью логических и методологических приемов социальных наук приведет, по мнению ученого, к научной объективности доставляемых знаний и выведению социальных наук из кризиса [4, с. 28, 29].

Девальвацию правовых ценностей профессор М. П. Чубинский считает гораздо более губительным последствием кризиса начала XX века, чем разорение хозяйственной системы. Так, состояние российского права первого десятилетия советской власти он называет «правовой разрухой» [5, с. 4, 5]. Утрата веры в идеалы и духовные ценности привела к принципиальному правовому нигилизму, который покушался на правовой минимум русского народа. Он связывает этот кризис с многовековым недоверием народа к закону в силу его несправедливого характера, с низким уровнем правосознания российской интеллигенции и революционными потрясениями начала XX века.

В конечном счете, необходимость устойчивого правопорядка осознают даже марксисты. Однако интенсивное стремление поднять авторитет советского права, по мнению М. П. Чубинского, не привело к появлению твердых и последовательных законов, так как в них не только не закреплялись, а напротив разрушались общепризнанные правовые начала юридического равенства всех перед законом, социальной справедливости, свободы и гарантий прав личности, беспристрастности суда [5, с. 22, 23]. Вместо них советская власть ориентировала

общество на классовую борьбу, уничтожение инакомыслящих, жесткую дисциплину и подчинение партийным решениям.

В итоге, как пишет М. П. Чубинский, помимо произвола, связанного с несоблюдением законов, утративших социальную значимость, в том числе и в силу профессиональной недостаточности (пробельность, коллизионность, декларативность, необязательность), возникает произвол правоприменителя, обладающего революционным правосознанием и наделенного широким усмотрением вплоть до возможности свести на нет силу закона [5, с. 24]. Исчезновение понятия «гражданин» и разделение россиян по классовому признаку фактически легализовало коллективный произвол (взятие заложников и расправа над ними, террор, конфискации, контрибуции и пр.), не ограниченный правом распоряжаться жизнью и имуществом «не наших». Размытость понимания последнего не давало гарантий безопасности никому [5, с. 26].

Пути возрождения российских правовых начал М. П. Чубинскому виделись в правовом обучении как школьников, так и широких народных масс с целью формирования чувства долга перед Родиной, ближними и понимания важности гражданского единения и социальной солидарности. К этому процессу профессор предлагает подключить литературу, средства массовой информации, действующие на основе свободы слова. По мнению М. П. Чубинского, все должны выучить урок советского опыта, который наглядно показал, что вне правовых гарантий и рамок правового государства можно прийти только к развалу и невозможно осуществить высоких социальных идеалов [5, с. 38].

Возрождение правового творчества ученый видит и в росте общественной самодеятельности, а также всего того, что противно классовой борьбе и вражде, активно осуществляет идею концентрации сил, единения и социальной солидарности, развития правовой и политической ответственности вольных и сознательных граждан [5, с. 39, 40]. Организация власти в возрожденной России, с точки зрения М.П. Чубинский должна основываться на идее свободы и права, предоставления народам, входящим в состав государства в вопросах, не затрагивающих общегосударственных интересов, права принимать самостоятельные решения «без давления всеопекающего центра» [5, с. 41].

Свидетельством девальвации чувственной правовой культуры для И. А. Покровского является постоянное стремление к процветанию хозяйственной жизни, фактически выражающееся в разбухании хозяйственного аппарата, росте предприятий и превращении личности в экономического человека. В погоне за этим процветанием экономический человек не щадит себя, затрачивает до крайности свою рабочую энергию, отдает на жертву «Молоху работы» все потребности «духа и сердца». «Достоинства и добродетели перестали быть свойством живого человека», а стали принципами ведения предпринимательской деятельности [6, с. 134]. Участники производственного процесса связаны ремнями этой машины, которая диктует им свои законы. В итоге экономический «человек перестает быть хозяином своих целей» [6, с. 316], что ведет социокультурную систему к идейному кризису.

Покровский выводит «этическую максиму» необходимую для решения первоочередных задач выхода из кризиса – «чем меньше будет почвы для подлинных, неотъемлемых прав человеческой личности, тем слабее будет сопротивление при переходе к новой системе и, наоборот: чем настойчивее будет проводиться мысль о человеке как простом средстве для интересов целого, тем сопротивление будет сильнее» [6, с. 317]. На этом основании он пытается вывести общий

принцип правового порядка – принцип разложения вреда или обязательного страхования, развернутого «во всю ширь его потенциального содержания» [6, с. 321]. Данный правопорядок, основанный на общественной солидарности, должен гарантировать каждому субъективное публичное право на существование.

Выстраивание системы права на вышеперечисленных основаниях, по мнению И. А. Покровского, сделает ее более устойчивой, так как позволит перейти от «конкретной справедливости» к более правильной «общей справедливости», что придаст прочности и экономической системе. Ученый отдает отчет в том, что гарантированность права на существование не является идеалом человеческого благополучия, но обеспечивает реализацию обществом минимума этических требований, создающих нравственную поддержку для выхода из кризиса с сохранением «частно-правовой сферы народного хозяйства» [6, с. 323].

Как кризисное состояние российского права начала XX века оценивал и П. И. Новгородцев. Его видение причин кризиса выражалось в утрате правом ореола «созидательного начала общественной жизни» и «всеисцеляющего средства» достижения высшей цели всемирной истории [7, с. 12]. Такой кризис идей правовед называет «кризисом правосознания», означавшим полную или частичную утрату веры в старые идеалы и понятия. Данный период П.И. Новгородцев называет временем «исканий и сомнений», сопровождающихся напряженными творческими исканиями. Последние в свою очередь завершаются либо полным развенчанием политико-правовых понятий, что требует преобразований самих основ общественной жизни, или обновлением старых юридических понятий для укрепления основ гражданского строя.

Именно ко второму выводу приводит П. И. Новгородцева анализ западноевропейского юридического опыта XIX века. Его диагноз таков – право не следует рассматривать в качестве единственного исключительного средства общественного преобразования, но это не служит поводом к отрицанию значения права [8, с. 15]. Право «по отношению к полноте нравственных требований» только «недостаточное и грубое средство, неспособное воплотить чистоту моральных начал [8, с. 16].

Такой неутешительный вывод не означает, что правовые основы невозможно усовершенствовать, можно и должно для решения «великих социальных проблем» века, считает П.И. Новгородцев. Для этого он полагает необходимым обеспечить право на достойное человеческое существование, то есть отрицание условий, исключающих обеспечение необходимых потребностей человека. И в этом его поддерживает и профессор И. А. Покровский, который считал право на существование, если не средством социального преобразования, то «основной чертой всякого сколько-нибудь развитого общества» [7, с. 33].

В качестве важнейшей проблемы правоведения оба ученых называют поиск наилучшего устроения общества свободной деятельностью людей. При этом они не вели и речи о безмятежной гармонии всеобщего согласия, понимая утопичность этой идеи. Для П. И. Новгородцева очевидны пределы влияния политических организаций и их вождей на общественное мнение, крушение простых и гармоничных схем, созданных «пламенным воображением оптимистического века» для решения социальных проблем [8, с. 392].

На пределы правовых предписаний государства, могущих «убить всякую свободную жизнь, всякое неестественное проявление и творческую инициативу людей» обращал внимание И. А. Ильин [2, с. 41]. По мнению ученого, право должно указывать человеку внешние пределы его деятельности, содействовать осознанию его прав и обязанностей, но не предписывать жизненные детали.

Действительно, как бы ни парадоксально звучала эта мысль сейчас в условиях тотальной «заорганизованности» общественных отношений несколькими сотнями тысяч нормативно-правовых предписаний, чем большую область охватывает правопорядок, тем меньше сфера частных интересов, а значит, свободы самодеятельности и личной инициативы остается человеку. Право предназначено укрепить правосознание человека, но не отучить его от самодеятельности.

Таким образом, кризис «перепроизводства» властных юридический велений негативно сказывается как на выполнении государственных функций в связи с тем, что «разбухает» аппарат правоприменителей, так и на состоянии правосознания субъектов права. Ни одно разумное существо не в состоянии осознать такое количество прав и обязанностей, полномочий, обязываний и запретов. В итоге возникает естественная реакция отторжения и неприятия массива юридических норм, исходящих от государства, то есть нарушается «чувство законности», о котором писал Г. Ф. Шершеневич как о психическом условии обеспечения правопорядка [9, с. 702]. Об этом следует помнить отраслевым юристам, рассматривающим принятие новых законов в качестве регуляторной панацеи.

Более ста лет тому назад П. И. Новгородцев сообщил юристам о том, что «старое и безмятежное спокойствие юриспруденции» «миновало бесследно». Она вступила в эпоху самых глубоких сомнений и самых смелых нововведений. В этой связи задачей юридической науки в условиях кризиса профессор Н. М. Тоцкий называл, «познание и переработку нарастающей ткани жизни». Он полагал, что следует отказаться от «готовой истины», догматизма, «мертвящей схоластики», «прокрустова ложа формальной логики», готовых трафаретов и перейти к непосредственному исследованию, наблюдению, изучению, исканиям и творческой обработке происходящих жизненных изменений [1, с. 11]. Однако новые вопросы и сомнения должны решаться не в угоду политическим стремлениям, а на твердых основаниях действующего права.

Этому, по мнению Н. М. Тоцкого, и служит научная обработка права, которая состоит в выявлении юридических элементов и правовой сущности новых явлений и усложняющихся отношений в общественной жизни, синтезе правовых принципов, абстрагировании общих правовых понятий, приведении их в связь с другими понятиями путем научно-критического переосмысления. Так, применением юридического метода, правоведение дает знание действующего права для его практического применения [1, с. 72].

Проведенное исследование позволяет в порядке научной дискуссии сформулировать наиболее устойчивые позиции о сущности кризисных проявлений в праве и путях их преодоления, которые, как представляется, полностью проецируются на современную действительность.

Во-первых, главным источником кризиса современного права российские мыслители и правоведы начала XX века считают исчерпание когнитивных возможностей как идеалистической, так и позитивистской парадигм правового мышления, которое приводит к низведению права до формально-логических схем и правил, устанавливаемых на утилитарных, а не разумных началах и утрачивающих собственно правовое содержание.

Таким образом, познавательный кризис негативно отражается на состоянии научного знания (упрощенчество, спекуляризм, релятивизм) и оборачивается попранием личности, ее подлинной сущности и нематериальной ценности, низведении человека до роли биологического организма, функции, объекта государ-

ственного воздействия и средства достижения целей государственного развития. Кризисные проявления в праве начинаются с полного игнорирования начала человечности и идеи высокой ценности чужой жизни, что в свою очередь приводит к индивидуальной и социальной недисциплинированности людей.

Во-вторых, разрушительные кризисы начала и конца XX века, уничтожив отмирающие государственные и правовые институты, многие из которых прекратили бы свое существование и без указанных революционных потрясений вместе с тем подтвердили твердость отдельных жизненно-ценных правил общественной деятельности. В частности, опыт России истекшего века показал, что юридические нормы и конструкции, игнорирующие морально-нравственные идеалы и «очищенные» от абсолютных, неподверженных релятивизму, ценностей остаются фикцией [10, с. 18–20]. Реализация таких правил возможна только силой принуждения.

Вместе с тем действенность права напрямую связана с признанием «самоценности» человека как обладателя разума и мышления, сознания и совести. Поэтому оказались несломленными под давлением политической воли руководителей советского государства такие социально-значимые правовые институты как понятие личности, институт семьи, прав и свобод человека, правосудия; общеправовые принципы законности, справедливости, формально-юридического равенства перед законом, виновной ответственности, а также материальные и нематериальные средства и способы выражения правовой культуры. Данные ценности останутся связующим звеном для создания упорядоченного бытия, наполненного новыми смыслами. Эти смыслы, выраженные в нормах, станут основой нового нравственного и правового порядка. Однако интегрирующие возможности сохраняющихся правовых основ социокультурной системы зависят от масштаба ущерба, который был им нанесен кризисом и уровня их девальвации в сознании людей как абсолютной ценности.

В-третьих, кризис – это и своего рода катарсис, то есть очищение социокультурной системы, в том числе и системы права от деструктивных элементов, разрушающих ее жизнеспособность. Однако выявление созидательной составляющей, не исключает разрушительности кризиса, что актуализирует творческий поиск в направлении определения бесспорных оснований прошлого, которые могут стать социальной основой возрождения, дальнейшего развития права и получить объективное определение в нормах права. Практические меры выхода из кризиса не могут нарушать правовых начал, неотъемлемых прав и свобод человека. В противном случае обеспеченный порядок будет иметь временный характер, основываться исключительно на принуждении и сдерживать творческую самодеятельность людей. Поэтому антикризисные меры должны носить разумный системный характер, базироваться на этическом минимуме и находиться в правовых пределах.

В-четвертых, необходимо установить пределы позитивного правового регулирования, с одной стороны, обеспечивающие национальную безопасность, укрепление основ конституционного строя, гарантии правопорядка, с другой стороны, высвобождающие и стимулирующие созидательные возможности и силы общества, творческий потенциал каждого для поиска новых жизнеспособных социально-культурных, в том числе правовых моделей интеграции людей. Устойчивость правопорядка обеспечивается не силой властных органов его поддерживающих, а развитым правосознанием ответственных, самостоятельных и дисциплинированных граждан, доверием и авторитетным признанием связывающих их юридических норм.

Список источников

1. Тоцкий Н. М. Право и революция // Право и Жизнь. М., 1922. Книга 1 (Июнь).

2. Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: «Рарогъ», 1993. 235 с.

3. Сорокин П. А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018. 640 с.

4. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. 707 с.

5. Чубинский М. П. Кризис права и морали и пути возрождения России. Ростов-на-Дону, 1919. 42 с.

6. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», 1917. 328 с.

7. Новгородцев П. И. О праве на существование: Социально-философские этюды / П.И. Новгородцева, проф. Московского университета и И. А. Покровского, проф. С.-Петербургского университета. СПб.; М.: Издание товарищества М. О. Вольф, 1911. – [4], 48 с.

8. Новгородцев П. И. Введение в философию права. II: Кризис современного правосознания / [Сочинение] П. Новгородцева. – М.: Типолитография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1909. – XII, 395 с.

9. Шершеневич Г. Ф. Избранное: В 6 т. Т. 4, включая Общую теорию права. М.: Статут, 2016.

10. Шатковская Т.В. Опыт реконструкции правовых традиций русского народа на основе актов Российского государства периода империи // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 4. С. 15–20.

References

1. Totskiy N. M Law and revolution. In: *Law and Life.* Moscow; 1922. Book 1 (June). (In Russ.)

2. Ilyin I. A. *On the essence of legal awareness.* Moscow: "Rarog"; 1993. 235 p. (In Russ.)

3. Sorokin P. A. *The crisis of our time. Russia and the United States.* Syktyvkar: "Anbur"; 2018. (In Russ.)

4. Kistyakovsky B. A. *Social sciences and law. Essays on the methodology of the social sciences and the general theory of law*. Moscow; 1916. (In Russ.)

5. Chubinsky M. P. *The crisis of law and morality and the ways of Russias revival*. Rostov-on-Don; 1919. (In Russ.)

6. Pokrovsky I. A *Basic problems of civil law.* Petrograd; 1917. (In Russ.)

7. Novgorodtsev P. I. *On the right to exist: Socio-philosophical studies*. St. Petersburg; 1911. 48 p. (In Russ.)

8. Novgorodtsev P. I. *Introduction to the philosophy of law. II: The crisis of modern legal consciousness* / [Composition] P. Novgorodtseva. Moscow; 1909. – XII.395 p. (In Russ.)

9. Shershenevich G. F. *Selected works*: In 6 volumes, Vol. 4, including the General Theory of Law. Moscow: Statut; 2016. (In Russ.)

10. Shatkovskaya T.V. Experience of reconstruction of the legal traditions of the Russian people on the basis of the acts of the Russian state of the period of the empire. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasus Legal Vestnik*. 2013;(4):15–20. (In Russ.)

Информация об авторе

Т. В. Шатковская – докт. юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС; профессор кафедры гражданского права РГЭУ (РИНХ).

Information about the author

T. V. Shatkovskaya – Doctor of Juridical Science, Head of the Department of Theory and History of Law and State; Professor, Department of Civil Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 03.07.2021; одобрена после рецензирования 22.07.2021; принята к публикации 26.07.2021.
The article was submitted 03.07.2021; approved after reviewing 22.07.2021; accepted for publication 26.07.2021.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 30–35
North Caucasus Legal Vestnik. 2021;(3):30–35

Проблемы теории и истории права и государства

Научная статья
УДК 342.3
doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-30-35

ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ВЕЧНЫЙ СПОР

Светлана Валентиновна Мирошник
Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, miroshnik@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются дискуссионные вопросы соотношения права и справедливости. По мнению автора, справедливость первоначально была частью социальных регуляторов первобытного общества. Усложнение социальных связей, обусловленное переходом к государству, привело к дифференциации социальных норм, выделению права как единственного универсального регулятора поведения.

Ключевые слова: право, правопонимание, источники права, формы права, принципы права, справедливость, реализация права

Для цитирования: Мирошник С. В. Право и справедливость: вечный спор // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 30–35. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-30-35.

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

LAW AND JUSTICE: AN ETERNAL DISPUTE

Svetlana V. Miroshnik
Russian State University of Justice, Moscow, Russia, miroshnik@mail.ru

Abstract. The article discusses the controversial issues of the relationship between law and justice. According to the author, justice was originally part of the social regulators of primitive society. The complication of social relations caused by the transition to the state led to the differentiation of social norms, the allocation of law as the only universal regulator of behavior.

Keywords*:* law, legal understanding, sources of law, forms of law, principles of law, justice, implementation of law

For citation: Miroshnik S. V. Law and justice: an eternal dispute. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2021;(3):30–35. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-30-35.

Проблема взаимоотношения права и справедливости занимает одно из центральных мест в теории права. Она стала объектом многих исследований ученых прошлого и настоящего времени, став своеобразной эстафетой, переходящей от одного поколения исследователей к другому. С каждым историческим витком развития ее актуальность только усиливается, что и обуславливает необходимость дальнейшего осмысления достигнутого политико-правовой мыслью и выдвижения на этой основе новой гипотезы, отражающей сущность складывающихся взаимосвязей в современном обществе.

© Мирошник С. В., 2021

Бесспорно, основы понимания права и справедливости были заложены античными философами. Считается, что справедливость и право впервые связал Сократ, считающий справедливым все то, что является законным.

Аристотель связывал понятие справедливости с представлением о государстве. При этом мерилом справедливости, по его мнению, выступало право, как регулирующая норма политического общения [1]. Государственное право предназначалось для упорядочивания отношений только между гражданами – свободнорожденными и равными между собой «пропорционально или арифметически» [2]. Предназначенное для общего, одинаковое для всех оно и должно господствовать в обществе, поскольку человек, уделяющий себе больше благ, в конце концов, становится тираном.

Аристотель рассматривал справедливость как критерий всеобщей оценки. Это позволило ему разграничить правосудное («как законное и справедливое») и неправосудное («и как противозаконное, и как несправедливое») [2]. Равенство и неравенство в его трудах – это парные категории, воплощающие в себе справедливость и несправедливость. При этом Аристотель обратил внимание на невозможность применения однолинейной оценки – «несправедливость [как неравенство] и противозаконность не тождественны», они выступают, по отношению друг к другу, как часть и целое. Все «несправедливое [в смысле неравенства] противозаконно, но не все противозаконное [в этом смысле] несправедливо» [2]. Справедливое равенство по Аристотелю, – «это середина между «больше» и «меньше» [2].

Через призму справедливости Аристотель оценил и идеи Платона об упразднении частной собственности. По мнению философа, именно справедливость позволяет оценить не только «какие отрицательные стороны исчезнут, если собственность будет общей», но и «какие положительные свойства будут при этом уничтожены» [1].

Великий мыслитель обращал также внимание на то, что справедливость, наряду с воздержанностью, является величайшей нравственной добродетелью. Без нее начальствующий не сможет прекрасно властвовать, а подчиненный – хорошо подчиняться. Человек, не обладающий необходимыми добродетелями, становится необузданным и низкопробным, неспособным выполнить свой долг [1].

Идеи Аристотеля оказали существенное влияние на формирование представлений о праве и справедливости в Древнем Риме, где вопрос об их соотношении, как и в Древней Греции, возник в связи с разрешением правовых споров. Жалобы граждан Рима на несправедливые, по их мнению, решения судей способствовали развитию права – появлению распространяющихся на неопределенный круг лиц норм, регламентирующих саму процедуру судопроизводства, определяющих права, обязанности и ответственность субъектов. Справедливым стало признаваться решение, принятое с учетом всех обстоятельств дела по закону.

Римским властям удалось решить задачу, которая оказалась не под силу самому Аристотелю. Справедливость гарантировалась властью. Именно она и подтверждала меру справедливости «тех или иных властных отношений» [3]. Именно власть стала проповедовать понимание справедливости как законности, гарантируя ее и применяя как в отношении публичных, так и на производных от них правоотношений.

Но такое понимание соотношения права и справедливости не стало универсальным. Поиски абсолютной истины продолжились в средние века. Практика реализации феодального права, отражающего сословную структуру феодального

общества, дало новый толчок в развитии политико-правовой мысли. Многие известные мыслители Нового времени писали о справедливых и несправедливых законах. Гольбах считал, что справедливые законы награждают и карают «в меру того добра и зла, которые сделает человек обществу» [4].

Монтескье полагал, что « отношения справедливости предшествуют установившему их положительному закону…если существует общество людей, то справедливо, чтобы люди подчинялись законом этого общества» [5]. Совершенно иную точку зрения занимал Гоббс. По его мнению, основа всякой справедливости выражается в высшем завете, в соответствии с которым «никто не должен делать другому того, что он считал бы несправедливым, если бы другой сделал это по отношению к нему» [6]. Гоббс обратил внимание на то, что справедливость есть нравственная добродетель [6].

Принципиально новый взгляд на соотношение права и справедливости представили основоположники юридического позитивизма (Бентам, Остин). Они полагали, что «естественная справедливость», «нравственное чувство», равно как и другие моральные категории, не могут использоваться для познания права, поскольку право строится на логике правовых конструкций.

На ошибочность использования справедливости в качестве оценки права обращали внимание и классики марксизма. По мнению Ф. Энгельса, представители науки права делали глубочайшую ошибку, пытаясь объяснить сущность правовых систем государств «не как отражение соответствующих экономических отношений, а как системы, заключающие свое обоснование в самих себя». Общее, свойственное в той или иной мере всем правовым системам, ими было озаглавлено естественным правом. «А мерилом, которым определяется, что относится к естественному праву и что к нему не относится, служит абстрактнейшее выражение самого права – справедливость». Представления же о справедливости, подчеркивал Ф. Энгельс, изменчивы «не только в зависимости от времени и места: оно неодинаково даже у разных лиц и принадлежит к числу тех вещей, под которыми, как правильно замечает Мюльбергер, «каждый разумеет нечто другое»» [7].

Споры о соотношении права и справедливости не прекращаются до сих пор. Разные методологические основы исследования дают неодинаковые результаты.

Методологической основой наших рассуждений выступает научно обоснованная концепция интегративного правопонимания, представляющая собой творческий синтез естественно-правового, позитивистского и социологических типов правопонимания. Право с этих позиций выступает как совокупность принципов и норм права, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, реализующихся в государстве [8].

В рамках данного типа правопонимания имеет место четкое разграничение источников и форм права, без рассмотрения которого невозможно системно исследовать вопрос о соотношении права и справедливости.

Источники права – это «его начала, характеризующие его происхождение, генезис, то, из чего право происходит» [8]. В роли таковых, на наш взгляд, выступает деятельность:

- правотворческая, реализуемая правотворческими субъектами, воля которых находит свое внутреннее и внешнее выражение в правовых актах;
- правосогласительная, осуществляемая несколькими уполномоченными субъектами и выражающаяся в достижении ими единой воли, находящей свое отражение в правовых договорах;

• повторяющаяся правосогласительная, осуществляемая субъектами определенной локальной среды, приводящая к формированию общей воли, находящей свое внешнее выражение в обычаях права.

Формы права – это внутреннее и внешнее выражение принципов и норм права. Формами российского права выступают правовые акты, правовые договоры (внутригосударственные и международные), обычаи права (национальные и международные).

Право современных государств является в основном писаным. В то же время сохраняют силу и продолжают формироваться (правда, очень медленно и не во всех сферах общественной жизни) обычаи права, имеющие отличную устную форму. Соответственно, содержащимся в разнообразных формах права принципам и нормам права свойственны как письменная (доминирующая), так и устная модель существования.

При изучении вопроса соотношения права и справедливости, как и исследовании других тем, целесообразно рассматривать право в динамике, в его историческом разрезе, позволяющем выявить особенности права прошлого и настоящего времени, выявить тенденции дальнейшего развития.

В историческом ракурсе можно выделить три этапа жизни права:

• право первобытного общества, оно отражало волю всего рода, имело устную форму выражения в виде первобытных договоров и обычаев,

• право государственно организованного общества – появление государства привело к возникновению новых форм выражения права – правовых актов, существенным уменьшением роли и значения правовых обычаев, преимущественным письменным отражением принципов и норм права,

• право цифровой эпохи – цифровизация, ставшая результатом научно-технологической революции, объективно не могла не затронуть сферу права как единственного всеобщего регулятора поведения в обществе. Право цифровой эпохи, в отличие от права предыдущего этапа развития, характеризуется существенными изменениями, произошедшими в объекте и предмете правового регулирования, расширением роли и значения локального правотворчества.

Выделение исторических этапов жизни права имеет принципиальное значение для понимания соотношения права и справедливости. На этапе родового строя право зарождается, формируются определенные разумные принципы и правила поведения, в справедливости которых никто не сомневается. Справедливость становится частью всех социальных регуляторов первобытного общества, представления о ней помогают жить сообща, помогают выжить.

В дальнейшем ситуация начинает кардинально меняться. Развивается правотворческая деятельность государства, усложняются общественные отношения. Нормы права, морали, религии дифференцируются, становятся самостоятельными социальными регуляторами.

Справедливость занимает достойное место в системе моральных категорий. У каждого индивида, класса, социальной группы складываются свои представления о справедливости и несправедливости. Мораль оказывается социально неоднородной и переменчивой. Ее носителями становятся все члены общества.

Совершенно иная ситуация складывается в отношении религиозных норм, призывающих смиренно относиться к несправедливости, тяготам и лишениям земной жизни, обещая за это рай в загробной жизни. При этом религиозные положения в большинстве стран не стали всеобщим регулятором поведения.

Государства постепенно шаг за шагом отстаивали свой суверенитет, утверждая независимость светской власти от религиозной. Вера стала индивидуальным выбором каждого (правда, в разные исторические эпохи неудачный выбор признавался правонарушением со всеми вытекающими последствиями).

В отличие от моральных и религиозных норм право, в силу своей универсальности, становится единственным всеобщим регулятором поведения, позволившим обществу продвигаться вперед по пути общественного и технического прогресса. Человек может обойтись без морали и религии, но без права общество обречено на хаос и вымирание.

Может ли или должно быть право справедливым или несправедливым? Если допустить, что справедливость – это правовая категория, тогда закономерно возникает вопрос о ее критериях. И вот здесь возникают трудности. Ведь мораль в отличие от права не обладает системным единством. То, что справедливым кажется для одной группы людей, окажется несправедливым для другой. Правовая реальность существует и развивается независимо от того, соответствует ли она моральным ценностям или нет, ведь нормы морали необязательны, принудительно не исполняемы.

Поэтому справедливость объективно не может выступать критерием оценки права – единственного обязательного регулятора поведения. Конечно, эффективность социального регулирования значительно повышается, когда «объединяются» усилия различных видов социальных норм. Но объединение усилий по одним вопросам не исключает и не может, к сожалению, исключить возникновения противоречий по другим.

Социальные нормы выработаны в процессе исторического развития общества. Они выполняют различные функции, имеют разное социальное предназначение. Их смешение ведет к хаосу, закономерному возникновению вопроса – если право может быть справедливым или несправедливым, зачем оно, как и другие разновидности социальных норм, вообще нужно, ведь есть нормы морали?

Между тем, правовое регулирование имеет многовековую историю. Его своеобразной квинтэссенцией, «дорожной картой», альфой и омегой стали принципы права, благодаря которым право внутренне согласовано и едино, непротиворечиво и предсказуемо, сбалансированно и взаимосвязано. Принципы права нельзя придумать. Но как абсолютно точно писал Г.В. Мальцев, их можно произвольно менять, игнорировать, дискредитировать, выделять главные и второстепенные, вольно или невольно нарушая таким образом системные правовые связи. Это обусловлено тем, что применение правовых принципов «находится целиком в области субъективного» [9].

В связи с этим весьма обоснованными и актуальными представляются предложения В.В. Ершова, считающего необходимым, во-первых, «дополнить российские правовые акты соответствующими разделами об основополагающих (общих) принципах национального права и (или) международного права, реализуемых в государстве», во-вторых, «установить соотношение основополагающих (общих) принципов национального и (или) международного права со специальными принципами и нормами права, выработанными в иных формах национального и (или) международного права, и реализуемых в государстве», в-третьих, «признать основополагающие (общие) принципы национального и (или) международного права (установив их примерный перечень) неоспоримым правом (jus cogens) для правотворческих и правореализующих, в частности, судебных органов, юридических и физических лиц» [10].

Реализация данных предложений позволит обеспечить функционирование права как равной и обязательной меры для всех лиц, попадающих в сферу правового регулирования, исключить возможности злоупотребления правом.

Список источников

1. Аристотель. Политика [Электронный ресурс] Электронная научная библиотека «Гражданское общество в России» https://www.civisbook.ru/ 61 с. (Дата обращения 15.08.2021).
2. Аристотель. «Никомахова этика» [Электронный ресурс] Электронная научная библиотека «Гражданское общество в России» - https://www.civisbook.ru/ 204 с. (Дата обращения 15.08.2021).
3. Розин В. М. Проблема и три значения социальной справедливости// Юридические исследования. 2013. № 4. С. 301–350.
4. Гольбах. Письма к Евгении. Здравый смысл. М., 1956. 455 с.
5. Монтескье. Избранные произведения. М., 1955. 800 с.
6. Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т.1. / Пер. с лат. и англ.; Сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В. В. Соколов. М., Мысль, 1989. 622 с.
7. Энгельс Ф. К жилищному вопросу. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. Государственное изд-во политической литературы. М., 1961. 842 с.
8. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2018. 625 с.
9. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. 800 с.
10. Регулирование правоотношений: Монография. М.: РГУП, 2020. 563 с.

References

1. Aristotle. *Politician.* Electronic Resource. Electronic Scientific Library «Civil Society in Russia». Available from: https:/wwww.visci.bookru/ 61 p. [Accessed 15 August 21]. (In Russ.)
2. Aristotle. *Nikomahova Ethics.* Electronic Scientific Library «Civil Society in Russia». Available from: - https:///www.civisbook.ru/ 204 p. [Accessed 15 August 21]. (In Russ.)
3. Rosine V. M. Problem and three values of social justice. Yuridicheskie issledovaniya = *Legal research*. 2013;(4):301–350. (In Russ).
4. Holbach. *Letters to Yevgenia. Common sense. M*., 1956. 455 p. (In Russ).
5. Montesquieu. *Selected works.* Moscow; 1955. 800 p. (In Russ).
6. Hobbes T. *Essays in 2 vols.* Vol. 1. / Trans. from Lat. and English; Comp., ed., auth. introduction and note by V. V. Sokolov. Moscow; 1989. 622 p. (In Russ).
7. Engels F. *To housing issue.* In: Marx K., Engels F. Soch. T. 18. State Authority for Political Literature. Moscow; 1961; 842 p. (In Russ).
8. *Regulation of legal relations*. Moscow; 2020. 563 p. (In Russ).
9. Maltsev G.V. *Social Grounds of Law*. Moscow: Norma; 2007. 800 p. (In Russ).
10. *Legal and Individual Regulation of Social Relations*. Moscow; 2018; 625 p. (In Russ).

Информация об авторе

С.В. Мирошник – докт. юрид. наук, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти.

Information about the author

S. V. Miroshnik – Doctor of Law, Professor of Department of Theory of Law, State and Judicial Power.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.08.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 17.09.2021.
The article was submitted 25.08.2021; approved after reviewing 15.09.2021; accepted for publication 17.09.2021.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 36–58
North Caucasus Legal Vestnik. 2021;(3):36–58

Проблемы теории и истории права и государства

Научная статья
УДК 94(470)
doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-36-58

ДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ В ПЕТРОГРАДЕ 23 – 28 ФЕВРАЛЯ 1917 г.: НЕКОТОРЫЕ УРОКИ

Андрей Геннадьевич Данилов
Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, agd7@mail.ru

Аннотация. В статье автор ищет ответы на три вопроса. После начала волнений в Петрограде 23 февраля 1917 г. падение монархии было неизбежным, или царь мог сохранить свой престол? Если у Николая II были шансы остаться на троне после 23 февраля, какие конкретно действия власти или бездействие в каких вопросах в эти дни привели к краху самодержавия? Существуют ли признаки, которые позволяют обществу и власти вовремя заметить начавшийся процесс трансформации стабильного состояния в неустойчивую ситуацию? Географические рамки темы – анализ ошибок власти только в Петрограде. Для решения поставленных задач в статье проанализированы социально-экономическое положение в Петрограде и Москве в январе – феврале 1917 г., настроения в столице, степень подготовленности правительства и военных действовать в кризисной ситуации, конкретные просчеты, ошибки правительства и военных в столице в период революции.

Ключевые слова: император Николай II, Февральская революция 1917 г., председатель Совета министров Н. Д. Голицын, министр внутренних дел А. Д. Протопопов, военный министр М. А. Беляев, командующий войсками Петроградского военного округа С. С. Хабалов, градоначальник Петрограда А. П. Балк, начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев, Государственная дума, Петроградский гарнизон

Для цитирования: Данилов А. Г. Действия власти в Петрограде 23 – 28 февраля 1917 г.: некоторые уроки // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 36–58. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-36-58.

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

ACTIONS OF THE AUTHORITIES IN PETROGRAD OF FEBRUARY 23 – 28, 1917: SOME LESSONS

Andrey G. Danilov
South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, agd7@mail.ru

Abstract. In this article, the author is looking for answers to three questions. After the outbreak of unrest in Petrograd on February 23th, 1917, the fall of the monarchy was inevitable, or could the tsar retain his throne? If Nicholas II had chances to remain on the throne after February 23th, what specific actions (steps) or inactivity on some issues during these days led to the collapse of the autocracy? Are there signs that allow society and the authorities to notice in time the process of transforming a stable state into an unstable situation? The analysis of mistakes made by the authorities only in Petrograd has become the geographical scope of the topic. To solve the set tasks, the article analyzes the socio-economic

© Данилов А. Г., 2021

situation in Petrograd and Moscow in January-February 1917, the mood in the capital, the degree of preparedness of the government and the military to act in a crisis situation, specific blunders, mistakes of the government and the military in the capital during the revolution.

***Keywords**:* Emperor Nicholas II, February Revolution of 1917, Chairman of the Council of Ministers N. D. Golitsyn, Minister of Internal Affairs A. D. Protopopov, Minister of War M. A. Belyaev, Commander of the Petrograd Military District S. S. Khabalov, the mayor of Petrograd A. P. Balk, head of the Petrograd security department K. I. Globachev, State Duma, Petrograd garrison

For citation: Danilov A. G. Actions of the Authorities in Petrograd of February 23 – 28, 1917: some lessons. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2021;(3):36–58. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-36-58.

Актуальность данного исследования определяется рядом факторов.

Во-первых, один из важных не только в теоретическом, но и в практическом плане вопрос: исторический процесс заранее предопределен или многовариантен? Например, падение монархии в России в феврале – марте 1917 г., приход к власти партии большевиков в октябре 1917 г., победа И.В. Сталина в борьбе за власть или распад СССР были заранее предопределены или история могла пойти по другому пути? Если история запрограммирована, если то или иное событие могло произойти только так, как произошло – то какой урок вытекает из этого знания? Напротив, если не исключать того, что в прошлом могли реализоваться иные сценарии, «тогда история предстает не как цепь фатально предопределенных событий, которые можно лишь констатировать, а как совокупность причинно-следственных процессов, которые при иных условиях вполне могли быть тоже иными. Главный урок истории в данном случае заключается в том, чтобы не допустить возникновения причин, ведущих к негативным следствиям. Напротив, обратить сугубое внимание на причины, порождающие следствия позитивные» [1, с. 112]. Если признать, что исторический процесс многовариантен и имеет свои «развилки», то задача исследователей не просто реконструировать ход событий, а ответить на вопрос, почему на очередном «перекрестке» истории реализовалась та или иная альтернатива?

Во-вторых, при изучении революций и государственных переворотов, как правило, изучают действия победителей. В научном и практическом плане не менее важен анализ действий «проигравшей» стороны: все ли было сделано, чтобы сохранить свою власть? Нередко в истории к смене политических режимов приводят не только успешные активные действия народных масс, политических партий, общественных организаций, конкретных вождей, но и просчеты в деятельности существующей власти.

В-третьих, в XX веке Россия и СССР несколько раз переживали системный кризис (одновременный кризис в разных сферах жизни общества): накануне и в феврале 1917 г., летом – осенью 1917 г., на рубеже 80-х – начале 90-х годов XX в. Как показывает анализ перечисленных сюжетов, каждый раз власть в разных «декорациях» (исторических условиях) совершала одни и те же системные управленческие ошибки, которые не позволяли вывести страну из кризиса, приводили к падению существующего политического режима и распаду страны.

В-четвертых, все современники событий в 1917 г. и последующие исследователи отмечают стремительную скорость нарастания событий. 22 февраля по дороге из Петрограда в Могилев Николай II запишет в своем дневнике всем хорошо известные сегодня слова: «Читал, скучал и отдыхал»[2, Т. I, с. 163]. Ему осталось занимать престол всего 8 дней. 23 февраля 1917 г. начались народные выступления,

а уже на 5-й день, 27 февраля революция в Петрограде победила. Быстрая смена политических режимов часто встречается в мировой истории. Возникает вопрос: существуют ли признаки (индикаторы), которые позволяют обществу и власти вовремя заметить начавшийся процесс трансформации стабильного состояния в неустойчивую ситуацию.

Цель статьи – дать ответы на три вопроса.

Первый. После начала волнений в Петрограде 23 февраля падение монархии было неизбежным, или царь мог сохранить свой престол?

Второй. Если у Николая II были шансы остаться на троне после 23 февраля, какие конкретно действия (шаги) власти или бездействие в каких вопросах в дни с 23 февраля по 2 марта 1917 г., привели к краху самодержавия?

Третий. Каковы признаки, позволяющие власти и обществу вовремя заметить начавшийся процесс трансформации состояния равновесия в состояние неустойчивости и непредсказуемости процесса.

Географические рамки темы. Ошибки были допущены как министрами и военными в Петрограде, так и императором Николаем II в Ставке (Могилев) и в Пскове. В данной статье будут проанализированы действия властей в дни Февральской революции только в Петрограде. Действия царя в эти дни – отдельная тема, хотя оба вопроса тесно взаимосвязаны.

Источниковую базу работы составляют дневники императора Николая II, его переписка с императрицей Александрой Федоровной, протоколы допросов активных участников событий в Петрограде в феврале – марте 1917 г. – министров, военных, жандармов, политиков – следователями Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством в марте 1917 г., воспоминания участников и современников событий. Анализ документов позволяет реконструировать ход событий в Петрограде, взглянуть на события глазами самих участников, раскрыть механизмы принятия решений различными властными структурами и политическими силами.

Советские, эмигрантские, российские и зарубежные исследователи проделали большую работу по изучению различных сюжетов из истории Февральской революции. Но проблема ошибок власти в дни революции не была предметом специального изучения. Автор ставит задачу – систематизировать управленческие просчеты в изучаемый период.

Понять характер событий и их итог невозможно без осознания ситуации в стране, в столицах и прежде всего в Петрограде в начале 1917 г. Не останавливаясь на них подробно, отметим два важных момента. Во-первых, в истории России и до февраля 1917 г., и после исход борьбы за власть за редким исключением решался в столицах. Провинция не имела механизмов повлиять на этот процесс. Во-вторых, с осени 1916 г. возможности России победить в мировой войне определялись не действиями войск на фронте, а ситуацией в Петрограде.

1. Социально-экономическое положение в столицах в начале 1917 г.

Рост цен в Петрограде за годы войны составил 3000% [3, с. 402] (если это не опечатка, получается в 30 раз – *А.Д.*). За месяц, в январе 1917 г. цены на многие товары поднялись по сравнению с декабрем 1916 г. на 50 – 100 и более процентов [3, с. 388–389]. По сведениям Петроградского охранного отделения, в январе 1917 г. столичный рынок еще более опустел: в продаже нет достаточного количества молока, масла, мясных продуктов, сахара, а, главное, нет муки, сапог, галош, сукна, шерстяных изделий и пр.; холст, полотно дешевых сортов и др. материи также исчезли

с рынка; бумага и книги, лампы и грелки, аптекарские товары и мыло, и пр., и пр. достаются с трудом, после долгих поисков. Свечи, мыло, достигшие невероятной цены, почти нигде не продаются … [3, с. 386, 387, 391]. Перспективы безрадостны. «Оптовики … выражают уверенность, что к февралю (1917 г. – *А.Д.*) цены на многие продукты поднимутся на 75–100 % (по сравнению с январем 1917 г. – *А.Д.*)» [3, с. 390].

По сведениям Петроградского охранного отделения, в сфере закупок продовольствия в провинции, транспортировке его в Петроград и распределении среди жителей столицы царит полный хаос, массовая спекуляция, злоупотребления чиновников, полное бездействие властей.

Заболеваемость рабочих столицы в начале 1917 г. по сравнению с 1915 г. выросла в 20 раз [3, с. 398].

В Петрограде с начала войны закрылось до 20.000 ремесленных предприятий из-за недостатка сырья. В ближайшем будущем, по данным Биржи труда, в Петрограде надвинется небывалый кризис мелкой промышленности, 3/4 которой вынуждены будут прекратить свое существование; десятки тысяч специалистов, рабочих будут выброшены в ряды чернорабочих, так как по их специальности им не найти работы [3, с. 383].

Богатую статистику об остром кризисе в снабжении Москвы топливом и продовольствием в январе 1917 г. читатель может найти в соответствующей Записке Московского городского головы М.В. Челнокова для Московской городской думы, подготовленной накануне ее заседания 7 февраля 1917 г. [4, с. 240–242]. Вот некоторые факты. По существующим нормам привоз муки в Москву должен достигать ежедневно 72 вагона (по норме градоначальства – даже 93 вагона). В декабре 1916 г. ежедневно в Москву поступало не более 50 вагонов в сутки (примерно 70 % от 72 вагонов – *А.Д.*), а в январе 1917 г. – 42 вагона (58% от 72 – *А.Д.*). До середины января 1917 г. ежедневно в Москву недопоставляли 23 % топлива (дрова, уголь, нефть, торф). С 17 января 1917 г. ежедневное прибытие дров в Москву упало до 50 % от потребностей столицы, нефти и каменного угля железные дороги почти вовсе перестали подавать.

Как результат, многие предприятия, работающие на оборону, уже остановились или скоро остановятся. … Городской газовый завод … с 28 января (1917 г. – *А.Д.*) сократил свою работу более чем на 3/4, и газовое освещение улиц совершенно прекратилось. Городской трамвай в ближайшие дни останавливает вечернее и ночное движение, а если подвоз минерального топлива не улучшится, то придется и вовсе прекратить движение. Городские лазареты уже с января закрываются один за другим, и Москва будет не в состоянии принять раненых с фронта. В квартирах обывателей температура редко поднимается выше 14 – 15°, а в домах с центральным отоплением падает до 12 – 11°. В учебных заведениях и многих учреждениях занятия крайне затруднены, т.к. термометр держится в их помещениях на 8 – 10° (по шкале Цельсия – *А.Д.*). В городе развились массовые заболевания.

Городской голова Москвы предупреждает, если подвоз топлива не удвоится и не достигнет нормы (как понимает читатель, это было невозможно – *А.Д.*), в ближайшие дни Москве грозит опасность голодать, мерзнуть и сидеть во тьме [4, с. 240–241].

Голодающая, замерзающая Москва (дома, на работе, во время учебы – в верхней одежде), без уличного освещения, с редкими трамваями только днем, остановившимися заводами – во-первых, повторение ситуации в Петрограде, во-вторых, это не в 1918 – 1920 гг. при советской власти в период гражданской войны. Это – царская Москва, и на календаре еще только январь – февраль 1917 г.

Ситуация в Москве не является предметом данной статьи. Сегодня в интернете, на телевидении, в публицистике достаточно распространены взгляды, согласно которым, перебои с хлебом и топливом имели место только в Петрограде, были следствием действий шпионов или заговорщиков, возникли якобы внезапно, «как по команде» после отъезда Николая II из Петрограда на фронт 22 февраля 1917 г. Информацией о ситуации в Петрограде и Москве мы хотели показать, что топливный, продовольственный, транспортный кризис, во-первых, начался не в 20-х числах февраля 1917 г., а, как минимум, в декабре 1916 г., если не раньше. Во-вторых, происходил не только в Петрограде, но и в Москве. В-третьих, по мнению Петроградского охранного отделения и Московского городского головы – в этом вопросе мнения жандармов и либералов совпали – надвигающаяся катастрофа была результатом не деятельности мифических шпионов, масонов, а следствием неспособности власти решать перечисленные проблемы.

2. Настроение населения

О настроениях жителей Петрограда в январе 1917 г. в докладе начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева 5 февраля 1917 г. читаем следующее: «Ныне озлобление достигло своего апогея: никогда еще не было столько ругани, драк и скандалов, как в настоящее время». Особенно «озлобленное настроение многосемейных, где дети голодают в буквальном смысле слова» [3, с. 388]. Охранка обращает внимание на новое явление: в начале 1917 г. недовольство властью «охватило даже консервативные слои чиновничества, оказавшегося вдруг в одном положении с наименее обеспеченными элементами пролетарских масс столицы» [3, с. 382]. Увы, вопреки многочисленным документам эпохи сегодня в общественном мнении культивируются утверждения Б.Н. Миронова, Н.В. Старикова, П.В. Мультатули и других «авторов» о неплохом снабжении жителей Петрограда хлебом в феврале 1917 г., о том, что не надо преувеличивать трудности людей в то время, что у народа не было особых причин для недовольства властью, все это – «происки» оппозиции.

Но не только в столице, а и из провинции «со всех сторон России поступают сведения, показывающие глубокое недоверие населения к Правительству и его мерам» [3, с. 395].

3. Подготовка власти к подавлению народных выступлений

Новый градоначальник Петрограда (назначен 10 ноября 1916 г.) А.П. Балк и начальник Петроградского военного округа генерал С.С. Хабалов разработали план совместных действий полиции и войск в трех вариантах – на случай: а) забастовки, б) уличных демонстраций и в) «беспорядков, переходящих в бунт». Император Николай II одобрил этот документ.

Разработанный план предусматривал сначала меры полицейские, затем войсковые. Город был разделен на 16 районов, за каждым из которых помимо полиции была закреплена конкретная воинская часть из числа запасных батальонов гвардии. Командование каждой воинской части твердо знало, какие общественно значимые здания (органы власти, банки, дворцы и т.п.) в своем районе они берут под охрану в кризисной ситуации, при этом оставляя часть солдат в резерве для быстрого передвижения к месту беспорядков. Всей охраной города ведал начальник запасных гвардейских батальонов генерал-лейтенант А.Н. Чебыкин. С 9 января 1917 г. вследствие болезни А.Н. Чебыкина его заменял полковник л.-гв. Преображенского полка В.И. Павленков [5, Т. 1, с. 184; 6, с. 30; 7, с. 156–158].

Если верить воспоминаниям командира запасного батальона лейб-гвардии Измайловского полка полковника П.В. Данильченко, опубликованных в эмиграции, он и полковник лейб-гвардии Преображенского полка В.И. Павленков на совещании командиров гвардейских запасных частей, на котором генерал А.Н. Чебыкин определял зоны ответственности (районы столицы) каждого полка, выразили сомнение в выполнимости задачи – силами войск подавить возможный «бунт» в столице. Аргументы военных: иное качество рядовых и офицеров в 1917 г. по сравнению с 1905 г. [8, с. 42–43]. Тем не менее, министр внутренних дел А.Д. Протопопов во время представления данного плана царю выразил надежду: несмотря на то, что в 1905 г. прекращали беспорядки 60000 человек солдат; а теперь общая численность всех благонадежных частей (те, кто не откажется стрелять в народ) только 12000 человек, «беспорядки будут прекращены …» [5, Т. IV, с. 93].

Почему планируемые меры не дали результата 23 – 27 февраля 1917 г.?

Как минимум, по трем причинам. Во-первых, и современники, и последующие исследователи неоднократно отмечали, что войска Петроградского гарнизона ни в профессиональном отношении, ни с моральной точки зрения были не готовы подавлять народные выступления. Некомпетентная власть не знала настроений в войсках или знала, но боялась сама себе в этом признаться?

Вот несколько фактов. В октябре 1916 г. в Петрограде произошли события, которые некоторые историки называют «репетицией» Февральской революции. 17–20 октября 1916 г. по Петрограду прокатилась волна стачек, в которых участвовало 65000 рабочих и которые сопровождались демонстрациями и столкновениями с полицией. Эти события по многим признакам (нехватка хлеба как главная причина, разгром булочных, стихийность, внезапность, участие подростков и женщин, отказ казаков стрелять в толпу, переход солдат 181 пехотного полка на сторону народа) напоминают события 23–28 февраля 1917 г. [9]. За 4 месяца до февральской революции «первый звонок» – отказ казаков стрелять в рабочих, поддержка стачечников солдатами. Второй факт. В январе – феврале 1917 г. с фронта прибыли 2 казачьих полка в Петроград и гвардейский Морской экипаж – в Царское село. Однако в решающие дни революции эти части не стали активно защищать монарха. Третий факт. Вечером 28 февраля в Царском селе прошли переговоры между частями, перешедшими на сторону революции, и частями, которые пока еще оставались верными императору и охраняли царскую семью в Александровском дворце. К счастью, был найден компромисс, и удалось избежать кровопролития. Но во время сложных переговоров представители восставших полков заявили, что если войска охраны начнут стрелять, они тяжелой артиллерией разнесут дворец [10, с. 180]. Пусть по царской семье стрелять из пушек была готова только часть солдат Царскосельского гарнизона. Но ведь это особый гарнизон. Для службы в его частях был строгий отбор. И вряд ли настроения среди солдат радикально изменились за последние 2-3 дня. Нет, не знала власть настроений солдат и офицеров Петроградского военного округа. Неготовность и нежелание войск стрелять в народ – это первый фактор, почему не был реализован ранее разработанный план по подавлению в столице беспорядков.

Во-вторых, и это даже более важное обстоятельство, в критический момент в феврале 1917 г. в столице не нашлось решительных людей в правительственном лагере, кто смог бы организовать защиту царского режима.

В-третьих, 12000 солдат, полицейских, жандармов во главе с энергичными начальниками, может быть, и подавили бы выступления рабочих, но никто

не предусматривал (не могли себе такого представить?) план действий в ситуации, когда значительная часть войск Петроградского гарнизона перейдет на сторону восставшего народа.

4. Кто возглавлял правительственный лагерь в Петрограде 23 – 28 февраля 1917 г.?

Следствием кадровой политики императора Николая II и императрицы Александры Федоровны в 1915 – 1916 гг. стала деградация исполнительной власти. Как свидетельствует отечественный и мировой опыт, назначение на руководящие должности по принципу личной преданности, как правило, приводит к тому, что в решающий момент борьбы за власть такие «лично преданные» кадры не способны эту власть защитить.

После отъезда императора Николая II 22 февраля 1917 г. из Петрограда в Ставку в Могилев ключевыми фигурами в столице были председатель Совета министров Н.Д. Голицын, министр внутренних дел А.Д. Протопопов, военный министр М.А. Беляев, командующий Петроградским военным округом С.С. Хабалов.

Председатель Совета министров

Во главе правительства последние два месяца существования монархии, с 27 декабря 1916 г. по 27 февраля 1917 г. стоял Николай Дмитриевич Голицын (1850 – 1925). Сам князь в разговоре с императором 25 декабря 1916 г. отказывался от этого поста. Аргументы Н.Д. Голицына: а) возраст (через 3 месяца ему должно было исполнится 67 лет), б) плохое здоровье, в) недостаток управленческого опыта для такой должности[1], г) неучастие в политической жизни страны, что было важно в ситуации отсутствия единства внутри правительства, внутри императорской фамилии, в условиях открытого противостояния между Государственной думой и Советом министров.

Большинство современников понимали его полную неспособность руководить правительством.

По мнению министра иностранных дел Н.Н. Покровского, «это был прекрасный, очень почтенный человек, но окончательно не пригодный к этой должности. … Человек уже далеко не молодой, в возрасте почти семидесяти лет, князь Н.Д. Голицын обладал добрым, в высшей степени мягким характером и самым приятным обращением, но твёрдости в нём не было решительно никакой, и справиться с министрами он не был в состоянии, да едва ли и хотел» [11, с. 182].

Еще более резкую оценку дал министр путей сообщения Э.Б. Кригер-Войновский: «князь Голицын, благородный человек, но полное ничтожество в государственных делах» [12, с. 89]. А вот что писал близкий к императорской семье великий князь Александр Михайлович. В новом 1917 году «мрак усиливался. Князь Голицын, назначенный премьером, просто олицетворял собой то, что по-французски называется «ramolli», а по-русски, – старческое слабоумие. Он ничего не понимал, ничего не знал, и только Ники или Аликс могли бы объяснить, чем их прельстил этот придворный старец без всякого административного опыта…» [13, с. 264–265]. Стоит отметить, что отрицательные отзывы о Н.Д. Голицыне появились не только в последующих мемуарах, когда уже был известен

[1] Н.Д. Голицын в другую историческую эпоху, в 1885 – 1903 гг. последовательно был архангельским, калужским и тверским губернатором. С мая 1915 г. по декабрь 1916 г. был председателем Комитета по оказанию помощи русским военнопленным, состоящего под покровительством императрицы Александры Федоровны.

результат событий. Немало негативных отзывов о назначении князя премьер-министром России можно найти в переписке и дневниках современников.

Сравним масштаб личности руководителей правительства в годы, предшествующие 1917 году: С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, В.Н. Коковцов, И.Л. Горемыкин, Б.В. Штюрмер, А.Ф. Трепов, Н.Д. Голицын. Хорошо видна тенденция: начиная с В.Н. Коковцова, каждый последующий премьер и по управленческому опыту, и как личность, и по способности отстаивать перед царем свое мнение был слабее, чем предыдущий. Исключение составляет фигура энергичного А.Ф. Трепова, который возглавлял правительство всего 1,5 месяца, с 10 ноября по 27 декабря 1916 г.

Таким образом, в критический момент истории правительство оказалось без сильного руководителя.

Министр внутренних дел

Вторым человеком в правительстве России в начале XX в. традиционно был министр внутренних дел. С 16 сентября 1916 г. управляющим МВД, а с 20 декабря министром внутренних дел был Александр Дмитриевич Протопопов (1866 – 1918).

А.Д. Протопопов – своего рода «злой гений» императора и императрицы:

а) объединил различные оппозиционные течения в Государственной думе против себя: после отставки премьер-министра Б.В. Штюрмера 10 ноября 1916 г. у депутатов Государственной думы из всех министров наибольший гнев или раздражение вызывал А.Д. Протопопов. Требования о его отставке постоянно звучали в выступлениях депутатов в конце 1916 – начале 1917 г.

б) способствовал падению остатков авторитета Николая II и Александры Федоровны в обществе и среди элиты;

в) ослабил и дезорганизовал деятельность министерства внутренних дел в октябре 1916 г. – феврале 1917 г.;

г) вносил диссонанс в деятельность Совета министров последние пять месяцев перед крахом монархии;

д) дезинформировал царя и царицу о положении дел в стране и Петрограде.

Рамки данной статьи не позволяют подробно проанализировать каждый из пунктов. По пункту «г» – А.Д. Протопопов мешал работе правительства – из множества примеров приведем два факта. Отставки А.Д. Протопопова у Николая II тщетно просили три (!) премьер-министра – Б.В. Штюрмер, А.Ф. Трепов и Н.Д. Голицын. Не желая работать в правительстве вместе с А.Д. Протопоповым, в отставку подавали министр финансов П.Л. Барк, министр иностранных дел Н.Н. Покровский. Царь не принял их отставок. Все это не способствовало слаженной работе правительства накануне краха монархии.

Министр финансов П.Л. Барк позже так вспоминал об А.Д. Протопопове: «Его объяснения и суждения были необычайно поверхностны, он никаким авторитетом не пользовался и представлял собой жалкую фигуру по своей неосведомлённости и некомпетентности… В высшей степени воспитанный человек, внимательный, любезный, располагавший к себе своим мягким общением … Протопопов умел лишь хорошо говорить и не был деловым человеком, совершенно не чувствуя времени …» [14, с. 112].

А.Д. Протопопов был не просто не на своем месте. Он сам не понимал, что происходит в стране и Петрограде, и постоянно дезинформировал царя и царицу. Докладов Департамента полиции и Петроградского охранного отделения министр не читал [14, с. 114].

Вот как охарактеризовала А.Д. Протопопова близкая подруга императрицы Юлия Ден: «Протопопов, министр внутренних дел, всегда отличался излишним оптимизмом. … Он не принадлежал к числу людей, способных справиться с кризисной обстановкой. … Протопопов обещал все, что угодно, не задумываясь над тем, сможет или нет сдержать свое обещание. То же касается и его докладов: он не любил сообщать неприятные факты, поэтому отделывался любезностями. Он неизменно уверял Императорскую Семью, что ничего опасного не может произойти. «Положитесь на меня», – заявлял Протопопов, принимая соответствующую позу. А когда кто-нибудь робко замечал, что среди рабочих, несомненно, налицо тревожные настроения, то Протопопов снова принимал позу, как был говоря: «Тут что-то говорили о тревожных настроениях или же мне это послышалось?» Вслух же с надрывом в голосе, но дружелюбно произносил: «Как?! Неужели вас действительно беспокоят какие-то волнения? Мы скоро подавим эти беспорядки. Против МЕНЯ рабочим не выстоять» [15, с. 134]. Другой близкой подруге царицы – Анне Вырубовой – А.Д. Протопопов «казался очень слабохарактерным» [16, с. 126].

Генерал-майор корпуса жандармов П.П. Заварзин, имевший 19-летний опыт работы в этой системе, в своих воспоминаниях писал: «Протопопов не только не принимал никаких мер, но и не докладывал всех сведений полностью Государю. Говорю «полностью», так как министр Вн.Д., составляя всеподданнейшие доклады из сведений, поступавших со всей империи, весьма смягчал положение, почему в высших сферах и царил изумительный оптимизм [17, с. 208].

Мы специально приводим характеристики министра из уст окружения царя или его сторонников. Оценки либеральной общественности были более негативными.

Императрица в отличие от других министров, генералов, политиков вслед за Г. Распутиным считала, что назначением А.Д. Протопопова в министерство внутренних дел Николай II «совершил акт величайшей мудрости» [18, Т. V, с. 26].

В разговоре с Николаем II вечером 21 февраля 1917 г. министр заверил императора, что все спокойно и все под контролем. Среди других факторов заверения А.Д. Протопопова повлияли на отъезд царя 22 февраля в Ставку верховного главнокомандующего в Могилев.

Известно, что 23 – 27 февраля А.Д. Протопопов не понимал сути происходящих событий, никак не проявил себя в деле защиты царской власти, продолжал успокаивать императора в Ставке и императрицу в Царском селе, дезинформировал Совет министров и окружающих. Приведем только два факта из множества.

25 февраля 1917 г. вечером товарищ (заместитель) обер-прокурора Синода князь Н. Д. Жевахов позвонил А. Д. Протопопову, рассказал об увиденных в течение дня беспорядках в столице и поделился своими тревогами. И получил следующий ответ министра внутренних дел: «Если революция и будет в России, то не раньше, как через 50 лет» [19, с. 224–225]. И это после трех дней народных выступлений, масштабы которых увеличивались с каждым днем.

27 февраля утром градоначальник Петрограда А.П. Балк предупредил А.Д. Протопопова о том, что войска переходят на сторону восставших и к концу дня революция победит. На это министр внутренних дел заявил, что «к вечеру подойдут с фронта свежие войска» и просил градоначальника продержаться до вечера [6, с. 46]. Но Николай II только вечером 27 февраля отдаст распоряжение о посылке войск Петроград. Заявление А.Д. Протопопова было не просто традиционным для царского фаворита пустозвонством. Мы не исключаем того, что оставшиеся

верными царю войска в столице до последнего надеялись, что вот-вот им на помощь придут обещанные министром внутренних дел войска с фронта и надо еще немного продержаться. Как это ни удивительно, в своем письме Александре Федоровне от 26 февраля 1917 г. император пишет, что в деле подавления «беспорядков» в Петрограде он надеется именно на А.Д. Протопопова, а не С.С. Хабалова и Н.Д. Голицына [18, Т. V, с. 224]. Насколько Николай II не разбирался в людях.

Военный министр

Военным министром 3 января 1917 г. стал М.А. Беляев. По мнению военных, хорошо его знавших, он мало подходил для данной должности. Приведем только одно мнение.

Бывший в 1905 – 1909 гг. военный министр А.Ф. Редигер в своих воспоминаниях, написанных в 1917 – 1918 гг., отметил: «Нового военного министра Беляева я знал мало; когда я был министром, он был, кажется, всего начальником отделения Главного штаба … позже я его часто видел в Финансовой комиссии (Государственного совета – *А.Д.*), где он неизменно производил на меня впечатление отличного работника, толкового, знающего и трудолюбивого, но неспособного руководить чем-либо. Тем не менее, он во время войны попал в начальники Генерального штаба, а затем, как человек, угодный императрице, и в министры» [20, Т. 2, с. 436].

В Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством после ареста министров и политиков царского режима, дело военного министра было поручено полковнику С.А. Кореневу. Он быстро разобрался, что М.А. Беляев никаких преступлений не совершал и предложил Президиуму Комиссии отпустить генерала из-под ареста. С.А. Коренев лояльно относился к бывшему военному министру. Тем интереснее (объективнее) его характеристика М.А. Беляева. «Вся его жизнь по штабам и канцеляриям, с одной иерархической ступеньки на другую, – все выше и выше. Спал и дневал, обложившись бумагами. Форма и форма – вот главное. – Содержание же – во-вторых. Знать все начальственные отношения, циркуляры, предписания, инструкции, уметь отписаться, наловчиться самому создавать правила и регламентации, стригущие все и всех под одну гребенку, но, Боже сохрани, – не касаться лишь живого дела – вот катехизис. Засохнуть на ворохах бумаг, пропахнуть канцелярской плесенью и превратиться в какую-то чернильную запятую – незавидный удел человека. – Но Беляев был именно таким» [21, с. 15].

У М.А. Беляева был высокий покровитель – императрица. Еще 13 августа 1916 г. Александра Федоровна в письме к императору интересуется: «Намерен ли ты назначить Беляева военным министром? Я думаю, что … это был бы разумный выбор» [18, Т. IV, с. 416]. В письме от 14 августа императрица пишет: «Я очень надеялась, что ты назначишь Беляева военным министром – он настоящий джентльмен, отлично осведомлен во всем; это действительно способный человек» [18, Т. IV, с. 420]. А вот мнение Николая II, высказанное в письме супруге 14 августа 1916 г.: «Беляев – человек чрезвычайно слабый, всегда уступает во всем и очень медленно работает» [18, Т. IV, с. 418]. Не в мирное время, а в годы тяжелой войны, накануне суровых испытаний для власти этот «слабый человек» и кабинетный работник через несколько месяцев будет назначен военным министром.

Командующий войсками Петроградского военного округа

Наконец, еще одна ключевая фигура в Петрограде в февральские дни – генерал-лейтенант С.С. Хабалов. С лета 1916 г. он был назначен начальником Петроградского военного округа, а с 6 февраля 1917 г. командующим войсками

Петроградского военного округа. 24 февраля ему была передана вся полнота власти в столице. Современники считали его хорошим начальником военного училища, каким он был с 1903 по 1914 гг. Но в феврале 1917 г. был нужен боевой генерал, способный брать на себя ответственность. С.С. Хабалов таким никогда не был. Вот как его характеризовал начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачев: «прекрасный преподаватель и педагог, прошедший всю свою службу в военно-учебном ведомстве, совсем не был ни строевым начальником, ни опытным администратором. Он не мог, несмотря на неоднократные совещания и полные информации текущего момента, оценить обстановку и принять правильные решения» [22, с. 119].

По мнению градоначальника Петрограда А.П. Балка, «генерал Хабалов за всю мою совместную службу производил на меня впечатление человека доступного, работящего, спокойного, не лишенного административного опыта, но тиходума и без всякой способности импонировать на своих подчиненных и, главное, распоряжаться войсками» [6, с. 38]. Председатель Совета министров Н.Д. Голицын: С.С. Хабалов «на меня произвел впечатление тяжелодума, очень не энергичного, мало даже сведущего. А тут он совершенно растерялся, и его доклад был такой, что даже нельзя было вынести впечатления, в каком положении находится дело, чего можно ожидать, какие меры он предполагает принять, – ничего. Это был какой-то сумбур» [5, Т. II, с. 266]. Речь идет о частном совещании министров в квартире Н.Д. Голицына в ночь с 25 на 26 февраля 1917 г., на котором правительство обсуждало ситуацию в столице после трех дней народных выступлений.

Николай II считал, что высшие должностные лица должны только исполнять его монаршую волю. Именно исполнителями с разной степенью компетентности, лишенными инициативы, не способными понимать происходящее, и были оставшиеся в Петрограде 23 февраля 1917 г. Н.Д. Голицын, А.Д. Протопопов, С.С. Хабалов, М.А. Беляев и другие. Надеяться, что в критический момент истории, когда решается судьба монархии, исполнители, оставшись без руководителя, начнут активно действовать и проявлять инициативу – бессмысленно. Отдельные решительные министры в правительстве – исключение и не играли заметной роли в февральских событиях.

Как мы выше отмечали, судьба России и монархии решалась не в провинции, не на фронте, а в Петрограде. И какой была ситуация в городе к моменту отъезда императора 22 февраля 1917 г.? В столице: 1) острый социально-экономический кризис; 2) как следствие, население на грани социального взрыва; 3) 9/10 войск Петроградского гарнизона не надежны; 4) в правительстве – безынициативные исполнители монаршей воли. Военный министр, министр внутренних дел, командующий Петроградским военным округом не обладали авторитетом у подчиненных и были не способны действовать в кризисных ситуациях; 5) низкий авторитет власти в целом и Николая II, в частности, ненависть к императрице, открытые разговоры в обществе о необходимости дворцового переворота.

Все, уважаемый читатель, у власти никаких шансов?

Но кризис (даже во всех сферах общества) и крах – это разные состояния общества или системы. В истории всех стран нередко имели место различные кризисы. Из сложного тяжелого состояния есть два выхода. Сильная или эффективная власть выводит общество из кризиса. Например, реформы Александра II в 60 – 70-е годы XIX в., переход В.И. Ленина к НЭПу в 1921 г., «новый курс» Ф. Рузвельта в США в 1933 – 1939 гг.

Слабая (неэффективная) власть переводит ситуацию кризиса в ситуацию краха системы.

А что же Николай II? У него был выбор.

Военные и правые в июне 1916 г. – январе 1917 г. предлагали царю установить диктатуру в тылу [23, 24, 25]. Так, в начале ноября 1916 г. члены Государственной думы, Государственного Совета, политики, журналисты, входившие в известный кружок А.А. Римского-Корсакова, предложили императору предпринять следующие шаги: роспуск Государственной думы, введение в Петрограде, Москве, других крупных городах военного положения, ввод в столицы верных царю и боеспособных войск, закрытие всех либеральных и левых органов печати и т.д. [24] Другой вариант действий предлагали либералы, некоторые министры, ряд членов Государственного совета и отдельные великие князья. Условно назовем второй вариант – диалог с обществом: создание «кабинета общественного доверия» (состав правительства формируют вместе царь и Государственная дума) или «ответственного министерства» (правительство формирует одна Дума).

Качественно изменившаяся ситуация – кризис в разных сферах с осени 1916 г. – требовал качественного изменения внутренней политики (диктатура или диалог). Император, как известно, не сделал ни того, ни другого, продолжая менять не свою деятельность, а министров. Это обрекало власть на поражение.

22 февраля 1917 г. Николай II покинул Царское село и выехал в Ставку в г. Могилев. Почему он так поступил – одна из загадок истории, которая вряд ли когда-нибудь будет решена. Правильный ответ знает только сам царь и, можно предположить, его супруга Александра Федоровна. Современники событий и авторы научных статей и монографий могут только высказывать гипотезы. «Конспирологическая» версия гласит: генералы «заговорщики» и «предатели» якобы выманили царя в Ставку. Подобное мнение в начале XXI в. преобладает в публицистике, интернете и на телевидении, активно продвигается в работах Н.В. Старикова, П.В. Мультатули и других авторов. У этой версии нет никаких документальных оснований, она содержит немало логических и фактических ошибок и противоречий.

Вторая, традиционная точка зрения, разделяемая участниками событий, большинством мемуаристов и последующих исследователей данного сюжета – Николаю II было важно обсудить с начальником штаба генералом М.В. Алексеевым ход подготовки русской армии к весеннему наступлению. Решение о наступлении одновременно на Западном и Восточном фронтах весной 1917 г. было принято на Конференции союзников в Петрограде 19 января – 7 февраля 1917 г. Но в этом случае у нас возникает вопрос: не проще было императору пригласить генерала М.В. Алексеева для доклада в Петроград, чем самому отправляться в далекое путешествие в такое сложное время? Например, в январе – феврале 1917 г. Николай II 7 раз принимал в Царском селе исполняющего обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего (вместо болевшего М.В. Алексеева) генерала В.И. Гурко [26, с. 930]. По нашей версии отъезд императора стал следствием 4-5 причин (факторов) разной степени важности. Но это – сюжет для другой статьи.

В контексте данной статьи важно подчеркнуть главное. Единственное лицо, от которого и гражданские и военные власти ждут указаний, – император – находится далеко от Петрограда. Какова вероятность, что без его приказов правительство и военные смогут проявить в столице решительность и самостоятельность в урегулировании кризисной ситуации, которая быстро менялась?

Отъезд главы государства из столицы минимизировал (сузил) возможности сохранения власти, но они еще оставались.

Ошибки власти в Петрограде 23 – 28 февраля 1917 г.

1. Неспособность прогнозировать возможный ход событий. Власть оказалась не готова к выступлению женщин и рабочих 23 февраля (8 марта) 1917 г.
2. Даже не попыталась успокоить население, раздав продовольствие.
3. Не проявила решительность в деле подавления народных выступлений в течение первых 3 дней (23 – 25 февраля).
4. Не смогла парализовать работу Государственной думы – центра, объединяющего все (или почти все) оппозиционные силы.
5. Не создала центр обороны в Петрограде или Царском селе.

Кратко остановимся на каждом из пунктов.

Первый пункт. Неумение прогнозировать ход событий. В условиях, когда в обществе накопилось много «горючего материала», власть должна быть готова к тому, что «взорвать ситуацию», вывести людей на улицы может любая «мелочь». В такой ситуации, которая, как правило, быстро меняется, реакция руководителей должна быть оперативной (мгновенной). Запаздывание в принятии решений значительно ухудшает положение власти.

Правительство, полиция, военные ожидали и готовились к возможным «беспорядкам» 14 февраля 1917 г. – в день, когда Государственная дума возобновила заседания после 2-х месячного перерыва в своей работе. Но этот день и последующие дни по ряду причин в столице прошли спокойно. Но почему власть не предусмотрела возможность народных выступлений 23 февраля 1917 г.? По новому стилю это 8 марта – Международный день работниц (именно так он назывался в то время). Заранее было известно, что, как и в предыдущие годы, именно этот день может быть ознаменован массовыми выступлениями за права женщин. Но ситуация 23 февраля (8 марта) 1917 г. в Петрограде была принципиально иной по сравнению с февралем 1916 г.: положение основной массы населения в течение прошедшего года значительно ухудшилось, неприятие власти и даже ненависть к ней достигли максимума.

Именно об этом предупреждал власть начальник Петроградского охранного отделения генерал К.И. Глобачев в своем докладе 5 февраля 1917 г. «Матери семей, изнуренные бесконечным стоянием в хвостах у лавок, исстрадавшиеся при виде своих полуголодных и больных детей, пожалуй, сейчас гораздо ближе к революции, чем г.г. Милюковы, Родичевы и К°; и, конечно, они гораздо опаснее, так как представляют собою тот склад горючего материала, для которого достаточно одной искры, чтобы вспыхнул пожар» [3, с. 388].

Так все и произошло через 18 дней. 23 февраля массовые выступления женщин были поддержаны рабочими и среднегородскими слоями.

Второй пункт. Что необходимо было сделать власти, чтобы предотвратить народный гнев?

«Дать заработок (доставить на фабрики и заводы сырье и топливо) для пролетариата Петрограда и Москвы и накормить население двух названных центров в настоящий момент – значит предотвратить неизбежность катастрофически надвигающейся опасности для всей страны» [3, с. 402].

Мы согласны с выводом К.И. Глобачева: решив проблемы Петрограда, Николай II мог бы предотвратить назревающую революцию.

Увы, власть этого не сделала ни до 23 февраля, ни в последующие дни.

В Петрограде, по сведениям градоначальника А.П. Балка, «в городском запасе находился недельный запас муки для прокормления 3 миллионного населения». Кроме того были еще и военные запасы, «и в крайнем случае можно было и ими воспользоваться» [6, с. 28]. «… Телеграммы получались со всех сторон, что мука идет (в Петроград – *А.Д.*) в большом количестве и что вот-вот столица будет залита мукой» [6, с. 29]. По сведениям командующего Петроградским военным округом генерала С.С. Хабалова «к числу 23-му (февраля – *А.Д.*) запасы муки … определялись в 500.000 пудов. Это, при отпуске в 40.000 пудов (ежедневно – *А.Д.*), – выходило дней на 10 – 12» [5, Т. I, с. 186].

Если, как считал генерал К.И. Глобачев, и мы с ним согласны, накормив население Петрограда, можно было успокоить народный гнев, почему власть, имея запасы продовольствия на 7 – 10 дней, не сделала этого? Наш ответ: для решения данной задачи нужны были экстраординарные меры, но существующая в 1917 г. в России система управления и конкретные лица во власти, как показала действительность, были на это не способны.

Третий пункт. Власть проявила нерешительность в подавлении народных выступлений в течение первых 3 дней (23 – 25 февраля). С 24 февраля 1917 г. власть в Петрограде была передана военным. Но командующий округом генерал-лейтенант Сергей Семенович Хабалов не был генералом Наполеоном Бонапартом, который 5 октября 1795 г. в Париже выстрелами из пушек подавил мятеж роялистов. Не был он и Николаем I, который 14 декабря 1825 г. из пушек расстрелял восставших декабристов. Не был он и генералом Д.Ф. Треповым, генерал-губернатором Санкт-Петербурга, в приказе которого войскам в октябре 1905 г. были всем известные слова «холостых залпов не давать и патронов не жалеть». С.С. Хабалов был старый «кабинетный служака», мало подходивший на роль усмирителя вооруженного мятежа.

По мнению очевидца событий генерала А.И. Спиридовича, власть должна была использовать силу еще 24 февраля. «Раз во время войны устраивается политическая демонстрация, и полиция и войсковой наряд видят плакаты и флаги с надписями: «Долой войну», «Долой Царя», «Да здравствует республика» – стрельба необходима. В таком положении стрельба понятна каждому простому солдату. Такой момент был потерян вчера (24 февраля – *А.Д.*), когда в одном месте была именно политическая демонстрация, были революционеры, а не просто толпа» [27, Т. III, с. 97.]. Генерал-майор А.И. Спиридович 6 лет (1899 – 1905 гг.) служил в корпусе жандармов. В эти годы работал в Московском охранном отделении, руководил Таврическим и Киевским охранными отделениями, в 1906 – 1916 гг. руководил охраной императора. Это был решительный человек, профессионал в своем деле. По этим причинам осенью 1916 г. министр внутренних дел А.Д. Протопопов предлагал царю кандидатуру А.И. Спиридовича на должность градоначальника Петрограда. С большой вероятностью можно предположить, что под его руководством полиция, жандармы и военные в феврале 1917 г. действовали бы намного энергичнее и жестче. Но против его кандидатуры была императрица Александра Федоровна. Учитывая личные и профессиональные качества А.И. Спиридовича, к его словам о том, что стрелять надо было уже 24 февраля, стоит прислушаться.

Три дня, 23 – 25 февраля войска вяло действовали против демонстрантов. Активные действия проявляли в основном полиция и жандармы. С.С. Хабалов, если верить его словам на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии 22 марта 1917 г., до последнего медлил в применении оружия: «я усиленно не желал

прибегать к стрельбе: желательно было обойтись без стрельбы…» [5, Т. I, с. 189]. Однако, во всех странах во все исторические эпохи демонстранты или «бунтовщики» отсутствие энергичного отпора со стороны власти воспринимают как ее слабость. Любое движение идет по нарастающей. Борьбу всегда начинает активное меньшинство. Основная масса колеблется, но видя, что «за это ничего не будет», с каждым днем в движении принимает все больше и больше людей. Чем более массовым становится антиправительственное выступление, тем с каждым днем его сложнее подавить. Когда «бунтуют» тысячи, армия и полиция будут на стороне власти. Когда на улицы выходят сотни тысяч, армия колеблется, перестает выполнять приказы начальства, выходят миллионы – армия (или ее значительная часть) переходит на сторону народа.

25 февраля около 21 часа командующий Петроградским военным округом генерал С.С. Хабалов получил телеграмму царя: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай». Показательна реакция генерала на это предписание императора. «Эта телеграмма … меня хватила обухом… Но что же делать? – Царь велел: стрелять надо… Я убит был – положительно убит! – Потому что я не видел, чтобы это последнее средство, которое я пущу в ход, привело бы непременно к желательному результату…» [5, Т. I, с. 190].

Итак, после трех дней беспорядков, тогда еще мало кто понимал, что началась революция, командующий округом был не готов использовать «последнее средство» и 26 февраля никакой стрельбы по демонстрантам могло и не быть. Но 25 февраля поступил приказ императора. На вечернем совещании начальников участков, на которые был поделен город, и командиров запасных батальонов после информации С.С. Хабалова о телеграмме Николая II были рассмотрены возможные варианты поведения войск в зависимости от действий демонстрантов.

В ночь с 25 на 26 февраля состоялось заседание правительства. Большинство его участников высказались за обязательность применения силы к «бунтовщикам». В какой-то степени пророческими были слова министра земледелия А.А. Риттиха: «только несокрушимая энергия и решимость не останавливаться ни перед какими жертвами могут завтра установить расхлябанный организм (так в тексте – *А.Д.*), власть и порядок. Каждому необходимо проникнуться сознанием не останавливаться перед ужасом пролития крови, т. к. упустив время теперь, в дальнейшем потребуется уже море крови» [6, с. 40]. Заседание министров в этом отношении принесло пользу: два генерала, далеко не воинственные, набрались энергии и освободились от страха ответственности перед Царем и обществом [6, с. 41].

26 февраля 1917 г. стрельба по демонстрантам гремела в разных частях города.

Четвертый пункт. Власть не смогла парализовать работу Государственной думы – центра, объединяющего все (или почти все) оппозиционные силы.

Для того, чтобы стихийное недовольство масс вылилось в какое-то крупное организованное выступление, обязательно необходим вождь (например, С. Разин, Е. Пугачев) или какая-то организационная структура (например, тайные общества декабристов, народовольцев, политическая партия, профсоюз «Солидарность» Л. Валенсы в Польше в 80-е годы XX в. и т.д.)

В ночь с 25 на 26 февраля 1917 г. полиция арестовала в Петрограде более 100 человек – лидеров и активистов левых сил.

Но центром оппозиционного движения в феврале 1917 г. была Государственная дума. Именно к ней пришли воинские части, перешедшие на сторону рабочих, ища защиты за свое нарушение присяги или демонстрируя свою лояльность новой власти. Ответы на традиционный вопрос «Что делать?» представители разных политических сил и движений искали в Государственной думе. Сюда же стали привозить арестованных министров, генералов.

В ночь с 26 на 27-е февраля на своем заседании Совет министров принял решение приостановить деятельность Государственной думы. Однако власть ограничилась публикацией соответствующего Указа. На практике депутаты продолжили свою деятельность, постепенно превращая Думу в центр революции.

В 19 часов 27 февраля в Адмиралтейство, временно ставшим центром правительственных войск, прибыл бывший (в 1915 – 1916 гг.) командующий гвардией на фронте генерал В.М. Безобразов. В разговоре с С.С. Хабаловым он сказал, что «Голова бунтовщической гидры» находится «на Таврической улице, в Государственной думе. Отрубите ее и завтра в столице наступит спокойствие» [6, с. 53]. Дав такой «ценный» совет, В.М. Безобразов покинул здание, почему-то устранившись от выполнения своего долга – защищать императора.

Итак, власть не ликвидировала центр всех оппозиционных сил, который, это еще один урок революции, постепенно логикой борьбы порой вопреки желаниям самих депутатов превращался из либерального в революционный.

Пятый пункт. Отсутствовал центр обороны в Петрограде или Царском селе.

27 февраля, когда отдельные восставшие воинские части поддержали рабочих, С.С. Хабалов создавал из разрозненных частей, еще верных присяге, под руководством энергичных офицеров объединенные отряды и направлял их в различные районы столицы. Наиболее известным подобным сюжетом являются действия полковника А.П. Кутепова. По подсчетам С.С. Хабалова, в составе его отряда 27 февраля было «примерно, пехоты человек 700, эскадрон человек 100; … двенадцать пулеметов, человек тоже около 100… всего около 1.000 человек» [5, Т. I, с. 214]. Шансов у таких разрозненных и относительно малочисленных отрядов на подавление массового выступления народа и перешедших на его сторону воинских частей практически не было. После ряда безуспешных попыток «навести порядок», как пишет сам А.П. Кутепов, «большая часть моего отряда смешалась с толпой, и я понял, что мой отряд больше сопротивляться не может» [28, с. 34].

Может быть, не стоило распылять силы, направляя отдельные части, которые еще оставались верными власти, на подавление антиправительственных выступлений в разные районы города. Может быть, лучше было бы объединить все разрозненные воинские соединения, оставшиеся верными монарху, и контролировать хотя бы небольшой район – Зимний дворец, Адмиралтейство и т.д. Что это могло дать?

Во-первых, подобный центр (оплот) мог стать своего рода «магнитом», который притягивал бы к себе те воинские части, отдельных солдат и офицеров, кто сознательно хотел бы защищать царя. Такие в столице были. Отдельные воинские формирования оказывали вооруженное сопротивление революционерам и 28 февраля, уже после победы революции. Самый ожесточенный бой, который шел не один час, в первой половине дня вели солдаты и офицеры 181 самокатного полка. Только использование восставшими артиллерии и бронеавтомобилей позволило сломить ожесточенное сопротивление защитников монархии. Полдня 28 февраля депутаты Думы вели сложные переговоры с частями Петропавловской крепости

о признании ими новой власти. Находившиеся в гостинице «Астория» офицеры днем 28 февраля оказали вооруженное сопротивление восставшим взять гостиницу под контроль. Отдельные чины полиции вели стрельбу по революционерам 1 и даже 2 марта. Отсутствие в столице популярной в войсках фигуры или какого-либо оплота власти не позволило объединить существовавшие в столице разрозненные очаги сопротивления.

Во-вторых, всегда в любом противостоянии кроме активных сторонников и активных противников значительная масса (если не сказать, большинство) колеблется. Наличие активного мощного центра по защите власти могло повлиять на настроения колеблющихся солдат и офицеров. И кто-то мог «колебнуться» в пользу власти. И он бы знал, куда надо идти в столице, чтобы присоединиться к единомышленникам. Напротив, отсутствие какого-либо организованного активно действующего очага сопротивления восставшим затрудняло (делало невозможным) объединение усилий монархистов. 28 февраля во многих частях среди офицеров шли жаркие споры, признавать ли новую власть? Большинство офицеров в своих батальонах 28 февраля, а примерно 1500 офицеров, собравшихся утром 1 марта, приняли решение признать власть Исполнительного комитета Государственной Думы. Активное вооруженное сопротивление созданного царскими властями центра по защите монархии в Зимнем дворце, в Адмиралтействе, в другом месте могло повлиять на настроения колеблющихся военнослужащих.

В-третьих, такой оплот власти мог стать для царя и генералов в Ставке источником информации, альтернативной той, что посылал Председатель Государственной думы М.В. Родзянко в Псков командующему Северным фронтом Н.В. Рузскому, в Могилев начальнику штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексееву, командующим других фронтов. Известно, что сведения, направляемые М.В. Родзянко генералам: а) порой искажали картину событий; б) значительно (если не решающим образом) повлияли на позицию руководства армией и его действия в этот период.

Стоит отметить, что верные царю генералы попытались в ночь с 27 на 28 февраля организовать очаг сопротивления восставшим. Под их руководством было, по сведениям присутствующего здесь же градоначальника Петрограда генерал-майора А.П. Балка, 4 учебных команды гвардейских частей (800 штыков при пулеметах), резерв полиции (100 штыков), 2 запасных гвардейских эскадрона (200 сабель), конная полиция (200 сабель), жандармский дивизион (100 сабель), гвардейская запасная батарея (8 орудий). Итого: 900 штыков, 500 сабель, пулеметы и 8 орудий [6, с. 51].

Подробности данного сюжета можно прочесть у участников событий: генерала С.С. Хабалова [5, Т. I, с. 202–205], градоначальника А.П. Балка [6, с. 51–61], командира запасного батальона лейб-гвардии Измайловского полка полковника П.В. Данильченко [8, с. 47–55] и других.

В ночь с 27 на 28 февраля объединенный отряд перешел из Адмиралтейства в Зимний дворец. Назначенный своего рода комендантом Дворца полковник П.В. Данильченко организовал его оборону, расставив на ключевые места пехоту, артиллерию и кавалерию. Из дворца позвонили членам императорской фамилии и министрам, приглашая их во дворец под свою защиту [8, с. 51]. Сам П.В. Данильченко «пробовал соединиться дворцовым проводом с Царским Селом для предложения Государыне Императрице защиты, но этот провод мне не соединили, так как революционеры им уже завладели» [8, с. 51].

Зимний дворец вполне мог стать центром, оплотом защиты монархии. Помимо сводного отряда С.С. Хабалова, прибывшего из Адмиралтейства, в течение ночи на 28 февраля ко дворцу прибыла рота лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка. Командовал ею штабс-капитан Нарбут, который по собственной инициативе, видя в Царском Селе переход гарнизона на сторону революционеров, поездом доставил в Зимний дворец верных Государю Императору стрелков [8, с. 50]. П.В. Данильченко позвонил командир роты лейб-гвардии Егерского полка и попросил разрешения прибыть с его ротой в Зимний дворец [8, с. 51]. Другими словами, о верных монарху войсках вокруг Зимнего дворца было известно в частях Петроградского гарнизона. Было известно и в Государственной думе. П.В. Данильченко вспоминает, что ему «телефонировал из Государственной думы Родзянко, приглашая меня в думу. Я приказал ответить, что я туда не поеду, и чтобы он сам явился ко мне» [8, с. 52].

Итак, Зимний дворец под надежной охраной верных царю войск, жандармов и полиции. Не исключено, что ночью или в течение 28 февраля к этому оплоту монархии могут присоединиться какие-либо пусть даже разрозненные воинские формирования или отдельные опытные офицеры – фронтовики, которых тогда множество находилось в Петрограде в отпусках на лечении.

Что или кто помешал создать вокруг Зимнего дворца надежный центр сопротивления «февральской стихии»? Увы, не кто иной, как брат императора Михаил Александрович. Он приехал в Зимний дворец рано утром 28 февраля и потребовал от С.С. Хабалова и М.А. Беляева вернуть войска из Зимнего дворца назад в Адмиралтейство. Причина? Великий князь не хочет допустить кровопролития здесь, во дворце [5, Т. I, с. 203–204; 8, с. 52]. Через 2 дня, 3 марта Михаил Александрович нанесет еще более разрушительный удар по монархии, отказавшись от престола, который ему передал Николай II. Вот так действовал младший брат императора в критические дни защиты института монархии.

Оставшиеся верными царю части под утро 28 февраля второй раз за ночь совершили теперь уже обратный переход из Дворца в Адмиралтейство. И если по дороге во Дворец среди солдат и офицеров отмечался подъем духа, то возвращение через 2-3 часа назад в Адмиралтейство вызвало у людей подавленное настроение [8, с. 54].

П.В. Данильченко считал приказ о переводе войск из Зимнего дворца в Адмиралтейство «преступным» и «капитуляцией перед революционерами» [8, с. 52]. В своих воспоминаниях он напишет, что когда войска уходили из Дворца «мне пришла в голову преступная мысль: остановить мои роты, вызвать генералов Беляева, Хабалова и Занкевича и арестовать их, а самому встать во главе войск… Но тогда пришлось бы арестовать и Великого Князя Михаила Александровича, родного брата Государя Императора… Этого выполнить я не смел, ибо во дворце он являлся представителем Императорской власти» [8, с. 54].

Петр Васильевич Данильченко (1873 – 1953) уедет из восставшего Петрограда на румынский фронт, где с марта по май 1917 г. командовал 7 пехотным Ревельским полком, потом госпиталь, увольнение со службы, в годы гражданской войны участвовал в Белом движении на Юге страны. В эмиграции приходилось браться за любую работу, чтобы выжить. Например, в Софии работал рассыльным и кассиром в одном из отелей. Уезжая в Америку, он передал свою должность бывшему сослуживцу по Измайловскому полку генералу Г.И. Лескинену (1870 – 1944). Этот факт лишний раз характеризует тяжелое положение многих русских эмигрантов:

полковник и генерал соглашаются работать рассыльными при отеле в Болгарии. В 1923 г. переезд в Америку, где сначала работал на ферме два месяца, затем в Нью-Йорке помощником повара в госпитале, затем управлял и обслуживал 4-х этажный дом, работал маляром, два лета на кладбище садовником … Пресловутое «если бы…». Если бы Петр Васильевич Данильченко в ночь с 27 на 28 февраля 1917 г. каким-то чудом мог увидеть трагедию России в годы гражданской войны, драму миллионов эмигрантов, собственное унизительное существование в эмиграции, может быть, ему хватило бы духу арестовать своих начальников, превратить Зимний дворец и прилегающие к нему кварталы в оплот монархистов, куда бы могли бы прибыть все желающие защитить императора, продержаться 2-3 дня до подхода частей с фронта … Но ничего этого Петр Васильевич не мог знать. Когда войска покидали Зимний дворец, он вследствие переутомления и болезни был отпущен в лазарет, передав командование сводным отрядом полковнику Измайловского полка Б.В. Фомину (1886 – 1945) [8, с. 54].

Ночью по дороге из Зимнего дворца в Адмиралтейство и утром многие солдаты и офицеры самостоятельно или с разрешения своих командиров вернулись в казармы или пошли по домам (полицейские, жандармы). В первой половине 28 февраля 1917 г. С.С. Хабалов и другие генералы прекратили борьбу и были арестованы.

Еще раньше, вечером 27 февраля Совет министров «самороспустился».

Официальная власть в столице перестала существовать.

Но это еще не конец, уважаемый читатель.

Традиционно считается, и мы с этим согласны, ключевым или днем победы Февральской революции 27 февраля 1917 г. В этот день: а) часть войск Петроградского гарнизона перешла на сторону революции; б) был создан Временный комитет Государственной думы; в) путем выборов был сформирован Петроградский совет рабочих депутатов; г) Совет министров России «самораспустился»; д) разрозненные попытки военных подавить народные выступления не увенчались успехом. К вечеру практически весь город оказался в руках восставших.

Но весьма значимым для исхода событий был день 28 февраля: а) царский поезд пытается проехать в Царское село; б) с фронта идут эшелоны с войсками в Петроград для подавления «бунта»; в) железнодорожники во главе с комиссаром Временного комитета Государственной Думы А.А. Бубликовым отчаянно противостоят царским эшелонам и эшелонам с войсками с фронта попасть в столицу; г) руководители Государственной думы не уверены в своей победе; д) в Царском селе восстала часть гарнизона, противостояние защитников Александровского дворца, в котором находится царская семья, и восставших частей.

28 февраля – вакуум власти в России. Правительство в Петрограде официально перестало существовать еще накануне (27 февраля). Царь «блуждает» по железным дорогам России и не знает о ситуации в столице. Государственная дума не знает о планах царя и военного командования в Ставке. Генералы не знают, где находится царь (связи с ним было 38 часов), и смутно представляют обстановку в Петрограде.

Но это уже другая история…

Таким образом, можно сделать следующие **выводы:**

1. Мировая и отечественная история свидетельствует о том, что система, которая, казалось, была незыблемой, сильной, стабильной, в считанные дни может рухнуть. Как правило, это бывает полной неожиданностью, как для власти, так и для общества. Признаки (индикаторы), позволяющие власти и обществу

вовремя заметить начавшийся процесс трансформации состояния равновесия (эволюционного пути) в состояние неустойчивости и непредсказуемости процесса:

а) Степень оппозиционных настроений масс, степень готовности масс к борьбе против существующей власти.

б) Степень авторитета или десакрализации власти. Если массы уважают власть, они будут прощать ей какие-то ошибки и не требовать ее свержения. Например, многие из тех, кто жил в тяжелых условиях начала 1917 г. в Петрограде, через 25 лет попали в еще более тяжелую ситуацию в период блокады Ленинграда фашистами. Но в катастрофических условиях 1942 – 1944 гг. ленинградцы не требовали «Долой советскую власть», «Долой Сталина». Напротив, сделали все, чтобы защитить себя и существующую власть.

в) Наличие вождя или центра, объединяющего различные оппозиционные силы.

2. Откладывая решение многих вопросов «на потом», Николай II создал в столицах взрывоопасную кризисную ситуацию. Когда накопилось много «горючего материала», спокойствие в обществе часто бывает обманчивым. Любая мелочь может стать детонатором народного взрыва. Эффективная власть занимается не реагированием, тем более с опозданием на происходящее, а упреждением прогнозируемых проблем или вызовов.

3. Руководство страны должно быть готово к тому, что события могут развиваться стремительно. В быстро меняющейся обстановке только мгновенная и решительная реакция может спасти власть.

4. Ошибки власти в Петрограде 23 – 28 февраля 1917 г.:

а) Неспособность прогнозировать возможный ход событий. Власть оказалась не готова к выступлению женщин и рабочих 23 февраля (8 марта) 1917 г.

б) Даже не попыталась успокоить население, раздав продовольствие.

в) Не проявила решительность в деле подавления народных выступлений в течение первых 3 дней (23 – 25 февраля).

г) Не смогла парализовать работу Государственной думы – центра, объединяющего все (или почти все) оппозиционные силы.

д) Не создала центр обороны в Петрограде или Царском селе.

5. В критический момент борьбы за власть в России ключевую роль играет позиция армии: поддержит она руководство страны или перейдет на сторону народа. Во-первых, царская власть показала слабое знание настроений в частях, расквартированных в Петрограде, Царском селе и окрестностях столицы. Во-вторых, на поведение солдат и офицеров влияет несколько факторов, в том числе, насколько массовыми будут народные выступления.

6. На вопросы, заданные в начале статьи, можно ответить так.

а) После начала волнений в Петрограде 23 февраля у власти пусть минимальный, но был шанс сохранить монархию.

б) Почему власть не реализовала свой шанс? Для сохранения монархии необходимы были решительные меры (см. выше пункт 4 б, в, г, д), на что оказались не способны оставшиеся в столице некомпетентные, не авторитетные, не энергичные гражданские и военные руководители. Каков глава государства – таковы и его кадры. Паралич власти – главная причина краха монархии в феврале 1917 г.

Список источников

1. Бестужев-Лада И.В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 112–122.
2. Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны: в 2 т./ отв. ред., сост.В.М. Хрусталев. М.: ПРОЗАиК, 2012.
3. Доклад начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева директору Департамента полиции 5 февраля 1917 г. / Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 381–403.
4. Записка Московского городского головы М.В. Челнокова о тяжелой ситуации со снабжением г. Москвы продовольствием и топливом / Москва в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: Документы и материалы. М., 2014. С. 240–242.
5. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / Ред. П.Е. Щеголев. Т. I–VII. М.-Л.: Госиздат, 1924–1927.
6. Балк А.П. Последние пять дней царского Петрограда. Дневник последнего Петроградского Градоначальника / Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 1. Л., 1991. С. 26–64.
7. Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте / Мартынов Е.И. Политика и стратегия. М., 2003. С. 121–272.
8. Данильченко П.В. Роковая ночь в Зимнем Дворце. 27 февраля 1917 года / Февраль 1917 глазами очевидцев. М.: АЙРИС-пресс, 2017. С. 42–54.
9. Нефедов С.А. Репетиция Февральской революции // Былые годы. 2016. № 42(4). С. 1378–1385.
10. Никифоров А.Л. Царское Село в дни Февральской революции // XXI Царскосельские чтения. Материалы международной научной конференции. 2017. С. 175–183.
11. Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
12. Кригер-Войновский Э.Б. Записки инженера: Воспоминания, впечатления, мысли о революции // Кригер-Войновский Э.Б.; Спроге В.Э. Записки инженера. М.: Русский путь, 1999. С. 7–132.
13. Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания в двух книгах. М.: Захаров, 2017.
14. Гайда Ф.А. Председатель отдела древесного топлива: Протопопов: «салонный шармёр» у кормила власти // Родина. 2011. № 5. С. 110–114.
15. Ден Ю. Подлинная царица. М.: Вече, 2013.
16. Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни. М.: Благо, 2000.
17. Заварзин П. П. Жандармы и революционеры: Воспоминания. Париж, 1930.
18. Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1917 гг. т. III–V. М.–Л., Государственное издательство, 1923-1927.
19. Жевахов Н.Д. Воспоминания. Т. 1. СПб.: Родник, 1993.
20. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В двух томах. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999.
21. Коренев С. А. Чрезвычайная Комиссия по делам о бывших министрах / Архив русской революции. В 22 т. Т. VII. Берлин, 1922. С. 14–33.
22. Глобачев К. И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М.: РОССПЭН, 2009.
23. Доклад генерала Алексеева Николаю II. Проект военной диктатуры.15 июня 1916 г. / Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. Мн.: Харвест, 2003. С. 333–342.

24. Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова / Блок А.А. Последние дни Императорской власти. Пб.: Алконост, 1921. С. 122–125.

25. Объяснительная записка к пункту II предыдущей записки, составленной в кружке Римского-Корсакова / Блок А.А. Последние дни Императорской власти. Пб.: Алконост, 1921. С. 126–140.

26. Камер-фурьерские журналы. 1916–1917 гг. СПб.: Д.А.Р.К., 2014.

27. Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. 1914 – 1917 гг. Кн. I–III. Нью-Йорк, 1960–1961.

28. Кутепов А.П. Первые дни революции в Петрограде / Февраль 1917 глазами очевидцев. М.: АЙРИС-пресс, 2017. С. 24–41.

References

1. Bestuzhev-Lada I. V. Retrospective in the philosophy of history. *Voprosy filosofii = Voprosy Filosofii*. 1997;(8):112–122. (In Russ.)

2. Khrustalev V. M. (ed.) *Diaries of Nicholas II and Empress Alexandra Fedorovna*: in 2 vols. Moscow: PROZaiK; 2012. (In Russ.)

3. Report of the Head of the Petrograd Security Department K.I. Globachev to the Director of the Police Department on February 5, 1917. In: Globachev K. I. *Truth about the Russian Revolution: Memoirs of the former head of the Petrograd Security Department*. Moscow; 2009:381–403. (In Russ.)

4. Note by Moscow Mayor M.V. Chelnokov on the difficult situation with the supply of food and fuel to Moscow. In: *Moscow during the First World War. 1914-1917: Documents and materials.* Moscow; 2014:240–242. (In Russ.)

5. Shchegolev P.E. (ed.). *The fall of the tsarist regime: Verbatim reports of interrogations and demonstrations in 1917 in the Emergency Commission of Inquiry of the Provisional Government*. T. I-VII. Moscow-Leningrad: Gosizdat; 1924-1927. (In Russ.)

6. Balk A. P. The last five days of tsarist Petrograd. Diary of the last Petrograd Mayor. In: *Russian Past. Historical documentary almanac.* Vol. 1. Leningrad; 1991:26-64. (In Russ.)

7. Martynov E. I. Tsarist army in the February coup. In: Martynov E. I. *Politics and strategy*. Moscow; 2003:121–272. (In Russ.)

8. Danilchenko P. V. *Fatal night in the Winter Palace. February 27, 1917/February 1917 through the eyes of eyewitnesses.* Moscow: IRIS-press; 2017:42–54. (In Russ.)

9. Nefedov S. A. Rehearsal of the February Revolution. *Bylye gody = Bylye Gody.* years. 2016;42(4):1378–1385. (In Russ.)

10. Nikiforov A. L. Tsarskoye Selo in the days of the February Revolution. In: XXI Tsarskoye Selo readings. Proceedings of the International Scientific Conference. 2017:175–183. (In Russ.)

11. Pokrovsky N. N. *The last in the Mariinsky Palace: Memoirs of the Minister of Foreign Affairs.* Moscow: New Literary Review, 2015. (In Russ.)

12. Krieger-Voinovsky E. B. Notes of the engineer: Memories, impressions, thoughts on the revolution. In: Krieger-Voinovsky E. B.; Sproge V. E. *Notes of the engineer.* Moscow; 1999:7–132. (In Russ.)

13. *Grand Duke Alexander Mikhailovich. Memories in two books*. Moscow: Zakharov; 2017. (In Russ.)

14. Gaida F. A. Chairman of the wood fuel department: Protopopov: the "salon charmer" fed the authorities. *Rodina = Rodina*. 2011;(5):110–114. (In Russ.)

15. Den Yu. *Genuine queen.* Moscow: Veche; 2013. (In Russ.)

16. Taneeva (Vyrubova) A. A. *Pages of my life.* Moscow: Blago; 2000. (In Russ.)

17. Zavarzin P. P. *Gendarmes and revolutionaries: Memoirs.* Paris, 1930. (In Russ.)

18. *Correspondence of Nikolai and Alexandra Romanov.* 1914-1917. Vol. III-V. Moscow-Leningrad: State Publishing House; 1923-1927. (In Russ.)

19. Zhevakhov N. D. *Memoirs.* T. 1. St. Petersburg: Spring, 1993. (In Russ.)

20. Rediger A. F. *The story of my life. Memoirs of the Minister of War*. In 2 volumes. Moscow: Canon-press; Kuchkovo field; 1999. (In Russ.)

21. Korenev S. A. *Extraordinary Commission for Former Ministers* / Archive of the Russian Revolution. In 22 vol. T. VII. Berlin; 1922:14–33. (In Russ.)

22. Globachev K. I. *The truth about the Russian revolution: Memoirs of the former head of the Petrograd security department.* Moscow: ROSSPEN; 2009. (In Russ.)

23. Report of General Alekseev to Nicholas II. Draft military dictatorship June 15, 1916. In: *Diaries and documents from the personal archive of Nicholas II: Memoirs. Memoirs.* Minsk: Harvest, 2003:333–342. (In Russ.)

24. Note compiled in the circle of Rimsky-Korsakov. In: Block A. A. *The last days of Imperial power*. Peterburg: Alconost; 1921:122–125. (In Russ.)

25. Explanatory note to item II of the previous note, compiled in the circle of Rimsky-Korsakov. In: Block A. A. *Last days of Imperial power.* Peterburg: Alconost; 1921:126-140. (In Russ.)

26. *Camera-fourier magazines*. 1916-1917. St Peterburg: D.A.R. K.; 2014. (In Russ.)

27. Spiridovich A. I. *The Great War and the February Revolution. 1914-1917.* Vol. I–III. New York; 1960-1961. (In Russ.)

28. Kutepov A. P. The first days of the revolution in Petrograd. In: *February 1917 through the eyes of eyewitnesses*. Moscow: IRIS-press; 2017:24–41. (In Russ.)

Информация об авторе

А.Г. Данилов – докт. ист. наук, проф. кафедры теории и истории.

Information about the author

A.G. Danilov – Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Theory and History of Law and State.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.08.2021; одобрена после рецензирования 13.09.2021; принята к публикации 15.09.2021.

The article was submitted 23.08.2021; approved after reviewing 13.09.2021; accepted for publication 15.09.2021.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 59–71
North Caucasus Legal Vestnik. 2021;(3):59–71

Проблемы теории и истории права и государства

Научная статья
УДК 34.01
doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-59-71

ТЕОЦЕНТРИЗМ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Алексей Игоревич Овчинников[1, 2], Тимофей Анатольевич Фетисов[3]

[1]Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, k_fp3@mail.ru
[2]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия
[3]Донская духовная семинария, Ростов-на-Дону, Россия, donseminary@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается теоцентризм русской философии права – философии веры и нравственности. Выявляется значение целого ряда предпосылок отечественного стиля философско-правового мышления, показана роль православия не только в аксиологии русской философии права, но и в ее эпистемологических особенностях. Устанавливается роль иррационального начала в постижении основных проблем права и государства, раскрывается взаимосвязь понятий в контексте философско-правовых идей русских мыслителей: вера, правда, подвиг, аскеза, соборность, всеединство.

Ключевые слова: теоцентризм, правовая теология, политическая теология, христианская правовая культура, русская философия права, правопонимание

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228 «Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность».

Для цитирования: Овчинников А. И., Фетисов Т. А. Теоцентризм русской философии права: история и современность // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 59–71. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-59-71.

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

THEOCENTRISM OF RUSSIAN PHILOSOPHY OF LAW: HISTORY AND MODERNITY

Aleksey I. Ovchinnikov[1, 2], Timofey A. Fetisov[3]

[1]Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, k_fp3@mail.ru
[2]South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
[3]Don Theological Seminary, Rostov-on-Don, Russia, donseminary@gmail.com

Abstract. The article examines the theocentrism of the Russian philosophy of law – the philosophy of faith and morality. The significance of a number of prerequisites for the Russian style of philosophical and legal thinking is revealed, the role of Orthodoxy is shown not only in the axiology of Russian philosophy of law, but also in its epistemological features. The role of the irrational principle in comprehending the main problems of law and the state is established, the relationship of concepts in the context of the philosophical and legal ideas of Russian thinkers is revealed: faith, truth, feat, asceticism, conciliarity, total unity.

© Овчинников А. И., Фетисов Т. А., 2021

***Keywords**:* theocentrism, legal theology, political theology, Christian legal culture, Russian philosophy of law, legal thinking

Financial Support: The study was carried out with the financial support of the Russian Federation within the framework of the scientific project № 21-011-44228 "Law and legal consciousness in the theological dimension: history and modernity".

For citation: Ovchinnikov A. I., Fetisov T. A. Theocentrism of Russian philosophy of law: history and modernity. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2021;(3):59–71. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-59-71.

Введение. Русская философия права традиционно воспринимается философией, насыщенной идеями философии христианской веры и идеалами нравственности, в этом ее самобытность и в этом ценность для мировой истории государственно-правовой мысли. Конец XIX – начало XX века подарил миру огромное количество новых имен замечательных мыслителей, сосредоточивших свое исследовательское внимание на проблемах духовно-нравственного характера, а также обосновании теократического или теоцентристского типа правового мышления: Н.А. Бердяев, П.И. Новгородцев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, Е.В. Спекторский, П.Б. Струве, П.Е. Казанский, М.В. Шахматов и т.д. Их труды крайне важны сегодня, когда так быстро разрушаются традиционные понятия и представления о правде, справедливости, добросовестности и других нравственно-правовых категориях русской философии права. Особенно важно обратить внимание на Христоцентризм их правового мышления и правосознания, так как современное общество все дальше отходит от евангельских ценностей, а современное право, между тем, является, в некотором смысле, результатом христианской проповеди и зависит от сохранения «духовных ценностей» в законодательстве и правоприменении. Конечно, никто из ученых сегодня всерьез не выступает и не рассчитывает на возрождение царской власти и самодержавия, но сохранение этих идеалов в народной памяти, а юридическая наука и история политических и правовых учений является частью народной памяти, позволяет соизмерять современное государственно-правовое строительства с сакральными образами святости и благочестия, неизменно положительно влияя на герменевтику права и правоприменительную деятельность.

Поправка к Конституции РФ вновь заострила споры о сочетании религиозных и светских представлений о государстве и праве. Показала насколько активной является реакция со стороны юридического сообщества на вплетение в текст нормативных актов важнейших для жизни любого человека понятий о вере в Бога, нравственности и высших смыслах: большинство правоведов не отрицает ее значимости. Обращение внимания на такое важное качество отечественной государственно-правовой мысли как теоцентризм, позволяет осознать органичность поправки о «вере в Бога» в российском конституционализме и частично восполнить тот урон, который понесла русская правовая культура со времен большевистского переворота 1917 г. в момент «воцарения» на место «царства Бога» «царства Хама».

Методология исследования. Методологической базой изучения теоцентристского философско-правового наследия в русской государственно-правовой мысли следует признать аксиологический, нормативно-институциональный, исторический и сравнительно-правовой подходы. Для того, чтобы оттенить своеобразные черты русского теократического идеала очень важно обратить внимание на иерархический ценностный порядок в государственно-правовых построениях

отечественных мыслителей, в том числе и отражение этой ценностной иерархии в законодательстве Российской империи. Сравнительно-правовой подход позволяет установить насколько иным, не универсальным, но самобытным и индивидуальным был идеал самодержавия, сформулированный русскими правоведами на почве синтеза православно-богословских идей еще византийских времен с идеями современной им философии права, историческим опытом русского народа, событиями в Западной Европе и доктриной государственного права.

Обзор литературы. В современной юридической литературе огромное количество статей посвящено истории русской философии права. В последние годы вышло несколько крупных монографий, среди которых особое место занимают книги Алексея Михайловича Величко «Византийская симфония» и «Исихазм в праве и политике». В его работах раскрываются глубинные истоки русского правопонимания и философии права, православно-христианские корни отечественной правовой культуры, показаны смысловые контуры права в сочинениях В.С. Соловьева, Ф.М. Достоевского, С.Л. Франка, протоиерея Павла Флоренского, протоиерея Сергия Булгакова, К.Н. Леонтьева. Большое количество работ, посвященных религиозно-нравственным аспектам права и государства в контексте анализа консервативных философско-правовых воззрений издается такими авторами, как А.А. Васильев, Н.Ф. Медушевская, В.В. Сорокин, М.Б. Смолин и др. В их монографиях и статьях рассматриваются разнообразные аспекты православно-христианского правопонимания, сформировавшегося в России на протяжении последней тысячи лет и имеющего яркие самобытные начала в познании права. Между тем, теоцентристских исследований истории философии права в России не так и много, так как русские правоведы анализируются с позиций перспективы применения их идей в практике государственно-правового строительства постсоветской России, с позиции их консервативных правовых ценностей и идеалов, с точки зрения оптимальных форм государственного правления, но не с точки зрения богословия и теологии.

Теоцентризм в русской философии права имеет ярко выраженную конфессиональную принадлежность: это теоцентризм православно-христианского мировоззрения. Практически нет исследователей, которые бы оспорили общепринятую квалификацию русской философии права как философии православной веры, православной нравственности и права. Одухотворенной наукой о праве назвал русскую философию права современный философ А.А. Корольков [1, с. 5-7]. По справедливому суждению Ю.В. Сорокиной: «Русская философия права, впрочем, как и вся русская философия, опирается на христианско-православные методологические основания» [2, с. 149]. Рассмотрим, какие это основания, опираясь на методологические исследования русской культуры как современных философов и богословов, так и мыслителей прошлого.

Вера и разум в русском правовом мышлении

Если характерным признаком европейского способа мыслить следует признать спекулятивный, формально-логический рационализм, то русский способ мыслить право характеризуется ценностным рационализмом, объединяющим веру и разум. Русское национальное правовое мышление имеет ярко выраженный иррационалистический характер. Рационализм западного правового мышления выражается в том, что «сердце» и «рассудок» стали раздельными, и если логика ведет к отрицанию нравственных ценностей, то ради истины «холодный» рассудок не остановится ни перед чем. Как подчеркивает современный философ права

В.П. Малахов: «Западноевропейский рационализм имеет спекулятивный характер, содержит установку на отвлеченно-категориальное воспроизведение знаний о мире» [3, с. 234]. Такой рационализм ориентирован на достижение и поиск истины ради нее самой, но не ради смысла жизни, поиска и обретения себя человеком во Вселенной. В.П. Малахов обращает внимание и на такие качества европейской рациональности как «заземленность» и механистичность. Действительно, научная рациональность европейского мира «не знает» нравственных границ. Это не могло не сказаться на правовом мышлении, в котором секуляризация «прошлась» не только по религиозным, но и по нравственным основаниям права. Мораль и нравственность стали восприниматься в качестве автономной системы норм индивидуального долженствования. Не удивительно, что русские правоведы не могли не заметить этого разрушительного для права явления и результатом стал всплеск критики бездуховного правосознания. Работа П.И. Новгородцева «Кризис современного правосознания. Введение в философию права» посвящена описанию этого кризиса и обоснованию необходимости возрождения идей естественного права. Уже тогда осознали русские мыслители, что западная познавательная модель научного разума ведет человечество в тупик, обусловленный отбрасыванием нравственных оснований науки. Кроме того, ввиду господства социального атомизма и индивидуализма знания, добытые рассудочным мышлением, имеют отрывочный, неполноценный характер. Право и нравственность стали рассматриваться отдельно, сами по себе. Цельность разума была утрачена, что может восполнить именно православие. «Обретение этой цельности разума есть уже задача не только и не столько философская, сколько религиозно-аскетическая» – отмечает В.Н. Катасонов [4, с. 3-13]. Необходимо, чтобы познающий разум был в нравственном смысле чистым.

Здесь следует отметить правоту философско-правовых прогнозов русских консерваторов и славянофилов. Морально-нравственная сторона рациональности для славянофилов была одной из центральных исследовательских тем. Процесс критического анализа западного рационализма славянофилы осуществляли именно в контексте отрицания рассудочного познания, противостоящего целостному духу православного миросозерцания.

Вера в познании мира славянофилами рассматривалась в качестве важнейшего первоначала. Юрий Федорович Самарин обращал внимание на то, что научное мышление достигает полной силы только тогда, когда в единстве трудятся дух, воля, мысль и душа [5, с. 135]. Верующий разум или верующее мышление значительно превосходит мышление логико-понятийное, формально-логическое, отвлеченное, поэтому рациональное правовое государство не решит социальных противоречий. Русские философы права для достижения истины прибегают не столько к рассудочному познанию, сколько к познанию соборному, кафолическому, богословско-нравственному. В их концепции нет места разделению права и нравственности, общества и государства, моральных и юридических ценностей. Человек и социум не могут постигаться в отрыве друг от друга, требуется познавать их в интегративной целостности, взаимности.

Понятие «правда» в русской философии права: теологическое содержание

Русская философия права не ведает чисто формального, рассудочного отношения к праву и законам. Такое отношение близко к католической и протестантской правовой культуре, сформировавшейся на основе синтеза римского

права и схоластического богословия средневековых школ канонического права. Понятие правды соединяет в себе и духовное, и формально-юридическое, и нравственное, и познавательное отношение к поступку человека. При этом в данном понятии основой, базовым смыслом является идея подвига, то есть «сдвига» себя в сторону, так как поступок человека, построенный на мотиве защиты своего личного интереса прежде интереса ближнего, не воспринимается большинством русских людей как праведный поступок, как Правда.

Откуда в русской национальной культуре столь негативное и пренебрежительное отношение к личным, как говорится «шкурным» интересам? Где корни антииндивидуализма в русской философии права? Почему такого отношения нет в странах католической и протестантской культуры? Ответ очевиден: православно-христианское миропонимание, мироощущение, мировоззрение иное, чем западное. В нем подвиг, аскеза и самопожертвование являются необходимыми условиями стяжания Святого Духа, Благодати Божией, уподобления Иисусу Христу. Поэтому теоцентризм русской философии права с самого начала ее зарождения и до современных дней является самой главной ее характеристикой и особенностью.

Полезность и целесообразность никогда не были основными ориентирами правового мышления в России, особенно если они не ведут к правде. Правда не является чисто юридической категорией, «правда – это стремление к справедливости, к истинности человеческих отношений, к добру и совершенству. «Русская Правда» как юридический памятник, открытый В.Н. Татищевым и по истокам восходящий к древнейшей истории Руси, свидетельствует о глубине слияния в России юридических, нравственных и религиозных категорий» [1, с. 6-7].

Понятие «правды» является крайне важным и для характеристики самодержавия и русского монархического архетипа. М.В. Шахматов прямо отождествлял понятия «подвиг» и «самодержавие». Он полагал, что высшее проявление подвига человека есть подвиг любви, сострадания, и самопожертвования во имя Божие, ради ближнего своего. Этот подвиг является обязательным эталоном поведения для любого православного христианина. Тем более он считается высшей обязанностью государя, великого князя. Эта обязанность стала высшей еще во времена Византийской государственности, где в Синтагме Матфея Властаря выдвинуто требование к царю, чтобы он был «якоже некы подвигоположник» [6, с. 6]. Причем же тут правда? А вот какая связь между ними: подвиг как путь спасения есть не что иное, как закон Божий, правда святая. «Понятие о «правде» совмещает в себе множество наших понятий: сюда входят не только право в объективном и субъективном смысле слова, право положительное и идеальное, но и правда – справедливость и правда Божеская» [6, с. 14]. Жить подвигом, таким образом, для русского человека Киевской и Московской Руси, означает «жить по правде».

Из понятия «правды» новое прочтение получает и понятие «нравственности». Характерным является это прочтение для русского юриста-государствоведа Павла Евгеньевича Казанского, который под нравственностью понимал чисто христианскую любовь к ближнему. По его мнению, христианство показало миру, что развиваться можно только по пути любви к ближнему, что «жизнь для других» является единственным смыслом человеческой жизни, становится высшим, постоянно развивающимся благом, смыслом истории человечества и человека. «Нравственность альтруизма расширяется насчет нравственности эгоизма… Великое начало любви легло в основание христианской нравственности, которая требует, чтобы все люди были одинаково близки нам, без различия народности,

веры и проч. Жизнь для других способна к бесконечному развитию, и на этом пути человеку открыт путь бесконечного совершенствования» [7, с. 23–24]. Высшим нравственным законом, согласно П.Е. Казанскому, является жизнь для других.

Соборность как церковное единство

Общеизвестным результатом православно-христианского теоцентризма русской философии права следует признать идею соборности. Познание мира доступно только в процессе соборного мышления, благодаря акту творческого познавательного единства. Человек сам по себе мало может, но коллективный разум, объединенный любовью способен на многое. А.С. Хомяков полагал, что истина доступна только в случае совокупного множества мышлений, объединенных любовью. Отдельный человек не может претендовать на полное и цельное знание [8, с. 243]. Он в некотором смысле ущербен, и нравственно, в силу первородного греха и себялюбия, и интеллектуально.

Однако не стоит мыслить соборность в познании и социальной жизни как некое согласие в нравственных и иных вопросах. Это не популярная сегодня солидарность, а единство в Церкви Христовой. «Соборность у Хомякова, – подчеркивал прот. Георгий Флоровский, – есть отнюдь не человеческое понятие, а «Божественная характеристика Церкви» [9, с. 277].

С соборностью связана и идея цельного знания. Раскрывая свое понимание цельного знания, знаменитый русский философ В.С. Соловьев писал: «Цельное знание по определению своему не может иметь исключительно теоретического характера; оно должно отвечать всем потребностям человеческого духа, должно удовлетворять в своей сфере всем высшим стремлениям человека. Отделить теоретический или познавательный элемент от элемента нравственного или практического и от элемента художественного или эстетического можно было бы только в тех случаях, если бы дух человеческий разделялся на несколько самостоятельных существ, из которых одно было бы только волей, другое – только разумом, третье – только чувством. Но так как этого нет и быть не может, так как всегда и необходимо предмет нашего познания есть вместе с тем предмет нашей воли и чувства, то чисто теоретическое, отвлеченно научное знание всегда было и будет праздною выдумкой, субъективным призраком» [10, с. 229].

Идея цельного знания неразрывно связана с идеей соборности. Вот как ее видит С.Н. Трубецкой: «Сознание не может быть ни безличным, ни единоличным, ибо оно более чем лично, будучи соборным. Истина, добро и красота сознаются объективно, осуществляются постепенно лишь в этом живом, соборном сознании человечества» [11, с. 498]. Соборное сознание и соборное знание оказываются, таким образом, прологом к постижению сущности явлений. Именно оно является источником права в тех ситуациях, когда обычай и закон молчит.

В русской философии права совершенно закономерно подчеркивалась значимость обычного права ввиду его общественного, соборного происхождения. На его роль в правовом развитии России обращал внимание И.В. Киреевский: «Закон в России не сочинялся, но обыкновенно только записывался на бумаге уже после того, как он сам собою образовался в понятиях народа и мало-помалу, вынужденный необходимостью вещей, взошел в народные нравы и народный быт» [12, с. 205].

Обычай также был близок и в силу иррациональных корней его. «Обычай является силою внутреннею, проникающею во всю жизнь народа, в совесть и мысль всех членов общества» – писал А.С. Хомяков [13, с. 667].

То же говорил и И.В. Киреевский, культурные корни обычного права проявляют себя в иррациональном характере его происхождения: обычай пронизан национально-культур-ными ценностями. «Право обычное, как оно было в России, вырастая из жизни, совершенно чуждалось развития отвлеченно-логического» [13, с. 204]. Впоследствии аналогичную идею определил и профессор Г.К. Гинс: «Нельзя произвольно изменять право, как это казалось сторонникам естественно-правовой школы» [14, с. 265]. Произвольность Г.К. Гинсом осуждается в силу спекулятивно-рацио-налистических аргументов сторонников модернизации в эпоху Нового времени и Просвещения.

Не случайно среди русских историков права, теоретиков права было крайне распространенным органическое правопонимание [15, с. 74–83]. Не только самобытность русской правовой культуры, но и склонность к единству с народом диктовали ученым необходимость обращения к истокам русского обычного права. Многие из них изучению крестьянского, народного права посвятили свою жизнь: Д.И. Мейер, Ф.Л. Морошкин, Н.И. Крылов, П.Г. Колмыков, В.Н. Лешков, М.М. Михайлов и др. создавая свою теорию права в связи с теорией нравственности Л.И. Петражицкий обратил внимание на юридические пословицы и поговорки народа, его язык и литературу, символы и образы в качестве источника правовых традиций.

Советы органам правосудия отражают ценности и идею соборности. «Будьте строги в суде общественного мнения: без этого не убережетесь от постепенной порчи нравов. Но не давайте воли неразумным подозрениям и недоверию, а исправляющихся не отталкивайте и не оскорбляйте. В суде же законном и уголовном будьте милосердны: помните, что в каждом преступлении есть бóльшая или меньшая вина общества, мало оберегающего своих членов от первоначального соблазна или не заботящегося о христианском образовании их с ранних лет. Не казните преступника смертью. Он уже не может защищаться, а мужественному народу стыдно убивать беззащитного, христианину же грешно лишать человека возможности покаяться» [13, с. 336].

Западное христианство русские философы права не признавали как носителя идеи соборности. В католической церкви ее не может быть, так как единство там обеспечивалось четкой дисциплиной, иерархичностью, строгой подчиненностью Риму.

Не стоит полагать, что основными носителями идей теоцентризма в русской философии права XIX-XX вв. можно признать лишь мыслителей консервативного лагеря: славянофильско-почвеннического и консервативно-охранительного направлений. Теоцентризм как установку правового мышления разделяли и те ученые, которые не могут быть четко отнесены к указанным выше течениям в философии права, например, Б.Н. Чичерин или П.И. Новгородцев. Павел Иванович Новгородцев прямо указывал, что высшим источником права является Слово Божие и место, где «право и государство должны черпать свой дух, есть Закон Божий, закон любви» [16, с. 374]. Сугубо материально-рационали-стический взгляд на право и государство ведет к катастрофе: «в упадке всех дел человеческих, опирающихся на желание добиться земного рая и обустроиться без Бога, только силой человеческого ума» [16, с. 375]. Между либерально настроенными русскими правоведами не было единства относительно понимания метафизических оснований естественного права. Но, как справедливо отмечает А.С. Куницын: «Несмотря на определенные различия в политико-правовых воззрениях, представители русской естественно-правовой мысли были единодушны в признании

того, что основу права составляют не произвольные установки людей, освященные авторитетом государственной власти, а известные абсолютные, божественные начала, вера в существование которых и составляет саму суть всех естественно-правовых концепций» [17, с. 92-101].

Однако несмотря на общий теоцентризм подходы к решению важнейших проблем общественной и государственной жизни серьезно различались у сторонников консервативных и либеральных идей. И среди консерваторов тоже не было единства по многим вопросам государственно-правового строительства. Например, между представителями славянофильства и консервативно-охранительным движением согласия не было: дискуссия относительно государственно-правового теоцентризма и самодержавия началась еще в период зарождения славянофильства. Спор возник относительно церковного статуса императора и его компетенции в делах религиозных.

Русская идея, достоинство личности и вера в Бога

Теоцентризм часто относят к плодам философского поиска В.С. Соловьева и его последователей. Именно теоцентризм является, по мнению профессоров К.Е. Сигалова и Н.Ф. Медушевской, характерной чертой «русской идеи». «Во второй половине XIX – начале XX века сложилась концепция «русской идеи», сформулированная В.С. Соловьевым, а потом Н.А. Бердяевым, воплощающая теоцентризм российской духовности» – полагают ученые [18, с. 11–14]. И с ними нельзя не согласится. Возможна ли сегодня русская идея как основа идеологии российской государственности?

Ответ на этот вопрос коренится в обсуждении проблемы личного достоинства каждого человека. Дело в том, что существует устойчивый стереотип, будто русская культура антиперсоналистична в силу неких православно-христианских архетипов, в том числе соборности. Якобы идея прав человека, ценность достоинства личности, важность и значимость индивидуального личностного блага не получили развития в русской правовой культуре. Однако это всего лишь стереотип.

Более того, идея достоинства личности и является основой идеи соборности в том случае, если не отождествлять соборность и коллективизм. В коллективизме личность исчезает, растворяется за общими благами и интересами. Именно коллективизм лежит в основе сочинений Томаса Мора об острове Утопия или в «Городе Солнца» Томмазо Кампанеллы. В русской идеи соборности нет места конфликту между частным и общим, так как именно красота каждой человеческой личности составляет основу «единства в многообразии» соборной личности.

Здесь следует напомнить, что ценность достоинства каждой человеческой личности вне этнических, конфессиональных, социальных и иных различий возникло не на основе античной или ренессансной культуры, а внутри христианского мировоззрения, благодаря проповеди евангельских ценностей и благой вести о том, что «человек есть образ Божий». «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему (Быт 1, 26)». В языческих Афинах, в Древнем Риме и или Египте ни ко каком равенстве и достоинстве каждого человека и речи идти не могло. Жизнь рабов, чужеземцев, голос женщины, интересы бедняков или варваров вообще не имели никакой ценности. Весьма спорными, если не сказать ошибочными следует признать точку зрений В.В. Невинского, будто «идея достоинства человека, как особая критериальная общественная ценность, зародилась в античном мире. Она зародилась там и тогда, где и когда человек стал осмысливать собственное бытие в природе и в среде себе подобных существ» [19, с. 48–54].

Это совершенно не так, именно христианство дало человечеству идею равноправия каждой человеческой личности и абсолютную ценность каждой жизни для Бога, который есть Любовь. «А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос (К Колоссянам послание ап. Павла, Глава 3, стих 8)» [20].

Так как основу русской идеи составляют заповеди Божии, среди которых заповедь любви является центральной, именно христианская любовь, не различающая людей по этническому или религиозному происхождению, и может и должна стать основой согласия. Такую русскую идею предлагал И. А. Ильин: «Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца… Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Главное, в жизни есть любовь, и именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви родится вера и вся культура духа. Эту идею русско-славянская душа издревле и органически предрасположенная к чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически от христианства: она отозвалась сердцем на Божие благовестие, на главную заповедь Божию и уверовала, что “Бог есть Любовь”… В этом корень русской идеи. В этом ее творческая сила на века» [21].

Благодаря тому, что ядром русской идеи и сердцевиной идеи достоинства личности лежит одна и та же христианская ценность «любви к ближнему», возможно развитие нашего общества к соборности. Безусловно вне веры в Христа и основные истины христианской веры и религиозной философии идеи русской философии права не имеют никакой ценности. Бесполезно пытаться применить к текущему законодательству концепции русских философов права в формате рецептов решения каких-то отдельных проблем государственно-правового развития России, преодолеть, например, рост преступности, коррупцию, социальное неравенство и т.д. Безрелигиозному сознанию современного «одномерного человека» из общества потребления лучше подходит европейский способ мыслить, с его прагматическим рационализмом и рассудочностью.

Нельзя не согласиться с И.А. Ильиным: «Если русская философия хочет еще сказать что-нибудь значительное, верное и глубокое русскому народу и человечеству вообще, – после всех пережитых блужданий и крушений, – то она должна прежде всего спросить себя, в чем ее призвание, с каким предметом она имеет дело и каков ее верный путь (метод)? Она должна возжелать ясности, честности и жизненности. Она должна стать убедительным и драгоценным исследованием духа и духовности. Если же она не одумается, не перестанет подражать иностранным, и в особенности германским, образцам и не попытается начать свое русское национальное дело сначала, из глубины русского национального духовного опыта, то она скоро окажется мертвым и ненужным грузом в истории русской культуры…» [22, с. 362].

Идеи русской философии права и современность

Следует признать, что постмодерн невольно актуализирует понятие «веры», заставляет обратить внимание на иррациональные предпосылки правового мышления, на интуитивное право, на социокультурные основания права. Исходя из выводов постмодерна относительно природы юридического познания, следует признать правоту тех ученых, которые защищали идентичность отечественного правопонимания, национального правосознания, правовой культуры. Неизбежно

подчеркивается роль социокультурных правовых традиций в правовом мышлении – именно обращение на них внимания и представляет собой признак новой фазы постмодерна – postпостмодерна. Однако не стоит видеть в самобытности русской правовой культуры самоцель: «Наука права самобытного есть прямая и яркая бессмыслица, и разумное толкование о праве может основываться только на объявленных началах всемирного знания или верования, которые принимает такой-то или другой человек» [23, с. 92].

Самобытность русской философии права и правовой культуры потому важна для научного познания права, что цивилизационная традиция права определяет контекст правового мышления, бытия человека, весь механизм действия права, реализацию права. Важна она и потому, что обладает универсальной вселенской значимостью, так как основывается исконное русское правосознание на обладающих всеобщностью и общезначимостью православных идеалах соборности и любви к ближнему. Кстати, помогает это увидеть анализ права и правового бытия человека с позиции постмодернистской философской герменевтики, актуализирующей важность в коммуникативных процессах хотя бы доли смирения перед ближним, перед инаковостью бытия иного, подчеркивая значимость уважения к личности как основы истинного правосознания. Вот почему, думается, юридическая герменевтика, коммуникативный подход к праву, феноменологический анализ права близки к консервативной, христианской философии права, неважно русской, греческой или немецкой она является. Именно этим значима и достойна уважения и русская правовая идентичность: до 1917 г. на уважении к правовым традициям, обычаям «окраинных народов», на правовом плюрализме строилась имперская государственность. Герменевтика не означает невозможность трансляции и понимания иного, как справедливо отмечает А. В. Стовба в рецензии на коллективную монографию «Юридическая герменевтика в XXI веке» [24, с. 229]. Она предполагает уважение к правовой традиции любого народа, значимость ее для понимания правовых норм, ценностей, идей, иных правовых культур.

Постмодерн «разбил» иллюзии модерна относительно всесилия научного разума, его значимости и важности для человечества в плане победы над социальными болезнями, пороками и настроениями. Он предложил выбор современному человечеству: или все дальше погружаться в пучину автономной этики, ничем не ограниченной свободы в выборе жизненных ценностей, или с покаянием «блудного сына» вернуться в отеческие объятия традиционной системы ценностей, переосмысленной как с учетом достижений модерна, которые отрицать невозможно, так и с учетом того нравственного падения, которого достигла современная секулярная западная культура, легализующая всевозможные виды порока. Россия стала на путь реципиента этой культуры, отставая пока только в легализации однополых браков и наркотиков. В остальном она, как говорится, «в тренде», не избежав «соблазна быть европейцами» (А. С. Хомяков). Остается только надеяться, что Россия не пойдет на поводу новой философской концепции «трансгуманизма», запустившей проект созидания нового человечества, конструирования постчеловека.

Следует вспомнить о забытом, но крайне важном для современной России, понятии «верующее мышление», которое разрабатывал И. В. Киреевский задолго до постмодернистской критики просвещенческого рационализма после изучения святоотеческих философско-богословских сочинений Исаака Сирина, Максима Исповедника, Григория Паламы и др. В них содержится много ценных для современного человека наблюдений относительно духовно-экзистенциальных, смысложизненных,

ценностно-мировоззренческих оснований бытия личности, антропологических знаний, важных психологических оценок внутренней жизни человека. Для юриспруденции было бы не лишним учитывать достижения этих мыслителей, особенно в анализе правосознания человека, природы правовых ценностей.

Постмодернистские установки правового мышления обнаруживают себя и в отечественных дискуссиях о праве, правопонимании. Однако, и в России следует признать появление новых идей, свидетельствующих о преодолении постмодернистских установок, возможно, даже вне рефлексии авторов новых идей: большинство отечественных правоведов в своих философско-правовых воззрениях не заметило и «проскочило» станцию Постмодерна. Данное положение подтверждается следующими признаками текущего юридического дискурса.

Во-первых, признанием неполноценности и односторонности рациональных методов исследования права, формально-догматического анализа. Прежде всего, обращает на себя внимание большое внимание правоведов к аксиологической грани права, что было практически табуировано неокантианцами, в частности, Г. Кельзеном, который писал о необходимости очищения правового мышления от ценностных рассуждений. Возникает вопрос: каковы аксиомы аксиологического анализа права, где находится критерий правильности в ценностных предпочтениях? Ответ коренится в национально-культурной матрице и духовно-нравственных основаниях национального правосознания, в самобытности национального правопонимания и правовой культуры – все чаще об этом пишут правоведы, признавая невозможность переноса на российскую почву западных правовых конструкций.

Во-вторых, все более явной становится переориентация правовой проблематики с изучения логико-методологических проблем на исследование смысложизненных, мировоззренческих основ правовой жизни общества. Это особенно явно прослеживается на росте интереса к государственно-правовым воззрениям юристов консервативного направления – славянофилам, почвенникам, евразийцам.

В-третьих, налицо в отечественной юриспруденции признание кризиса западного рационального типа правосознания и поиске выхода из кризиса через возврат на позиции ценностной рациональности. Российская элита давно осознала историческое и культурное своеобразие формирования и развития правовой системы России, не готовность ее народа к формально-рациональной легитимации права, столь популярной на Западе, идеократическую природу национального правосознания русского народа. Всемирный русский народный собор попытался выработать универсальную и пригодную для всех этносов России иерархию ценностей, но его идеи не получили, к сожалению, должного осмысления и освещения в юридической литературе.

Список источников

1. Корольков А.А. Одухотворенная наука о праве // Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология. СПб., 1997. 399с.

2. Сорокина Ю.В. Введение в философию права. М.: Норма, 2008. 336с.

3. Малахов В.П. Концепция философии права: науч. издание. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 751 с.

4. Катасонов В.Н. Святая Русь и русская философия // Культурное наследие России. № 2. 2018. С. 3-13.

5. Самарин Ю.Ф. Сочинения в 3 т. 1877. Т. 2: Крестьянское дело до высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 года / [авт. предисл. Д. Самарин]. - 1878. - XI, [2], 445 с.

6. Шахматов М.В. Подвиг власти. Опыт по истории государственных идеалов России // Государство правды. М.: Издательство «ФондИВ», 2008. 312 с.

7. Казанский П.Е. Право и нравственность как явления всемирной культуры. СПб. Издательство: Тип. т-ва "Обществ. польза". 1902. 112 с.

8. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова . - Москва : типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1900-1914 . Т. 5: Записки о всемирной истории : В прил. сравнение русских слов с санскритскими. Ч. 1. - Изд-е 4-е. - 1904. - XXIV, 533 с.

9. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. 599 с.

10. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; Примеч. С. Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. 822 с.

11. Трубецкой С.Н. Сочинения. М.: Мысль, 1994. 816 с.

12. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2007. 445 с.

13. Хомяков А. С. Всемирная задача России / Составление и комментарии М. М. Панфилова / Отв. ред. О. А. Платонов. Изд. 2-е. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 784 с.

14. Право и культура / Гинс Г.К.; Науч. ред.: Баранов В.М. М.: Юрлитинформ, 2012. 320 с.

15. Акчурина Н.В. Идея органического развития в русском правоведении XIX века // Правоведение. 2000. № 3. С. 74–83.

16. Новгородцев П. И. О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П. И. Сочинения. М., 1995. С. 367–386.

17. Куницын А.С. Вопросы методологии научных исследований в российской юридической классике // Журнал российского права. 2011. № 12. С. 92–101.

18. Медушевская Н.Ф., Сигалов К.Е. Формирование российского гражданского общества: исторический и социокультурный факторы // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. N 4. С. 11–14.

19. Невинский В. В. Конституция Российской Федерации и достоинство человека (воспоминание о будущем) // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 48–54.

20. Послание к Колоссянам святого апостола Павла // URL: https://days.pravoslavie.ru/bible/zkol3411.html

21. Ильин И. А. О русской идее // URL: https://pravoslavie.ru/367.html

22. Ильин И.А. Путь к очевидности: («О сопротивлении злу силою», «Путь духовного обновления», «Путь к очевидности»): [сборник] / составление П.В. Алексеева и В.И. Кураева, послесловие В.И. Кураева, примечания Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1993. 431 с.

23. Хомяков А.С. О старом и новом : Статьи и очерки. [под общ. ред. Г.М. Фридлендера]. М.: Современник, 1988. 461 с.

24. Стовба А. В. Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно. Рецензия на коллективную монография.: «Юридическая герменевтика в XXI веке: монография» / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева. СПб., Алетейа, 2016. 440 с. // Правоведение. 2016. № 6. С. 229-230.

References

1. Korolkov A. A. Inspired science of law. In: *Russian philosophy of law: philosophy of faith and morality. Anthology*. St. Petersburg; 1997. 399 p. (In Russ.)

2. Sorokina Yu. V. Introduction to the philosophy of law. Moscow: Norma; 2008. 336 p. (In Russ.)

3. Malakhov V. P. *Concept of philosophy of law.* Moscow: UNITY-DANA; 2007. 751 p. (In Russ.)

4. Katasonov V. N. Holy Russia and Russian Philosophy. *Kul'turnoe nasledie Rossii = Cultural Heritage of Russia.* 2018;(2):3-13. (In Russ.)

5. Samarin Yu. F. Works in 3 vols. 1877. T. 2: *Peasant business to the highest rescript on November 20, 1857*. [author. Preface. D. Samarin]. 1878. - XI, [2], 445 p. (In Russ.)

6. Chess M. V. Feat of power. Experience on the history of state ideals of Russia. In: *State of truth.* Moscow: Fondiv Publishing House; 2008. 312 p. (In Russ.)

7. Kazan P. E. *Law and morality as phenomena of world culture.* St. Petersburg; 1902. 112 p. (In Russ.)

8. Complete works of Alexei Stepanovich Khomyakov. - Moscow: tiplit. t-va I.N. Kushnerev and K °, 1900-1914. T. 5: *Notes on world history: Attached is a comparison of Russian words with Sanskrit words. Part 1.* - Ed-e 4th. 1904. - XXIV, 533 p. (In Russ.)

9. Prot. George Florovsky. *Ways of Russian theology.* Vilnius; 1991. 599 p. (In Russ.)

10. Soloviev V. S. Works in 2 vol. T. 2. Moscow: Thought; 1988. 822 p. (In Russ.)

11. Trubetskoy S.N. *Essays.* Moscow; 1994. 816 p. (In Russ.)

12. Kireevsky I. V. On the nature of the enlightenment of Europe and its attitude to the enlightenment of Russia. In: Kireevsky I.V. *Spiritual foundations of Russian life.* Moscow: Institute of Russian Civilization; 2007. 445 p. (In Russ.)

13. Khomyakov A. S. *The World Task of Russia*. Moscow; 2011. 784 p. (In Russ.)

14. Law and Culture/Gins G.K.; Scientific. ed.: Baranov V. Moscow: Yurlitinform; 2012. 320 p. (In Russ.)

15. Akchurina N. V. The idea of organic development in Russian law of the XIX century. *Pravovedenie*. 2000;(3):74-83. (In Russ.)

16. Novgorodtsev P. I. On the peculiar elements of the Russian philosophy of law. In: Novgorodtsev P. I. Essays. Moscow; 1995:367–386. (In Russ.)

17. Kunitsyn A.S. Issues of methodology of scientific research in Russian legal classics. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law.* 2011;(12):92–101. (In Russ.)

18. Medushevskaya N. F., Sigalov K. E. Formation of Russian civil society: historical and sociocultural factors. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom = Civil society in Russia and abroad.* 2015;(4):11-14. (In Russ.)

19. Nevinsky V. V. Constitution of the Russian Federation and human dignity (recollection of the future). *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law.* 2013;(11):48-54. (In Russ.)

20. *Epistle to the Colossians of the Holy Apostle Paul.* Available from: https://days.pravoslavie.ru/bible/zkol3411.html (In Russ.)

21. Ilyin I. A. *On the Russian idea*. Available from: https://pravoslavie.ru/367.html (In Russ.)

22. Ilyin I.A. *The path to obvious*: ("On Resistance to Evil by Force," "The Path of Spiritual Renewal," "The Path to Obvious"). In: collection: Compilation by P.V. Alekseev and V.I. Kuraev, afterword by V.I. Kuraev, notes by R.K. Medvedev. Moscow: Republic; 1993. 431 p. (In Russ.)

23. Khomyakov A. S. *About the old and new: Articles and essays.* Friedlander G.M. (ed.). Moscow: Sovremennik; 1988. 461 p. (In Russ.)

24. Stovba A. V. The devil plays us when we do not think for sure. Review of the collective monograph.: "Legal hermeneutics in the 21st century: monograph "/under the general ed. E. N. Tonkova, Yu. Yu. Vetyutneva. St. Petersburg: Aletea; 2016. 440 p. *Pravovedenie*. 2016;(6):229-230. (In Russ.)

Информация об авторах

А. И. Овчинников – докт. юрид. наук, проф., зав. кафедрой теории и истории государства и права ЮФУ; профессор кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХ и ГС.
Т. А. Фетисов – протоиерей – кандидат богословия, ректор Донской духовой семинарии.

Information about the authors

A. I. Ovchinnikov – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law; Professor of the Department of Theory and History of Law and State.
T. A. Fetisov – Archpriest – Candidate of Theology, Rector of the Don Theological Seminary.

***Вклад авторов**:* все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Contribution of the authors**:* the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.08.2021; одобрена после рецензирования 14.09.2021; принята к публикации 15.09.2021.

The article was submitted 30.08.2021; approved after reviewing 14.09.2021; accepted for publication 15.09.2021.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 72–77
North Caucasus Legal Vestnik. 2021;(3):72–77

Проблемы теории и истории права и государства

Научная статья
УДК 340
doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-72-77

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА КИТАЯ

Анна Сергеевна Конопий

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, konopy-anna@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена результатам влияния глобального стремительно развивающегося процесса цифровизации на государство и право Китайской Народной Республики. В борьбе за лидерство в сфере высоких технологий правительство Китая щедро финансирует проекты, направленные на развитие информационных технологий, а также разрабатывает программы и положения, стимулирующие их внедрение во всех сферы общественной жизни. Однако, несмотря на жесткий контроль со стороны государства за происходящим высокотехнологическим прогрессом на всей территории страны, цифровые показатели многих городов и провинций значительно отстают от показателей уже сформировавшихся «умных» субъектов. В связи с чем самым актуальным вопросом на сегодняшний момент является правовое регулирование цифрового направления с целью выведения всей территории Китая к 2035 году на новый цифровой уровень. Автор выделяет основные практические результаты, к которым пришла поднебесная, применяя теоретические информационно-технологичные разработки научных лабораторий и университетов, а также раскрывает их цифровую нормативно-правовую базу. Результатами правового анализа является вывод о том, что законодательная цифровая база Китая находится только в самом начале формирования, и существует острая необходимость преобразования сложившейся положительной цифровой практики в единый на всей территории Китая закон с целью гармоничного развития КНР.

Ключевые слова: цифровизация государства, цифровое право, цифровой Китай, умный город, электронное правосудие, блокчейн, искусственный интеллект

Для цитирования: Конопий А. С. Цифровая трансформация государства и права Китая // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 72–77. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-72-77.

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE STATE AND THE RIGHTS OF CHINA

Anna S. Konopii

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, konopy-anna@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the results of the impact of the global rapidly developing digitalization process on the state and law of the People's Republic of China. In the struggle for leadership in the field of high technology, the Chinese government generously finances projects aimed at the development of information technologies, as well as develops programs and regulations that stimulate their introduction in all spheres of public life. However, despite tight state control over the ongoing high-tech progress throughout the country, the digital indicators of many cities and provinces are far behind the indicators of already formed "smart" actors. In this regard, the most pressing issue today is the legal

© Конопий А. С., 2021

regulation of the digital direction in order to bring the entire territory of China to a new digital level by 2035. The author highlights the main practical results that the celestial one came to, using theoretical information technology developments of scientific laboratories and universities, and also reveals their digital regulatory framework. The results of the legal analysis are the conclusion that China's legislative digital base is only at the very beginning of formation, and there is an urgent need to transform the current positive digital practice into a single law throughout China in order to harmoniously develop the PRC.

***Keywords**:* digitalization of the state, digital law, digital China, smart city, electronic justice, blockchain, artificial intelligence

For citation: Konopii A. S. Digital transformation of the state and the rights of China. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2021;(3):72–77. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-72-77.

Новое поколение информационных технологий, представленных интернетом, большими данными, искусственным интеллектом с каждым днем становится важной движущей силой будущего экономического развития Китайской Народной Республики. Правительство Китая активно внедряет цифровые достижения на всей территории государства, несмотря на все еще существующий большой цифровой разрыв между некоторыми городами и провинциями. В марте 2021 года в Пекине состоялось четвертое заседание тринадцатого Всекитайского собрания народных представителей и Народного политического консультативного совета Китая, результатом которого стало установление рекомендаций по цифровому преобразованию 31 провинции Китая. Согласно указанным рекомендациям провинциям необходимо: содействовать интеграции цифровой экономики с реальной экономикой, интенсивно развивать науку в области искусственного интеллекта, внедрять 5G, блокчейн, интернет вещей, большие данные, продвигать цифровую сферу услуг, заниматься построением цифрового общества и цифрового правительства, расширять общий доступ к цифровым данным, повышая безопасность персональных данных. Как считают представители заседания, именно благодаря совместным усилиям провинций цифровой уровень Китая к 2035 году сможет достичь наивысшего уровня [1].

Из положений официального правительственного информационного документа «Белая книга индустрии искусственного интеллекта в Китае» следует, что указанная индустрия развивается стремительно. Согласно отчету о развитии индустрии технологий искусственного интеллекта нового поколения в Китае 2021 китайского Института стратегии развития искусственного интеллекта нового поколения, представленному 22 мая 2021 года в Тяньцзине на церемонии закрытия пятого Всемирного конгресса по интеллекту, 2020 год стал годом полной интеграции искусственного интеллекта и реальной экономики. Воздействие новой эпидемии, изменившей весь мир, еще больше стимулировало спрос на искусственный интеллект и ускорило темпы его развития. Анализ данных показал, что экология индустрии киберпространства в сельских районах создает условия для возрождения таких районов, содействует повышению уровня занятости населения, помогая бороться с безработицей [2].

Разработками искусственного интеллекта в Пекине занимаются Пекинский университет, Университет Цинхуа, Пекинский аэрокосмический университет, Институт автоматизации, государственная ведущая лаборатория распознавания образов, государственная ведущая лаборатория интеллектуальных технологий и систем, национальная инженерная лаборатория технологий и применения глубокого

обучения, совместно с компаниями «360», «Baidu», «Xiaomi», «Meituan», «JD», «Sinovation Ventures», «Toutiao» и «Lenovo», которые успешно применяют теоретические разработки университетов и лабораторий. На территории Шанхая вклад в науку искусственного интеллекта вносят Университет Фудань, Шанхайский транспортный университет, а также Шанхайский университет Тунцзи, разработки которых реализуются компаниями «SAIC» и «Philips». Такие крупные компании, как «Alibaba», «NetEase» и «Geely Automobile» совместно с Чжэцзянским университетом также занимаются развитием науки и техники искусственного интеллекта [3].

Согласно «Плану развития искусственного интеллекта нового поколения» до 2020 г., первый этап завершился к 2020 году, основная его цель достигнута – Китай является одним из лидеров в сфере искусственного интеллекта. К 2025 г. правительство планирует разработать и принять законы в сфере искусственного интеллекта, а также достичь новый уровень в применении разработок. К 2030 году Китай, согласно плану, должен стать мировым центром в области искусственного интеллекта, развитие технологий считается важной внутриполитической задачей [4].

Интеллектуальные результаты широко применяются в целях государственной безопасности, в связи с чем основным заказчиком технологий искусственного интеллекта является само государство. Наибольшее количество государственных заказов направлено на разработку все более совершенных технологий распознавания лиц и обслуживание онлайн платформ мониторинга безопасности. Информация, получаемая с установленных на территории Китая более 176 миллионов «умных» камер, а также с более 500 миллионов смартфонов, используемых населением, применяется для управления городской инфраструктурой с целью анализа трафика и повышения общественной безопасности [5, с. 284]. Вышеуказанные разработки способствуют развитию умных городов будущего Китая. Правительством Китая установлены основные провинции и города, в которые будут внедрятся умные интеллектуальные технологии. Таковыми субъектами являются провинция Гуандун, провинция Цзянсу, провинция Чжэцзян, Пекин, Шанхай, Шэньчжэнь, Чанша. Правительство Шэньчжэня в январе 2021 года выпустило «несколько мнений народного правительства Шэньчжэня об ускорении строительства умных городов и цифрового правительства», предполагая, что к 2025 году Шэньчжэнь будет создавать умные городские интеллекты, чтобы стать глобальным новым эталоном умных городов и моделью цифрового Китая [6].

В течение ближайших двух лет власти Китая планируют интегрировать в экономику и инфраструктуру Пекина блокчейн-инновации в соответствии с планом на 2020-2022 гг., что позволит превратить Пекин в блокчейн-хаб [7]. В 2020 году запущена национальная блокчейн-платформа Blockchain-based Service Network – BSN с целью возможности подключения к ней из любой точки мира для создания приложений на ее основе. В настоящий момент одной из услуг, предоставляемых государством, полностью переведенных на blockchain является государственная регистрация недвижимости. Стратегия развития blockchain входит в план правительства Китая 2035. По мере того, как сеть услуг Blockchain постепенно адаптируется к передовым технологиям, таким как 5G, IoT и искусственный интеллект, она обеспечит высококачественную, индивидуальную поддержку платформы технологических услуг и надежный и масштабируемый инфраструктурный сервис для интеллектуального социального строительства и цифрового экономического развития Китая.

Цифровая трансформация Китая отразилась и на процессе осуществления правосудия, в результате чего в юридической терминологии появились такие понятия как «цифровое правосудие», «интернет правосудие», «электронное правосудие», «цифровое судопроизводство», «электронное судопроизводство», «интернет суд», «умный суд» и другие схожие с вышеперечисленными. Посредством судебных онлайн платформ сторонам предоставляется возможность электронной подачи документов, возможность своевременного электронного получения информации о движении дела, возможность онлайн-участия в судебных заседаниях, а также предоставляется право по раскрытию информации об исполнительном производстве по делу.

На территории КНР успешно реализуется электронное правосудие через интернет-суды, первый из которых появился в провинции Чжэцзян. С 2017 года в городе Ханчжоу провинции Чжэцзан открыт первый электронный интернет-суд, рассматривающий в онлайн формате категории дел, содержащиеся в ст. 2 Положения «О некоторых вопросах рассмотрения дел интернет-судами» Верховного народного суда КНР от 06.09.2018 года. В основном интернетом судом рассматриваются споры, связанные с осуществлением электронной коммерции (торговли). По аналогии с интернетом-судом Хуанчжоу открыты электронные суды в Пекине и Гуанчжоу. Электронное судопроизводство состоит из нескольких этапов: подготовительный, включающий регистрацию сторон на официальном сайте интернет-суда, этап подачи заявления, в случае согласия сторон этап медиации, судебное разбирательство [8]. Цифровизация судебной системы КНР включает в себя программу «умный суд», реализуемую с 2016 года, способствующая внедрению информационных технологий в судопроизводство; «Медиационную платформу народных судов КНР», систему онлайн-торгов (аукционов), модель «блокчейн + судопроизводство» для хранения достоверной доказательственной судебной базы.

Основу нормативно-правовой базы цифрового правосудия составляют: регламент Верховного народного суда КНР «О некоторых вопросах аудио- и видеозаписи судебных заседаний народных судов КНР» (2017) № 5 от 22.02.2017 года, уведомление Верховного народного суда КНР «О дальнейшем ускорении создания и углубленного процессов автоматической генерации электронного архива» (2018) № 21 от 16.01.2018 года, регламент Верховного народного суда КНР «О некоторых вопросах рассмотрения дел интернет-судами» (2018) № 16 от 03.09.2018 года, положения «О некоторых вопросах рассмотрения дел интернет-судами» Верховного народного суда КНР от 06.09.2018 года, решение ПК ВСНП «О наделении полномочиями Верховного народного суда по экспериментальным реформам по упрощению и диверсификации процесса гражданского судопроизводства» от 28.12.2019 года, программа Верховного народного суда КНР «Экспериментальные реформы по упрощению и диверсификации процесса гражданского судопроизводства» от 15.01.2020 года (2020) № 10, «Меры по осуществлению реформ по упрощению и диверсификации гражданского судопроизводства» от 15.01.2020 года (2020) № 11, Уведомление Верховного народного суда «Об усилении и стандартизации онлайн-судопроизводства в условиях профилактики и контроля распространения эпидемии COVID-19 от 18.02.2020.

Генеральный секретарь Си Цзиньпин ясно считает, что ускорение строительства цифрового Китая – это адаптация к новому историческому направлению развития страны. Построение цифрового государства возможно при условии, соответствии темпов развития высоких технологий с темпами совершенствования

законодательства, регулирующего цифровые правоотношения на всей территории КНР. Современная законодательная база не успевает за стремительно развивающейся цифровой реальностью. Однако программы правительства, направленные на решение указанной проблемы, указывают на возможное ее скорейшее разрешение. Одним из основных элементов плана и видения 2035 года является: координация и продвижение традиционной и новой инфраструктуры, ускорение цифрового развития, создание новых преимуществ цифровой экономики, в продвижении цифровой индустриализации и цифровой трансформации промышленности, ускорение темпов строительства цифрового общества, повышение уровня строительства цифрового правительства, создание хорошей цифровой экологии, строительство цифрового Китая.

Список источников

1. Юй Шу Фан [Империал Диджитал Франк] // И Вэнь Цзун Лань 31 Шэн Фэнь " Ши Сы У Гуй Хуа " Гуань Юй Шу Цзы Хуа Чжуань Син Ди Цзянь И Хэ Му Бяо [Обзор рекомендаций и целей 14-го плана по цифровому преобразованию в 31 провинции] // ItPub [Айти паб]. 2021. (на китайском языке 一文纵览31省份"十四五规划"关于数字化转型的建议和目标) http://blog.itpub.net/69986666/viewspace-2762041/ (дата обращения 15.05.2021)

2. 《Чжун Го Синь И Дай Жэнь Гун Чжи Нэн Кэ Цзи Чань Е Фа Чжань Бао Гао   2021》 Фа Бу [Выпущен отчет о развитии индустрии технологий искусственного интеллекта нового поколения в Китае 2021] // Дянь Ци Синь Кэ Цзи [Новые электрические технологии]. 2021. (на китайском языке《中国新一代人工智能科技产业发展报告 2021》发布) http://tradeinservices.mofcom.gov.cn/article/szmy/hydt/202105/116704.html (дата обращения 15.05.2021)

3. Струкова П. Э. Искусственный интеллект в Китае: современное состояние отрасли и тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2020. Т. 12. Вып. 4. С. 588–606. https://doi.org/10.21638/spbu13.2020.409

4. Го У Юань Гуань Юй Инь Фа Синь И Дай Жэнь Гун Чжи Нэн Фа Чжань Гуй Хуа Ди Тун Чжи Го Фа 〔2017〕 35 Хао [План развития Искусственного интеллекта нового поколения № 35]. 2017. (на китайском языке 国务院关于印发 新一代人工智能发展规划的通知国发〔2017〕35号) http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения 15.05.2021)

5. Чжун Го Жэнь Гун Чжи Нэн 2.0 Фа Чжань Чжань Куньцзинькаоэ Янь Цзю; Чжэ Цзян Да Сюэ Чу Бань Шэ 中国人工智能2.0发展战略研究 // 浙江大学出版社. 2018. 284 页 [Исследования стратегии развития искусственного интеллекта 2.0 в Китае. Гуанчжоу: Чжэцзян дасюэ чубаньшэ, 2018. с. 284]

6. Шэнь Чжэнь Ши Жэнь Минь Чжэн Фу Гуань Юй Цзя Куай Чжи Хуэй Чэн Ши Хэ Шу Цзы Чжэн Фу Цзянь Шэ Ди Жо Гань И Цзянь [Несколько мнений народного правительства Шэньчжэня об ускорении строительства умных городов и цифрового правительства]. 2021. (на китайском языке 深圳市人民政府关于加快智慧城市和数字政府建设的若干意见) http://www.sz.gov.cn/zfgb/2021/gb1183/content/post_8474433.html (дата обращения 15.05.2021)

7. Цюань Мянь Цзе Ду 《Бэй Цзин Ши Цюй Куай Лянь Чуан Синь Фа Чжань Син Дун Цзи Хуа （2020 — 2022 Нянь）》[Полная интерпретация Пекинского плана действий по инновационному развитию блокчейна (2020-2022 гг.)]. 2020. (на китайском языке 全面解读《北京市区块链创新发展行动计划（2020—2022年）》) http://finance.sina.com.cn/blockchain/roll/2020-07-06/doc-iirczymm0842855.shtml (дата обращения 16.05.2021)

8. Журкина О.В., Максименко Е.И. Цифровое правосудие на примере интернет-судов Китая // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 6А. С. 138–143. DOI: 10.34670/AR.2020.63.35.051

References

1. Yui Shu Fan [Imperial Didzhital Frank] // I Ven' Tszun Lan' 31 Shen Fen' "Shi Sy U Gui Khua" Guan' Yui Shu Tszy Khua Chzhuan' Sin Di Tszyan' I Khe Mu Byao [*Review of the recommendations and objectives of the 14th Digital Transformation Plan in 31 provinces*]. Available from: ItPub [Aiti pab]. 2021. (**文**纵览31**省份**"**十四五**规划"**关于数字化**转型的建议和目标) http://blog.itpub.net/69986666/viewspace-2762041/

2. 《Chzhun Go Sin' I Dai Zhen' Gun Chzhi Nen Ke Tszi Chan' E Fa Chzhan' Bao Gao 2021》 Fa Bu [New Generation Artificial Intelligence Industry Development Report Released 2021]. Dyan' Tsi Sin' Ke Tszi [*Novye elektricheskie tekhnologii = New Electrical Technologies*]. 2021. (**中国新一代人工智能科技**产业发展报告 2021》发) Available from: http://tradeinservices.mofcom.gov.cn/article/szmy/hydt/202105/116704.html [Accessed 15 May 2021]. (In Chinese)

3. Strukova P.E. Artificial intelligence in China: the current state of the industry and development trend. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika = Vestnik of Saint Petersburg University Asian and African Studies.* 2020;12(4):588–606. (In Russ.) https://doi.org/10.21638/spbu13.2020.409

4. Go U Yuan' Guan' Yui In' Fa Sin' I Dai Zhen' Gun Chzhi Nen Fa Chzhan' Gui Khua Di Tun Chzhi Go Fa 〔2017〕 35 Khao [*New Generation Artificial Intelligence Development Plan No. 35*]. 2017. (**国**务院关于印发 **新一代人工智能**发展规划的通知 **国**发〔2017〕35**号**) Available from: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017 07/20/content_5211996.htm [Accessed 15 May 2021]. (In Chinese)

5. **中国人工智能**2.0发展战略研究 // **浙江大学出版社**. 2018. 284 页. *Research on the strategy for the development of artificial intelligence 2.0 in China*. Guangzhou; 2018. 284 p. (In Chinese)

6. Shen' Chzhen' Shi Zhen' Min' Chzhen Fu Guan' Yui Tszya Kuai Chzhi Khuei Chen Shi Khe Shu Tszy Chzhen Fu Tszyan' She Di Zho Gan' I Tszyan' [*Several opinions of the Shenzhen people's government on accelerating the construction of smart cities and digital government*]. 2021. (**深圳市人民政府关于加快智慧城市和数字政府建**设的若干意见) Available from: http://www.sz.gov.cn/zfgb/2021/gb1183/content/post_8474433.html [Accessed 15 May 2021]. (In Chinese)

7. Tsyuan' Myan' Tsze Du 《Bei Tszin Shi Tsyui Kuai Lyan' Chuan Sin' Fa Chzhan' Sin Dun Tszi Khua (2020 – 2022 Nyan')》[*Full interpretation of the Beijing Plan actions for the innovative development of blockchain (2020-2022)*]. 2020. (**全面解**读《北京市区块链创新发展行动计划（2020—2022**年**）》) Available from: http://finance.sina.com.cn/blockchain/roll/2020-07-06/doc-iirczymm0842855.shtml [Accessed 16 May 2021]. (In Chinese)

8. Zhurkina O. V., Maksimenko E. I. Digital justice on the example of the Internet courts of China. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Questions of Russian and international law.* 2020;10(6A):138–143. (In Russ.) DOI: 10.34670/AR.2020.63.35.051

Информация об авторе

А. С. Конопий – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, юридический факультет.

Information about the author

A. S. Konopii – Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 21.06.2021; одобрена после рецензирования 17.07.2021; принята к публикации 19.07.2021.
The article was submitted 21.06.2021; approved after reviewing 17.07.2021; accepted for publication 19.07.2021.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 78–84
North Caucasus Legal Vestnik. 2021;(3):78–84

Проблемы теории и истории права и государства

Научная статья
УДК 34.01
doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-78-84

РОЛЬ ПРАВА В ПРЕОДОЛЕНИИ НЕСВОБОДЫ МЫШЛЕНИЯ

Елена Петровна Саенкова
Ростов-на-Дону, Россия, elenasaenkova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена несвобода мышления в ее связи с позитивистским типом правопонимания; отмечается, что главным средством воплощения позитивного права в систему «живого права» должен быть свободный индивид, внутренними мыслительными усилиями которого позитивное право из государственных установлений должно переводиться в непосредственную практику. Однако на практике мышление не является результатом свободного волеизъявления индивида. Осознание этой несвободы – первый шаг к ее преодолению. Рассмотрены следующие несвободы мышления: целевые установки, использование закона экономии мышления, зависимость мышления от законов и условий бытия, мировоззрение индивида, сформировавшееся под влиянием многообразных внешних условий, влияние на мышление силы авторитета, несвобода мышления от науки как формы общественного знания и от общественно-исторической практики, запрет, зависимость мышления от правил мыслительной деятельности (правил логики). В статье анализируется также роль позитивного права в преодолении данных несвобод мышления. В заключение сделан вывод, что свободу мышления следует позиционировать как непреходящую ценность естественно-правового подхода.

Ключевые слова: свобода, свобода мышления, несвобода мышления, целевые установки, закон экономии мышления, законы бытия, мировоззрение, сила авторитета, наука, общественно-историческая практика, правила логики, позитивное право, естественное право, свобода мышления как ценность естественного права

Для цитирования: Саенкова Е. П. Роль права в преодолении несвободы мышления // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 78–84. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-78-84.

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

THE ROLE OF LAW IN OVERCOMING THE LACK OF FREEDOM OF THINKING

Elena P. Saenkova
Rostov-on-Don, Russia, elenasaenkova@yandex.ru

Abstract. The article considers the lack of freedom of thought in its connection with the positivist type of legal understanding; it is noted that the main means of implementing positive law in the system of "living law" should be a free individual, whose internal mental efforts should translate positive law from state institutions into direct practice. In practice, however, thinking is not the result of an individual's free will. Awareness of this lack of freedom is the first step to overcoming it. The following limitations of thinking are considered: target settings, the use of the law of economy of thinking, the dependence of thinking on the laws and conditions of existence, the individual's worldview formed under the influence of various external conditions, the influence of the power of authority on thinking, the lack

© Саенкова Е. П., 2021

of freedom of thinking from science as a form of public knowledge and from socio-historical practice, prohibition, the dependence of thinking on the rules of mental activity (rules of logic). The article also analyzes the role of positive law in overcoming these limitations of thinking. In conclusion, it is concluded that freedom of thought should be positioned as an enduring value of the natural law approach.

***Keywords**:* freedom, freedom of thinking, lack of freedom of thinking, goal-oriented attitudes, the law of economy of thinking, the laws of being, worldview, the power of authority, science, socio-historical practice, the rules of logic, positive law, natural law, freedom of thinking as a value of natural law

For citation: Saenkova E. P. The role of law in overcoming the lack of freedom of thinking. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2021;(3):78–84. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-78-84**.**

Проблема свободы вообще и свободы мышления, в частности, в современном мире стоит достаточно остро. По Ильину И.А., свобода по существу является духовной свободой, свободой именно духа [1]. В науке сформировались различные представления о свободе мышления. Свобода мышления имеет место там, где индивидуальное сознание «поднимается» над коллективным. Свобода мышления существует во внутреннем мире человека на его сознательном уровне. Современное общество стремится к развитию индивидуализма и свободомыслия. Особенность ситуации состоит в том, что главным средством воплощения позитивного права в систему «живого права» должен быть свободный индивид, внутренними *мыслительными* усилиями которого позитивное право из государственных установлений должно переводиться в непосредственную практику. Однако на практике мышление не является результатом свободного волеизъявления индивида, хотя оно и может стать таковым. Эта несвобода человеческой деятельности имеет функциональный характер и проявляется в области познания и общения. Осознание этой несвободы – первый шаг к ее преодолению.

Факторы, влияющие на свободу мышления

1) ***Целевые установки.*** Установка – это выбранные индивидом субъективные аксиомы и нормы, принятые за основу его жизнедеятельности. Индивид, извлекая пользу из мыслительного процесса, мыслит, как правило, прагматично. Данный факт указывает на зависимость мышления от ***целевых установок***. Вся система самых совершенных норм права остается «мертвым» правом и существует только на бумаге до тех пор, пока «свободно» мыслящая личность не придет к выводу о целесообразности и необходимости вступления в определенные правовые отношения. В первую очередь желание удовлетворить свои конкретные потребности в пище, одежде, жилье является силой, способной заставить индивида вступать в конкретные правовые отношения. Отнюдь не *позитивное право*, а элементарные нужды индивида порождают конкретную практику правоотношений. По Ильину И.А., тело человека находится во времени и пространстве, оно несвободно и всегда подчинено законам и причинам вещественной природы [1]. Таким образом, субъект права, свободный от государственного принуждения вступает в правовые отношения под влиянием собственных потребностей, внутреннего принуждения, которые многократного превосходят внешнее общественное или государственное понуждение по силе воздействия на его волю. Индивид, который руководствуется своими внутренними потребностями, выбирает в качестве правила своего поведения не любую предложенную государством норму, а лишь ту, которая закрепляет наиболее простой вариант удовлетворения соответствующей

потребности. При этом выбирается норма права, обеспечивающая максимально полную реализацию его имущественных и иных интересов [2].

2) ***Использование закона экономии мышления,*** то есть несвобода мышления от ранее накопленного знания, от более ранних выводов. Манипуляция сознанием – вот для чего создает возможности этот вид несвободы. Манипуляция сознанием является одним из способов увеличения или уменьшения социальной активности индивидов в случае угрозы господствующему порядку, средством перенаправления этой активности в нужное для конкретного порядка русло. К числу определяющих социально-политических тенденций, в связи с которыми происходит манипулирование сознанием как явление современности, относятся: перестройка внутреннего порядка общественного устройства, развитие информационных технологий в глобальном масштабе и внедрение их в качестве формирующих элементов сознания и мышления. В данном ракурсе влияние позитивного права на состояние свободы мышления таково, что «закон», «законодательный порядок» часто трактуются как единственный и изначальный вариант определения права. В рамках данного аспекта оценки правовой информации акцентируется внимание на вопросах правового языка – лингвистической оценки состояния понятий и терминов, языка толкователя, законодателя, эксперта, пользователя правовой информации, тогда как «застывшие» законоположения могут не учитывать реалии дня сегодняшнего, а толковательные практики создают условия все для того же манипулирования сознанием.

3) ***Зависимость мышления от законов и условий бытия.*** Мышление как нравственный интерес требует свободы для нравственного совершенствования; но свобода вообще и свобода мышления в частности не может иметь место и возможность совершенствования иначе, как в обществе; государство требует, чтобы все проявления свободы соизмерялись с конкретными условиями жизни в обществе, иначе с возможностью обеспечения безопасности всех. Реально существуют и действуют общие закономерности общественного развития. Кроме того, общие закономерности распространяются и на процесс правообразования. Так, не только весь процесс правообразования, но и так же и развитие отдельных юридических норм находятся за рамками позитивного права, не сводятся к одной лишь государственной воле. Образцы фактического типичного поведения людей и правовых по природе свой взаимоотношений в обществе законодатель находит не в каких-то категорических императивах, а в самой общественной жизни. Индивид достигает результата только тогда, когда его воля стремится к познанию объективных закономерностей. В этом случае его мышление приобретает свободный характер. Следовательно, суть свободы мышления не в формализованной «оторванности» от объективности бытия, а в познании закономерностей этого бытия.

4) ***Мировоззрение.*** **Мировоззрение индивида** – это его целостное восприятие природы, общества, человека, выражающееся в системе его ценностей и идеалов. Элементами мировоззрения являются моральные принципы, а у верующих так же и религиозные правила и требования.

Мировоззрение человека всегда содержит в себе фактор несвободы мышления. Индивиду предлагают определенные условия, которые в чем-то могут не соответствовать структуре его мировоззрения. Для того, чтобы согласиться с предлагаемыми условиями индивид должен сделать определенное усилие, чтобы быть адекватным поставленным условиям. Зачастую эти условия вызывают у него протест мыслить и действовать в предлагаемом направлении.

Основными недостатками позитивного права с позиции данной несвободы мышления выступают следующие: исключение «человеческого измерения» права, тогда как оно изначально является произведенной конкретным человеком с конкретным мировоззрением и существующей лишь в человеческой интерпретации реальностью. Право позитивистов в одностороннем порядке декларируется государством с определенной идеологией, также влияющей на мировоззрение конкретного мыслящего индивида. Человек, создающий правовую «реальность» превращается из реального правосоздателя лишь в пассивного исполнителя декларируемого государством права.

Правовой позитивизм не в состоянии обнаружить главную «движущую силу» права – психику человека, поскольку в нем существует фантом под названием государство. Ему автоматически ставится в заслугу авторство позитивного права, тогда как «живое» право формируется на основе интуиции и включает в себя мировоззренческие нормы определенного индивида. Кроме того, юридический позитивизм фактически отвергает возможность нравственной оценки правовых явлений. И тогда индивид использует социальные, неправовые нормы, соответствующие степени свободы его мышления, стремясь преодолеть дефекты позитивного права собственными силами. Выбор норм, преодолевающих дефекты закона, как правило, ведется в двух направлениях: первое представляет собой поиск предписаний, обеспечивающих реализацию интересов индивида в рамках позитивного права, основываясь на правовой почве; второе стремится к использованию норм теневого права, допускающих совершение противоправных деяний.

Как отмечает Ильин И. А., поддержание правопорядка зависит от каждого человека и является не только государственной задачей. Поэтому внешние санкции, как правило, «не могут направить злодея на путь добра». Если государство воплощает в себе положительное право, то каждый отдельный человек должен поддерживать в себе идею живого естественного права [1].

5) ***Сила авторитета.*** В изначальном определении авторитет – это сила, являющаяся общепризнанной; влияние, значимость. Именно в свободе мышления проявляется способность индивида самостоятельно распознать актуальный авторитет, признать его силу. В контексте становления авторитета позитивного права для мыслящего индивида – это становление легитимности государственно-правовых институтов как основных творцов закона. Легитимность предполагает принятие и поддержку права и власти, которые отвечают воззрениям мыслящего индивида о свободе, правоте и справедливости.

В основе легитимации находятся внутренние стимулы, убеждения внутренние мотивы индивидов, а не формальные юридические признаки. Именно фактором внутренних установок и переживаний людей обусловлена легитимация. Ее невозможно навязать извне. Она обусловлена внутренним согласием людей с конкретным общественным порядком либо с отдельной правящей личностью. При этом, в условиях конкретной исторической эпохи легитимация выражает непреложные ценности бытия (например, общечеловеческие ценности), соответствующие представлениям населения того или иного отдельно взятого государства. В ее основе лежит уверенность людей в том, что их благополучие зависит от поддержки и сохранения определенного порядка, вера в то, что именно он выражает их интересы. Если свободно мыслящий индивид не признает авторитет творца права, то нет уважения и к самому праву.

6) ***Несвобода мышления от науки как формы общественного знания и от общественно-исторической практики.*** Наука соединяет в себе несвободу и свободу. Наука «живет» в несогласии с существующими воззрениями на отдельные проблемы бытия природы, общества, человека; и в этом ее свобода. Высокий уровень научного знания, ответственность за совпадение слова и дела, за соответствие техники своему назначению – в этом заключается несвобода науки. Несвобода науки – это способ, размежевания научных и лженаучных знаний. В сфере научного поиска свобода и несвобода связаны с категориями мыслимого и немыслимого. То, от чего общество несвободно и то, о чем оно готово мыслить постоянно, отражает мыслимое. То, что находится за пределами рациональной мыслительной деятельности человека, является немыслимым для науки. Большинство наук «стремятся освободиться» от иррационального, недоказуемого, основанного на вере. Однако новое знание зачастую «рождается» как немыслимое. Априори процесс научного познания не может иметь место только в сфере мыслимого. Поэтому в научном познании закономерно «вторжение» в сферу немыслимого за которым следует рациональное объяснение немыслимого и превращение его в мыслимое.

В отношении же общественно-исторической практики совершенно справедливы рассуждения Гегеля: «Правительствам, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее. В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать такие решения, которые вытекают из самого ее состояния. В сутолоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего» [3].

Позитивистские концепции права зачастую имеют достаточно убедительное научное обснование. Осмысление проблем свободы мышления в контексте позитивистского типа правопонимания связана с тем, что в противовес позитивизму естественно-правовые концепции права постулируют тезис о том, что в праве первичны идеи, принципы свободы, справедливости, равенства, а не юридические нормы. Отрицается научный подход к праву как к инструменту и утверждается, что подлинное право не может лишь нормировать различные ценности и тем самым ограничивать свободу мышления. Естественно-правовые ценности – это «сердце» права. Именно в связи с этим создаваемое публичной властью позитивное право не является подлинным. В нем ценности отдаются на усмотрение творца права. Большинство альтернативных школ права отказываются от подхода, в соответствии с которым право – это исторически неизменный инструмент. По мнению противников позитивизма в праве, последние несправедливо сужают право: оно сводится лишь к официальным нормативам. В позитивистском типе правопонимания отвергается реально существующая множественность права. Юридический позитивизм отрицает существование массива норм, не признанного официальной государственной властью, тогда как вкупе с системой позитивного права на территории конкретного государства складываются системы обычного, национального, церковного, корпоративного, индивидуального права, развивающие свободу мышления индивида. Нормы данных

систем способны порождать предоставительно-обязывающие связи, которые во многом схожи с нормами официального позитивного права.

7) ***Запрет.*** Позитивное право определенным образом нормирует свободу индивидов в целом и свободу мышления в частности. Огромное значение имеет правовой инструментарий, используемый позитивным правом. Так, тип правового регулирования, как правило, выражает возможный уровень правовой и мыслительной самостоятельности субъектов права. Им определяется степень жесткости юридического воздействия. Как известно, разрешительный тип использует формулу «запрещено все, кроме прямо разрешенного законом», а общедозволительный - «дозволено все, кроме прямо запрещенного». Есть спорное мнение, что большое количество прав без четкого механизма их реализации ограничивает свободу, а четкие запреты означают истинную свободу выбора. О ширине той свободы, которую юридически признает и допускает государственная власть можно судить по особенностям развития позитивного права. Возможность определенного поведения человека, как правило, закреплена в Конституции и других юридических актах. Это есть не что иное, как конституционные свободы (в том числе свобода мысли), которые подчас не имеют четкого механизма реализации. Им соответствуют обязанности неопределенного круга лиц воздерживаться от действий, ограничивающих продекларированные свободы. Позитивное право должно выступать, при этом, гарантом реализации. Оно является официальным мерилом действующей свободы вообще и свободы мышления в частности, их нормой, а иногда ограничителем.

8) ***Зависимость мышления от правил мыслительной деятельности (правил логики).*** Рациональным (логическим) формам отражения действительности предшествуют чувственные, которые и обусловливают их. Опираясь на чувственные, рациональные формы сохраняют в себе в скрытом виде их наиболее важные достоинства и свойства. Предметом логики как науки чувственные формы отражения действительности не являются. Однако рациональные, логические формы генетически и исторически развивают их. К чувственным формам отражения относятся восприятия, представления и ощущения. Эти формы, появляющиеся как несущественные, становятся самыми главными, определяющими, на уровне рационального отражения. В науке считается, что на уровне представления чувственная ступень отражения завершается, а на уровне понятия, формируется рациональная ступень отражения – логическая. Как отмечает Шапсугов Д.Ю. в работе «Проблема свободного мышления в юридической науке», еще «концепция получения достоверного знания Ф. Бэкона, ориентированная на преодоление господства логического метода Аристотеля, во-первых, поставила под сомнение обоснованность его господства, во-вторых, дала толчок развитию опытного знания, потребность в котором резко выросла вследствие все возраставших жизненных потребностей, требовавших своего удовлетворения…» [4, с. 22]. Свободно мыслящего индивида не устраивает формализм юридического позитивизма: право по содержанию сводится к логическим конструкциям, зафиксированным в текстуальных источниках.

Свобода мышления как ценность естественного права

Под свободой мышления в данной статье понимается возможность индивида осуществлять сознательный выбор и реализовывать на основе этого те или иные действия и поступки. Свободное духовное «Я» имеет способность сопротивляться напору внешних обстоятельств. Но оно также может добровольно-стоически подчиняться во имя высших идеалов. И в том и в другом случае эти проявления свободы мышления будут сходны между собой по мотивам.

Свобода мышления является сверхнормативной. Она подразумевает ориентированное на высшие идеи и ценности основание для духовных восхождений личности. В ней преобладает детерминация, в соответствие с которой духовное «Я» свободно, исходя из собственных устремлений, движется к им же самим избранным целям.

Главная особенность свободы мышления в том, что она является так же вненормативной. Индивиду она дается ранее других социальных норм и может иметь место вопреки их предписаниям.

Свобода мышления не может передаваться в дар от государства индивиду. Она имеет место исключительно как результат собственных исканий человека.

Свобода мышления, как ценность естественного права, не подлежит девальвации и не должна быть обусловлена изменением социально-исторических условий. Она не может являться продуктом государственной воли, не может быть декретирована его установлениями и превосходит его сиюминутные интересы и нужды.

Литература

1. Осипов И. Д. Философия права И.А. Ильина / Интернет-ресурс на yandex.ru. Дата обращения 10.05.2021

2. Сырых В. М. Понятие и структура индивидуального права / Интернет-ресурс на yandex.ru. Дата обращения 10.05.2021.

3. Гегель. Сочинения. М., 1935.

4. Шапсугов Д. Ю. Проблема свободного мышления в юридической науке. М., 2020.

References

1. Osipov I. D. *Philosophy of law I.A. Ilyin.* Available from: Internet resource for yandex.ru. [Accessed 10 May 2021]. (In Russ.)

2. Syrykh V. M. *The concept and structure of individual law.* Available from: *Internet resource for yandex.ru.* [Accessed 10 May 2021]. (In Russ.)

3. Gegel'. *Writings.* Moscow; 1935. (In Russ.)

4. Shapsugov D. Yu. *The problem of free thinking in legal science.* Moscow; 2020. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. П.Саенкова – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. P. Saenkova – Candidate of Law, Associate Professor

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 06.07.2021; одобрена после рецензирования 22.07.2021; принята к публикации 23.07.2021.

The article was submitted 06.07.2021; approved after reviewing 22.07.2021; accepted for publication 23.07.2021.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 85–91
North Caucasus Legal Vestnik. 2021;(3):85–91

Проблемы конституционного и международного права

Научная статья
УДК 342.4
doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-85-91

ОБНОВЛЕННЫЙ КОММЕНТАРИЙ К КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ

Леонид Владимирович Акопов[1], Игорь Александрович Сизько[2]

[1, 2]Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
[1]norin.gospravo@yandex.ru
[2]igorsnov@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье приводится юридический анализ нового издания комментария к Конституции Российской Федерации под авторством Е.Ю. Бархатовой по результатам внесения в 2020 году поправок в Основной закон. Обращается пристальное внимание как на достоинства, так и на ряд недостатков и некорректных утверждений, содержащихся в данном комментарии, предназначенном для специалистов и студентов, получающих юридическое образование. Предлагаются варианты устранения выявленных погрешностей в тексте данного издания и авторские формулировки, уточняющие соответствующие пояснения конституционных норм.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, поправки к Конституции, постановления Конституционного Суда, юридический смысл, Президент России, главы Конституции, пояснения к статьям Конституции, оптимальное толкование, права и свободы, правовые позиции, форма правления, парламент, правительство, судебная власть, федеративное устройство, федеральный конституционный закон, федеральный закон, местное самоуправление, система органов публичной власти, система и структура федеральных органов исполнительной власти, конституционная ответственность, Основной закон

Для цитирования: Акопов Л. В., Сизько И. А. Обновленный комментарий к Конституции Российской Федерации: достоинства и недостатки // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 85–91. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-85-91.

Problems of Constitutional and International Law

Original article

THE NEW COMMENT TO CONSTITUTION OF RUSSIAN FEDERATION: MERITS AND DEMERITS

Leonid V. Akopov[1], Igor A. Sizko[2]

[1, 2]Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
[1]norin.gospravo@yandex.ru
[2]igorsnov@mail.ru

Abstract. This article provides a legal analysis of the new edition of the commentary on the Constitution of the Russian Federation, authored by E.Yu. Barkhatova based on the results of amendments to the Basic Law in 2020. Close attention is paid to both the merits and a number of shortcomings and incorrect statements contained in this commentary, intended for specialists and students receiving legal education. Options are proposed to eliminate the identified errors in the text of this publication and author's formulations clarifying the relevant explanations of constitutional norms.

© Акопов Л. В., Сизько И. А., 2021

Keywords: Constitution of the Russian Federation, amendments to the Constitution, decisions of the Constitutional Court, legal meaning, President of Russia, chapters of the Constitution, explanations of articles of the Constitution, optimal interpretation, rights and freedoms, legal positions, form of government, parliament, government, judiciary, federal structure, federal constitutional law, federal law, local self-government, system of public authorities, system and structure of federal executive bodies, constitutional responsibility, Basic law

For citation: Akopov L. V., Sizko I. A. The new comment to Constitution of Russian Federation: merits and demerits. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2021;(3):85–91. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-85-91.

Вышел в свет обновленный вариант комментария к Конституции Российской Федерации, составленный Е.Ю. Бархатовой и А.А. Потапенко (последняя прокомментировала новые положения, внесенные в Основной закон после общероссийского голосования по поправкам 1 июля 2020 года) [1]. Как сказано в аннотации к данному изданию, комментарий предназначен для специалистов в области права, студентов юридических вузов и факультетов, широкого круга читателей. Следует, конечно, приветствовать достаточно оперативную подготовку обновленного комментария (менее полугода после принятия поправок), однако мы при этом полагаем необходимым подвергнуть его содержание внимательному анализу.

Прежде всего отметим, что текст комментария наполнен содержательными пояснениями и увязкой с действующим российским законодательством, а также международными пактами о правах человека ключевых положений Конституции Российской Федерации. При этом указанное издание довольно компактно и лаконично, что не снижает качества его содержания, в котором даны комментарии к преамбуле, обоим разделам и девяти главам Основного закона, объединяющим после включения в него дополнительно пяти новых статей (а именно: 67.1, 75.1, 79.1, 92.1, и 103.1) в общей сложности количественно 141 статью (без учета исключенной в 2014 году Законом о поправке от 5.02.2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» статьи 127).

Как верно отмечено в предисловии к рецензируемому изданию: «Авторитет Конституции РФ поддерживается не только общественным согласием, но и правовым механизмом, обеспечивающим взаимодействие и стыковку всех институтов государственной власти… Текст Конституции РФ требует серьезного научного комментирования, а отдельные ее положения официального толкования» [1, с. 4–5].

Наиболее удачными, оптимальными по разъяснениям и довольно аргументированными, по нашему мнению, являются комментарии к статьям: 4, 6, 13, 14, 15, 20, 23, 27, 30, 32, 33, 34, 37, 38, 41, 43, 44, 46, 50, 61, 62, 67, 67.1, 68, 69, 70, 75, 80, 87, 88, 90, 95, 97, 101, 103, 103.1, 114, 117, 121, 123, 129, 130, 132 и 135. Однако это вовсе не означает негативной оценки комментариев к другим конституционным статьям, хотя в них встречаются некоторые неточности и пробелы, о чем подробно сказано в последующем изложении.

Обратим внимание на то, что уже непосредственно в предисловии к комментарию допущена неточность в подсчете количества статей в Главе 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина», которая содержит суммарно 48 (а не 47, как утверждается в тексте на странице 3 указанной работы [1, с. 3]) статей. Весьма спорно утверждение о том, что форма правления современного Российского государства сочетает в себе «черты парламентской и президентской республики» [1, с. 9]. Тем паче, что на странице 119 в комментарии к Главе 4 сначала говорится о полупрезидентской республике, а в пояснении

к статье 80 Конституции утверждается следующее: «У нас не просто сильный, а сверхсильный Президент» [1, с. 120]. Почему же тогда не согласиться с имеющейся в ряде научных публикаций формулировкой о «суперпрезидентской республике»[1].

Вряд ли можно согласиться с безапелляционным суждением о том, что якобы «государство… воздерживается от вмешательства в сферу прав и свобод», содержащемся в комментарии к статье 2 Конституции Российской Федерации [1, с. 9].

В комментарии к части 1 статьи 5 Конституции после перечисления видов субъектов Российской Федерации (республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области и автономных округов) написано: «Все они являются носителями государственной власти и по всем основным характеристикам не отличаются друг от друга» [1, с. 12]. В этом утверждении допущена некорректность, так как отличия, несомненно, имеются и они зафиксированы в конституционных нормах, содержащихся в части 2 статьи 5 Основного закона, оставленных без комментария в указанной работе. Здесь же и на последующих страницах текста бросается в глаза перебор с использованием нелегитимной аббревиатуры «РФ».

В заключительной фразе комментария к статье 10 Конституции система основных функций государства почему-то сводится лишь к трем из них, а именно к законодательной, исполнительной и судебной [1, с. 19], тогда как набор функций государства намного шире.

В комментарии к статье 11 в перечислении видов судопроизводства упущено арбитражное судопроизводство, включенное в часть 2 статьи 118 Конституции Законом о поправке от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ. Кроме того, здесь же не учтено то обстоятельство, что упомянутый [1, с. 20] в качестве примера разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными (субъектов Федерации) органами государственной власти Договор между Российской Федерацией и Республикой Татарстан от 15 февраля 1994 года прекратил свое действие в связи с истечением его срока еще в 2017 году.

В качестве положительной характеристики рецензируемого издания отметим включенные в него иллюстративные схемы к целому ряду пояснений к положениям Конституции. Заметим, что для точности следовало в названиях всех предыдущих российских конституций указать наличие в их названиях слов «Основной Закон», взятых в скобки [1, с. 26].

К сожалению, в поясняющем комментарии к статье 23 Конституции на странице 36 издания допущена опечатка и вместо статьи 51, гарантирующей возможность отказа свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, обозначена ошибочно статья 21.

На странице 88 указанной работы в качестве вводного пояснения к Главе 3 «Федеративное устройство» записана прежняя (до принятия Закона о поправке в 2020 году) формулировка о том, что «Президент РФ обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти», тогда как в новой редакции части 2 статьи 80 Конституции сказано о том, что Президент Российской Федерации «обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти». Кстати, эта новелла предопределяет, по нашему мнению, экстраординарные полномочия Главы современного Российского государства, о чем мы уже писали ранее [3].

[1] См., напр.: [2, с. 54].

Следует отметить неточности в комментарии к Конституции в той части текста, где на странице 98-й неверно названы как наименование, так и номер (не 18, а 17) статьи Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия[1].

Полагаем важным поддержать вполне значимый тезис авторов комментария, содержащийся во вводной части к главе 4 Конституции, а именно о необходимости путем «сдержек и противовесов» обеспечивать воспрепятствование превращению института Президента в режим личной власти, «неподконтрольной народу или способной игнорировать иные ветви государственной власти России», а также о потребности юридического и фактического гарантирования страны от авторитаризма [1, с. 119].

Комментируя статью 81 Конституции, авторы безосновательно утверждают, что «президенты республик избираются на 5 или 7 лет» [1, с. 124], тогда как должность руководителя республики с названием «президент» в настоящее время осталась только в Республике Татарстан, а избираемых на семь лет глав республик вообще-то нет.

На 127 странице рецензируемого комментария допущено некорректное суждение о том, что при вступлении в должность Президента России на церемонии принесения им присяги «обязательно должны присутствовать представители иностранных государств», в то время как новая редакция части 2 статьи 82 Конституции не предусматривает обязательного участия представителей зарубежных стран в этой процедуре. Неуместно в этой связи и заявление о том, что визиты глав иностранных государств для участия в инаугурации якобы «являются символом… признания нового, законно избранного народом Президента страны» [1, с. 127].

Кроме того, вряд ли в свете внесенных в Конституцию поправок можно согласиться с тезисом о том, что «Президент РФ формирует Правительство РФ…» [1, с. 130], так как формально (de jure) Председатель Правительства России сам вносит на утверждение Государственной Думы кандидатуры своих заместителей и большинства федеральных министров (за исключением министров: МЧС, внутренних дел, иностранных дел, обороны и юстиции), причем в случае их утверждения названной палатой парламента Глава государства не вправе отказать в их назначении на должность указами Президента. Неверно и утверждение, содержащееся в комментарии к статье 91 Конституции в той его части, в которой говорится, что «Конституция РФ, допуская случаи привлечения Президента РФ к уголовной ответственности, в то же время не предусматривает возможности наступления гражданско-правовой…, административной ответственности для Президента РФ» [1, с. 141]. Во-первых, о привлечении к уголовной ответственности Главы государства в Конституции не сказано, а закреплена лишь возможность выдвижения Государственной Думой обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, после чего возможен запуск процедуры отрешения его от должности. Во-вторых, в отношении Президента может быть подан в судебном порядке иск в соответствии с нормами Гражданского кодекса и Кодекса административного судопроизводства.

Не согласны мы и с заявлением в комментарии к статье 103 Конституции о том, что «правительство должно реализовывать курс, определяемый законодательным органом» [1, с. 168], поскольку согласно Закону о поправке к Конституции от 14.03.2020 года Правительство России действует под общим руководством Главы государства, который и определяет проводимый им курс.

[1] Constitution.garant.ru (Дата обращения – 24 июня 2021 года).

Неточно и изложение комментария к статье 109 Конституции в части следующего утверждения, как- то: «В том случае, если различного рода согласительные процедуры между ветвями власти не привели к положительному результату, Президент РФ, в чьи функции согласно статье 80 Конституции РФ входит обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти, вправе распустить Государственную Думу» [1, с. 178].

На самом деле право Президента Российской Федерации распустить Государственную Думу строго регламентировано статьями 111, 112 и 117 Конституции Российской Федерации при соответствующих условиях, в том числе не связанных с согласительными процедурами.

В связи с поправками, внесенными в Главу 6 Конституции Российской Федерации не вполне корректно и утверждение о том, что «Правительство РФ осуществляет государственную власть в РФ наряду с Президентом РФ…» [1, с. 181], что обусловлено новой редакцией части 1 статьи 110 Конституции, в соответствии с которой Правительство Российской Федерации осуществляет исполнительную власть страны под общим руководством Президента Российской Федерации.

На странице 183 рецензируемого издания в комментарии к статье 110 Конституции упомянут уже утративший свою силу Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» от 17 декабря 1997 года № 2-ФКЗ, на смену которому был принят и вступил в силу новый Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» от 6 ноября 2020 года №4-ФКЗ (это с учетом того, что вышепоименованное издание было подписано в печать, как видно из его выходных данных, 21 декабря 2020 года, что в принципе вполне позволяло сослаться на новый законодательный акт).

Следует дать пояснение к такому комментарию, который приводится к статье 111, а именно: «В Конституции РФ не указывается, должен ли Президент РФ после отклонения первой кандидатуры (Председателя Правительства РФ, примечание наше – Л.А., И.С.) вносить в следующий раз другую кандидатуру, или он вправе предлагать одно и то же лицо. Конституционный Суд РФ поддержал последнее» [1, с. 185]. Уточним в этой связи, что в соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 1998 года №28-П по делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации «Президент Российской Федерации при внесении в Государственную Думу предложений о кандидатурах на должность Председателя Правительства Российской Федерации вправе представлять одного и того же кандидата дважды или трижды либо представлять каждый раз нового кандидата… После трехкратного отклонения представленных Президентом Российской Федерации кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации независимо от того, представлялся ли каждый раз один и тот же кандидат дважды или трижды, – Государственная Дума подлежит роспуску»[1]. Указанный акт конституционного толкования вполне может быть применим и после внесенных в Основной закон поправок при условии обязательного учета новой редакции части 4 статьи 111, которая в отличие от прежней уже не содержит нормы об императивном роспуске Государственной Думы в случае трехкратного отклонения ею предлагаемых Президентом для утверждения кандидатур (ы) на пост Председателя Правительства, оставляя окончательное решение этого вопроса (распускать ли Палату или не распускать ее) на усмотрение Главы государства, что подтверждается формулой «В этом случае

[1] Подробнее об этом см.: [4, с. 502-503].

Президент Российской Федерации вправе (но не обязан, примечание наше – Л.А., И.С.) распустить Государственную Думу и назначить новые выборы».

На наш взгляд, допущена неточность и в комментарии к статье 112 Конституции, а именно: «В настоящее время структура федеральных органов исполнительной власти утверждена Указом Президента РФ от 9 марта 2004 года «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти». Согласно этому акту в систему федеральных органов исполнительной власти РФ входят федеральные министерства, федеральные службы, федеральные агентства» [1, с. 187]. В этом тезисе наряду со смешением понятий «система» и «структура» (так как этим указом были утверждены и продолжающая сохраняться до сих пор система федеральных органов исполнительной власти и давно утратившая свою силу структура федеральных органов исполнительной власти) не было учтено толкование вышеупомянутых понятий, данное в известном Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 2-П, согласно которому в систему федеральных органов исполнительной власти включено и само Правительство Российской Федерации вкупе с федеральными министерствами и иными организационно-правовыми формами федеральных органов исполнительной власти, утверждаемыми указами Главы государства.

На с. 188 Комментария вновь упоминается утративший силу Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» от 17.12.1997 г.

Серьезное сомнение вызывает тезис в общем пояснении к Главе 7 «Судебная власть и прокуратура» Конституции, как-то: «Социальное назначение судов – обеспечение надлежащего правового режима во всех областях общественной жизни» [1, с. 201]. Полагаем, что это определенная идеализация и гипостазирование функций судебной власти.

Неточно и утверждение, содержащееся в комментарии к статье 118 Конституции, в котором приведен неполный перечень судов, относящихся к судебной системе [1, с. 202]. Характеризуя состав Конституционного Суда Российской Федерации, авторы комментария не учли того факта, что в соответствии с внесенными в Конституцию поправками у Председателя Конституционного Суда остался лишь один заместитель, а не два, как это написано в комментарии к статье 125 Конституции [1, с. 215].

Не вполне ясно, о каком-таком «общепринятом во многих странах эталоне местного самоуправления как демократического института» [1, с. 224] идет речь в пояснении к Главе 8 «Местное самоуправление» Конституции. Если подразумевается Европейская Хартия местного самоуправления, то вряд ли ее можно назвать без существенных оговорок «эталонной моделью» местного самоуправления ввиду ее абстрактности. В комментарии к статье 131 Конституции Российской Федерации неточно воспроизведены виды муниципальных образований, закрепленные в Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Вместе с тем мы вполне разделяем мнение авторов комментария к Главе 9 Конституции Российской Федерации о том, что Конституция не должна быть подвержена постоянным изменениям и о том, что «стабильность Конституции является важнейшим условием режима законности, устойчивости правовой системы и государственного механизма, фактором определенности в отношениях между личностью и государством» [1, с. 239].

Резюмируя все вышеизложенное, полагаем, что рецензируемый обновленный комментарий к Конституции Российской Федерации представляет собой актуальное

и полезное издание, которое все же нуждается в определенной корректировке для придания ему необходимой точности по отдельным пояснениям и формулировкам. Это следует учесть и при последующих переизданиях данного комментария.

В завершение темы, следует обратить пристальное внимание на знаменательные слова Главы Российского государства В. В. Путина, адресованные читателям вышедшего позднее рецензируемого нами издания нового научно-популярного комментария к Конституции Российской Федерации, в его телеграмме от 15 июля 2021 г., а именно: «Принятая почти тридцать лет назад – 12 декабря 1993 г., наша Конституция убедительно доказала свою эффективность, и еще многие десятилетия она будет оставаться надежным правовым фундаментом страны. Вместе с тем это не застывший свод канонов, а живой, созвучный времени документ»[1].

Литература

1. Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации: новая редакция с поправками. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. 256 с.

2. Мартышин О. В. Коллизии ценностей и перспективы развития российской государственности // Государство и право. 2021. № 4.

3. Акопов Л. В. «Расслоение» видов публичной власти в России (об одном предвидении А.А. Югова) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 3. С. 166–170.

4. Любимов А. П. Комментарий к Конституции Российской Федерации (толкование и истолкование Конституции РФ в решениях Конституционного Суда РФ с постатейным алфавитно-предметным указателем) / Авт. статьи и сост. д.ю.н. А.П. Любимов. М.: Издательство «Экзамен», 2005.

References

1. Barkhatova E. Yu. Commentary on the Constitution of the Russian Federation: new edition with amendments. 3rd ed., Redesign. and supplement. Moscow: Prospect; 2021. 256 p. (In Russ.)

2. Martyshin O. V. Collisions of Values and Prospects for the Development of Russian Statehood. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 2021;(4). (In Russ.)

3. Akopov L. V. "Stratification" of types of public power in Russia (about one foresight A.A. Yugov). *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS = State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2020;(3):166-170. (In Russ.)

4. Lyubimov A. P. *Commentary on the Constitution of the Russian Federation (interpretation and interpretation of the Constitution of the Russian Federation in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation with an article-by-article alphabetical index)*. Auth. articles and composition. Doctor of Law A. P. Lyubimov. Moscow; 2005. (In Russ.)

Информация об авторах

Л. В. Акопов – докт. юрид. наук, проф., зав. кафедрой «Основы правоведения» факультета «Юридический».

И. А. Сизько – канд. юрид. наук, доц. кафедры «Основы правоведения» факультета «Юридический».

Information about the authors

L. V. Akopov – Doctor of Jurisprudence, Professor, Head of the Department of "Fundamentals of jurisprudence";

I. A. Sizko – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of "Fundamentals of jurisprudence".

***Вклад авторов**:* все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Contribution of the authors**:* the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.08.2021; одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 02.09.2021.

The article was submitted 16.08.2021; approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 02.09.2021.

[1] www.kremlin.ru/events/president/letters/66197

Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 92–99
North Caucasus Legal Vestnik. 2021;(3):92–99

Проблемы конституционного и международного права

Научная статья
УДК 341.96
doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-92-99

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Анна Борисовна Арзуманян

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, rumi12@yandex.ru

Аннотация. В современном мире вопросы правового регулирования искусственного интеллекта (ИИ) и робототехники составляют актуальную повестку как государств и международных организаций, так и крупных корпораций. Одна из основных проблем – адаптация имеющегося правового инструментария к новым, активно развивающимся отношениям и создание эффективных моделей правового регулирования ИИ. Обозначенная проблема лежит не только в плоскости частного и публичного права, но и этических норм. Гуманистическая ценность права, на наш взгляд, должна браться за основу регулирования отношений, связанных с искусственным интеллектом и робототехникой. Данная статья посвящена анализу правовых подходов, используемых для разработки правовых рамок искусственного интеллекта на международном и национальном уровне.

Ключевые слова: искусственный интеллект, робототехника, правовое регулирование, международное право, права человека

Для цитирования: Арзуманян А. Б. Искусственный интеллект: вопросы международно-правового регулирования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 92–99. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-92-99.

Problems of Constitutional and International Law

Original article

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: INTERNATIONAL ISSUES OF LEGAL REGULATION

Anna B. Arzumanyan

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, rumi12@yandex.ru

Abstract. In the modern world, the issues of legal regulation of artificial intelligence (AI) and robotics are on the current agenda of both states and international organizations, as well as large corporations. One of the main problems is the adaptation of the existing legal tools to new, actively developing relations and the creation of effective models of legal regulation of AI. The indicated problem lies not only in the plane of private and public law, but also in ethical norms. The humanistic value of law, in our opinion, should be taken as the basis for regulating relations related to artificial intelligence and robotics. This article is devoted to the analysis of legal approaches used to develop the legal framework of artificial intelligence at the international, national and supranational levels.

Keywords*:* artificial intelligence, robotics, legal regulation, international law, human rights

For citation: Arzumanyan A. B. Artificial intelligence: international issues of legal regulation. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2021;(3):92–99. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-92-99.

© Арзуманян А. Б., 2021

В течение последних лет на международной арене и на уровне национальных законодательств отдельных государств неуклонно возрастает внимание к проблемам правового регулирования искусственного интеллекта (ИИ). Международные организации проводят конференции, форумы, создают специальные комитеты, работа которых направлена на исследование ситуации с технологиями ИИ и возможности их правового регулирования. Активные дискуссии ведутся академическими, бизнес-кругами, различными специалистами в области ИИ. Сделаны попытки комплексного исследования проблем роботизации в различных отраслях права [1, 2].

В рамках международных форумов и иных дискуссионных площадок особое внимание уделяют этическим нормам в области разработок и использования ИИ. Так, например, в 2017 году были приняты Азиломарские принципы, составляющие этическую основу деятельности в области ИИ. Эти принципы определили основные ориентиры и ценности, которых необходимо придерживаться как разработчикам, так и тем, кто отвечает за финансирование и государственную политику в области ИИ как в настоящий момент, так и в долгосрочной перспективе. Определенное место среди них отведено вопросам, связанных со справедливым и эффективным правовым регулированием ИИ. В числе принципов, непосредственно затрагивающих правовые рамки ИИ, можно назвать: финансирование исследований в области права для создания правового регулирования, которое бы не сдерживало развитие ИИ и одновременно учитывало связанные с ним риски; обеспечение взаимодействия между правотворческими органами и исследователями в сфере ИИ; прозрачность правосудия при участии автономных систем в принятии судебных решений; совместимость ИИ-систем с человеческими ценностями в области права; конфиденциальность личных данных: сохранение за людьми права на доступ, управление и контроль; свобода и неприкосновенность частной жизни: использование ИИ-системами персональных данных не должно ограничивать человеческую свободу. Косвенно и иные принципы имеют отсылки к правовому регулированию ИИ в вопросах ответственности, контроля, безопасности и других[1].

Изменение правовой парадигмы в условиях стремительного развития технологий и широкого распространения систем ИИ, «умных» роботов, киберфизических систем становится неизбежным, на что обращается внимание в рамках правовых дискуссий последних лет [3, с. 99-100]. Ведущую роль в этих изменениях должны играть нормы международного права, выработанные на основе тех гуманистических достижений, которые определяют человека, его права и свободы, в качестве высшей ценности. Развитие национальных правовых систем должно строиться исходя из соблюдения указанных норм и учета особенностей нормативно-правового регулирования конкретного государства.

Как отмечают авторы российского законопроекта об умных роботах [4, с. 16], в мире складывается двухуровневый подход к правовому регулированию ИИ и робототехники. Первый уровень – это осмысление места ИИ в социально-экономических отношениях; выявление общих тенденций его развития в мире и, исходя из этого, формирование национальных приоритетов и концепций в области ИИ. Второй уровень – последовательная реализация предложенных национальных стратегий и разработка правовой базы ИИ. В частности, такой подход демонстрируют США, Китай, Япония, Южная Корея, страны Евросоюза.

[1] Азиломарские принципы искусственного интеллекта. URL: https://robopravo.ru/azilomarskiie_printsipy_ii

Также можно говорить о трех моделях регулирования технологий ИИ [5, с. 83]:

1. Предпочтение отдается документам стратегического планирования, а не нормам права (Франция, Китай, Россия).

2. Нормы права преобладают, существует тенденция создания комплексного регулирования технологий ИИ, документы стратегического значения не имеют существенного влияния либо отсутствуют (Южная Корея).

3. Гибридная модель, при которой имеют значение и государственные стратегические документы, и нормы права, причем точечное и комплексное регулирование сочетаются (США, ЕС).

В настоящий момент национальный законодатель широко использует и такой подход к правовому регулированию ИИ, как создание «регуляторных песочниц»[1].

«Регуляторные песочницы» выступают инструментом гибкого регулирования систем ИИ и используются в рамках так называемого риск-ориентированного подхода, направленного, с одной стороны, на недопущение излишних правовых барьеров для развития инноваций, а с другой стороны, на минимизацию рисков. Применение «песочниц» на практике не ограничивается сферой правового регулирования, напротив, первоначально этот инструмент использовался специалистами в области информационных технологий, а затем получил свое применение и в других сферах, в том числе, в области правового регулирования инноваций. Смысл применения инструмента заключается в том, что создается некая закрытая безопасная среда для апробации решений, в результате чего регулятор получает необходимый опыт и может скорректировать решение в зависимости от выявленных достоинств и недостатков регулирования.

На международной арене на сегодняшний день отсутствует какой-либо международный договор, посвященный ИИ. Внимание таких международных организаций, как ООН и Совет Европы, сосредоточено на выработке этических принципов в области ИИ. Приняты различного рода нормы «мягкого права», обозначающие тот вектор развития, которому желательно следовать государствам при создании правовых основ регулирования ИИ. В частности, в ноябре 2019 года ЮНЕСКО было поручено разработать рекомендации об этических аспектах ИИ (далее – Рекомендации), к настоящему моменту создан первый проект этого документа[2].

Рекомендации планируют представить для утверждения странами-членами в рамках 41-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО осенью 2021 г. В первом разделе документа подчеркивается, что «этические принципы в настоящей Рекомендации не приравниваются к правовым нормам, правам человека или некоему нормативному дополнению по вопросам применения технологий, а выступают, скорее, в качестве гибкой основы для нормативной оценки, а также методического руководства в вопросах применения технологий на основе ИИ, рассматривая человеческое достоинство, благополучие человека и недопущение нанесения вреда как целевой ориентир и уходя корнями в этику науки и технологии»[3].

---

[1] Подобная модель упомянута, в частности, в Рекомендациях ЮНЕСКО об этических аспектах ИИ наряду с рамочными правовыми актами, затрагивающими отдельные аспекты правового регулирования ИИ, например, защиту данных.

[2] Первый проект рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373434_rus/PDF/373434rus.pdf.multi

[3] Там же.

Тем не менее, в разделе IV, озаглавленном как области, требующие принятия стратегических мер, речь идет о вполне конкретных рекомендациях по правовому регулированию отношений, связанных с созданием и использованием ИИ. Рекомендации определяют десять таких приоритетных областей: оценка этического воздействия; этичное управление и руководство; политика в отношении данных; развитие и международное сотрудничество; окружающая среда и экосистемы; гендерное равенство; культура; образование и научные исследования; экономика и рынок труда; здоровье и социальное благополучие.

22 мая 2019 года Совет Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) принял Рекомендацию по искусственному интеллекту[1], которая считается первым межправительственным стандартом в этой области. Рекомендация определила пять ценностно ориентированных принципов по продвижению ИИ, четыре рекомендации по национальной политике и принцип международного сотрудничества по развитию заслуживающего доверия ИИ. К упомянутым принципам отнесены: инклюзивный рост, устойчивое развитие и благосостояние; ориентированные на человека ценности и справедливость; прозрачность и объяснимость; надежность, безопасность и сохранность; подотчетность.

Совет Европы по итогам встречи в Хельсинки в мае 2019 г. учредил специальный межправительственный комитет экспертов по искусственному интеллекту (CAHAI). Перед комитетом поставлена задача разработать приемлемые правовые основы для дальнейшего регулирования ИИ, причем эти правовые основы должны базироваться на стандартах Совета Европы в области прав человека, демократических принципах и верховенстве права[2]. В декабре 2020 г. Комитет опубликовал Обоснование осуществимости правового регулирования проектирования, разработки и применения ИИ, основанное на стандартах Совета Европы (Feasibility study on a legal framework on AI design, development and application based on CoE standards)[3] (далее – Обоснование). Это достаточно объемный документ, анализирующий текущую ситуацию с правовыми рамками ИИ исходя из упомянутых выше стандартов.

Обоснование учитывает уже имеющиеся наработки на уровне международных организаций, а также текущую работу в области регулирования ИИ. В частности, отмечается отсутствие единого подхода к определению самого термина ИИ. Сложность закрепления единой дефиниции видится не только в разности правовых традиций и культур, но и в технической составляющей такого определения. Если свести ее к минимуму, то неизбежно расширительное толкование термина, а если детализировать, возникает риск его быстрого устаревания. В результате исследователи дают рекомендацию принять технически нейтральный термин, который охватывал бы случаи, непосредственно связанные с потенциальными рисками для прав человека, демократических принципов и верховенства права. Анализируются риски, связанные с обработкой данных, статистическими погрешностями, которые могут преумножаться в самообучаемой системе, непрозрачностью систем ИИ. Указывается на оправданность использования риск-ориентированного подхода, но непременно с постоянной оценкой возможных последствий, в том числе тех, вред от которых нельзя восполнить. Документ отмечает практику работы различных Комитетов Совета Европы в области

[1] URL: https://www.oecd.org/science/forty-two-countries-adopt-new-oecd-principles-on-artificial-intelligence.htm
[2] CAHAI - Ad hoc Committee on Artificial Intelligence URL: https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/cahai
[3] URL: https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/cahai

кибербезопасности, защиты данных, правосудия, а также практику ЕСПЧ, относящуюся к информационным технологиям.

В частности, еще в конце 2018 г. Европейской комиссией по эффективности правосудия принята Европейская этическая хартия об использовании ИИ в судебных системах[1]. Она базируется на пяти основных принципах: соблюдения основных прав; недискриминации; качества и безопасности; прозрачности, беспристрастности и достоверности; контроля пользователем.

Таким образом, на уровне организаций ООН, Совета Европы и других международных организаций принято значительное количество документов рекомендательного характера в области этики и правового регулирования ИИ, и постоянно ведется работа над их совершенствованием. Хотя этические принципы как таковые не должны подменять собой нормативную регламентацию, на что обращают внимание представители международных организаций и исследователи в области права [6, 7], в ситуации с ИИ на базе этических принципов фактически складываются нормы «мягкого права», а Рекомендации, принятые ЮНЕСКО, содержат подробные и содержательные указания относительно дальнейшей модернизации национальных законодательств.

На уровне отдельных государств достаточно активно идет работа по реализации уже существующих международных рекомендаций и принципов. В частности, многие этические принципы включаются в национальные документы стратегического планирования и нормативные акты. В ряде стран принимаются национальные стратегии в области искусственного интеллекта [8], дорожные карты, национальные программы, направленные на скорейшую модернизацию этих сфер с помощью внедрения технологий ИИ и развитие рынков технологий. Однако, в первую очередь, страны-лидеры в области технологий направляют усилия на сохранение этого лидерства за счет активного внедрения технологий ИИ в экономику, социальную сферу, сферу государственного управления.

Так, например, подход США основывается на преимуществах этого государства в сфере высоких технологий. В 2019 г. принята Национальная стратегия в сфере ИИ, оформленная распоряжением главы государства: «О сохранении американского лидерства в области искусственного интеллекта»[2]. Данный документ констатирует лидерство США в области ИИ-систем и указывает на необходимость сохранения этого лидерства для поддержания экономической и национальной безопасности.

Как отмечается в юридической литературе, США стремятся задать стандарты технологического и правового регулирования на международном уровне, с тем чтобы другие государства были вынуждены использовать эти стандарты, в то время как США способствовали бы закреплению своего лидерства в научно-технической сфере и на рынках производства и использования систем ИИ [10, с. 143–144].

По сравнению с США подход к регулированию искусственного интеллекта в Европейском союзе ближе к консервативному, основанному на осторожном изменении действующих норм с учетом рисков для гуманистических правовых ценностей [9]. Это вызывает беспокойство представителей некоторых европейских

[1] Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях Принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3-4 декабря 2018 года). URL: https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4

[2] Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence: Executive Order 13859 of February 11, 2019 // Federal Register. URL: https://www.federalregister.gov/documents/2019/02/14/2019-02544/maintaining-american-leadership-in-artificial-intelligence

стран, в частности, отдельные страны Евросоюза призвали Европейскую комиссию ограничиться формированием «мягкого права» для регулирования искусственного интеллекта. В документе, подготовленном представителями Дании и подписанном Францией, Бельгией, Нидерландами, Испанией, Финляндией (всего 14-ю странами), выражается следующая позиция: Евросоюзу необходимо стимулировать развитие технологий искусственного интеллекта следующего поколения, а не создавать препятствия этому.

Политика Китая направлена на решение практических задач развития технологий ИИ, в противовес, например, ЕС, где внимание в большей степени сосредоточено на этических аспектах ИИ или США, где решаются задачи национальной безопасности и социальной стабильности в долгосрочной перспективе [11, с. 593-594]. Основными направлениями развития стали: разработки в области высоких технологий; обработка данных (в этом направлении отмечается превосходство Китая за счет доступа к огромным массивам данных о гражданах); подготовка квалифицированных кадров; развитие конкурентоспособных частных компаний в сфере ИИ и смежных областях.

В России в период с 2017 г. по настоящее время выходит ряд документов[1], относящихся к стратегическому планированию в области высоких технологий и цифровой экономики, в том числе, в области ИИ. Появляются первые регуляторные «песочницы»: экспериментальные режимы на территориях отдельных субъектов федерации, направленные на внедрение технологий ИИ в повседневную жизнь[2]. Российская Национальная стратегия развития ИИ предполагает создание системы гибкого нормативно-правового регулирования в этой области к 2030 г.

Концепция развития[3], принятая в августе 2020 г. (далее – Концепция) содержит важнейшие положения, раскрывающие направления государственной политики России в области ИИ. Приоритетной целью регулирования Концепция определяет стимулирование инноваций в сфере ИИ, в связи с чем в качестве задач выделяет собственно создание правовых основ, имеющих в первую очередь стимулирующий характер; определение правовых барьеров, которые замедляют развитие технологий ИИ; создание национальных стандартов в области ИИ и робототехники.

Выводы. Технологические изменения затрагивают все сферы современного общества и фундаментальные права человека, такие как неприкосновенность частной жизни, свобода выражения мнения, свобода информации, право на труд,

[1] Указ Президента РФ от 09.05.2017 №203 «О Стратегии развития информационного общества в России на 2017 – 2030 годы»; Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490"О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»); «Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 N 7); Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 N 2129-р <Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года> и другие. // СПС КонсультантПлюс.

[2] Федеральный закон от 24.04.2020 N 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»; Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс.

[3] Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 N 2129-р <Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года>. // СПС КонсультантПлюс.

право на судебную защиту. Происходит изменение правовой парадигмы, что связано с рисками отклонения от гуманистической ценности права.

Изменения в области регулирования инноваций должны соотноситься с существующими принципами и нормами международного права, в первую очередь, со стандартами в области прав человека. Поиск баланса интересов между обществом, госструктурами, крупными и мелкими разработчиками технологий ИИ, бизнес-сообществом по-прежнему будет составлять актуальную повестку для международных организаций и национального законодателя в ближайшие годы.

На международном уровне регуляция технологий ИИ осуществляется с помощью норм «мягкого права». Определены основные векторы развития правового регулирования для государств – членов ООН, Совета Европы, ОЭСР. Многие государства разработали и активно реализуют программные документы, на базе которых принимаются отдельные изменения в законодательство. При этом комплексный подход к регулированию отношений по созданию и использованию технологий ИИ пока отсутствует. Эффективность глобального международного договора на текущем этапе ставится под сомнение по ряду причин, в том числе, это связано с отсутствием единой правовой терминологии; единства целей и задач регулирования; единой политики в области защиты данных и других.

Действенным для разработки комплексного подхода на уровне национальных законодательств видится инструмент регуляторных «песочниц», который дает возможность с минимальными рисками накопить и реализовать необходимый опыт правового регулирования для будущих комплексных изменений законодательства. Однако в отсутствие международного договора высока вероятность концептуальных различий в регулировании ИИ на национальном уровне.

Список источников

1. Регулирование робототехники: введение в "робоправо". Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В. В. Архипов, В. В. Бакуменко, А. Д. Волынец и др.; под ред. А. В. Незнамова. М.: Инфотропик Медиа, 2018. 232 с.

2. Юридическая концепция роботизации: монография / Н. В. Антонова, С. Б. Бальхаева, Ж. А. Гаунова и др.; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. М.: Проспект, 2019. 240 с.

3. Трансформация парадигмы права в условиях глобализации и международной региональной интеграции. Обзор сессии в рамках ПМЮФ 2019 г. Тарасова А. Е., Бирюков П. Н., Бабкина Е.В., Горбатова Е. Э., Филатова В. В., Татаринцева Е. А., Елева В. В., Чупилкин Ю. Б., Арзуманян А. Б., Шиянов А. В., Левицкая Е. А., Соседова М. В., Василенко Е. В. // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2019. Т. 6. № 2. С. 99–110.

4. Незнамов А. В., Наумов В. Б. Вопросы развития законодательства о робототехнике в России и в мире // Юридические исследования. 2017. № 8. С. 14–25. DOI: 10.25136/2409-7136.2017.8.23292

5. Незнамов А. В. Правовые аспекты реализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 82–88.

6. Кей Д. Доклад ООН "Поощрение и защита прав человека: вопросы прав человека, включая альтернативные подходы в деле содействия эффективному осуществлению прав человека и основных свобод". A/73/348. 2018. URL: https://undocs.org/ru/A/73/348

7. Бегишев И. Р. Международно-правовые основы регулирования искусственного интеллекта и робототехники // Международное публичное и частное право. 2021. N 1. С. 37–40.

8. Незнамов А. В. Регулирование искусственного интеллекта в мировой практике. URL: https://ethics.cdto.ranepa.ru/3_8

9. Потемкина О. Ю. Лучше, чем люди? Политика ЕС в области искусственного интеллекта // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 5. С. 16–21.

10. Селянин Я. В. Государственная политика США в области искусственного интеллекта: цели, задачи, перспективы реализации// Проблемы национальной стратегии. 2020. № 4 (61). С. 140–163.

11. Струкова П. Э. Искусственный интеллект в Китае: современное состояние отрасли и тенденции развития // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика. 2020. Т. 12. Вып. 4. С. 588–606.

References

1. Arkhipov V. V., Bakumenko V.V., Volynets A. D., et al. *Regulation of robotics: introduction to the "robo-right." Legal aspects of the development of robotics and artificial intelligence technologies.* Neznamov A.V. (ed.). Moscow: Infotropik Media; 2018. 232 p. (In Russ.)

2. Antonov N. V., Balkhaev S. B., Gaunov J. A., et al. *Legal concept of robotization.* Tikhomirov Yu. A., Nanba S. B. (eds). Moscow: Prospect; 2019. 240 p. (In Russ.)

3. Tarasova A. E., Biryukov P. N., Babkina E. V., Gorbatova E. E., Filatov V. V., et al. Transformation of the paradigm of law in the context of globalization and international-native regional integration. Review of the session within the framework of the PMUF 2019. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Law faculty of Southern Federal University.* 2019;6(2):99–110. (In Russ.)

4. Neznamov A. V., Naumov V. B. Issues of the development of legislation on robotics in Russia and in the world. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal research*. 2017;(8):14–25. (In Russ.) DOI: 10.25136/2409-7136.2017.8.23292

5. Neznamov A. V. Legal aspects of the implementation of the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence until 2030. *Vestnik Universiteta im. O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2019;(12):82–88. (In Russ.)

6. Kei D. *Report of the UN "Promotion and protection of human rights: questions of human rights, including alternative approaches in assistance to effective implementation of human rights and fundamental freedoms". A/73/348. 2018.* Available from: URL: https://undocs.org/ru/A/73/348

7. Begishev I. R. International legal framework for the regulation of artificial intelligence and robotics. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe parvo = International public and private law.* 2021;(1):37-40. (In Russ.)

8. Neznamov A. V. *Regulation of artificial intelligence in world practice*. Available from: URL: https://ethics.cdto.ranepa.ru/3_8 (In Russ.)

9. Potemkina O. Yu. Better than people? EU policy in the field of artificial intelligence. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN = Scientific and analytical bulletin of the IE RAS*. 2019;(5):16–21. (In Russ.)

10. Selyanin Ya. V. US government policy in the field of artificial intelligence: goals, tasks, prospects for implementation. *Problemy natsional'noi strategii = Problems of national strategy.* 2020;4(61):140–163. (In Russ.)

11. Strukova P. E. Artificial Intelligence in China: the current state of the industry and development trends. Vestnik SPbGU. Vostokovedenie i afrikanistika = Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies. 2020;12(4):588-606. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Б. Арзуманян – канд. юрид. наук, доц.

Information about the author

A. B. Arzumanyan – PhD in law, Associate Professor

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 24.08.2021; одобрена после рецензирования 08.09.2021; принята к публикации 09.09.2021.

The article was submitted 24.08.2021; approved after reviewing 08.09.2021; accepted for publication 09.09.2021.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 100–105
North Caucasus Legal Vestnik. 2021;(3):100–105

Проблемы конституционного и международного права

Научная статья
УДК 341.96
doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-100-105

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВОМ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Магомед Резванович Богатырев[1, 2]

[1]Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М. Д. Миллионщикова, Грозный, Россия, m.boghatyriov@mail.ru

[2]Чеченский государственный университет, Грозный, Россия

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей правотворческой деятельности государства в условиях чрезвычайных ситуаций. В ходе исследования автором определены признаки чрезвычайных ситуаций, влияющих на правотворческую деятельность. Автор подразделил чрезвычайные ситуации по степени их воздействия на правотворчество и раскрыл особенности правотворческой деятельности при их наступлении. В статьи доказывается, что чрезвычайные ситуации не являются основанием для выхода за пределы права и отказа от использования действующего законодательства.

Ключевые слова: правотворчество, чрезвычайная ситуация, чрезвычайное положение, правовое регулирование, юридическая деятельность, законотворчество

Для цитирования: Богатырев М. Р. Осуществление правотворческой деятельности государством в условиях чрезвычайных ситуаций // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 100–105. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-100-105.

Problems of Constitutional and International Law

Original article

IMPLEMENTATION OF LAW-MAKING ACTIVITIES BY THE STATE UNDER EMERGENCY SITUATIONS

Magomed R. Bogatyrev

[1]Grozny State Oil Technical University named after academician M. D. Millionshchikov, Grozny, Russia, m.boghatyriov@mail.ru

[2]Chechen State University, Grozny, Russia

Abstract. The article is devoted to identifying the features of the law-making activity of the state in emergency situations. During the study, the author identified the signs of emergencies affecting law-making activities. The author subdivided emergencies according to the degree of their impact on lawmaking and revealed the features of lawmaking when they occur. The article proves that emergency situations are not grounds for going beyond the limits of the law and refusing to use the current legislation.

Keywords: lawmaking, emergency, state of emergency, legal regulation, legal activity, lawmaking

For citation: Bogatyrev M. R. Implementation of law-making activities by the state under emergency situations. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2021;(3):100–105. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-100-105.

© Богатырев М. Р., 2021

Пандемия COVID-19 актуализировала проблемы, казавшиеся навсегда решенными человечеством, например, массовое распространение инфекционных заболеваний. Объединенное глобализацией человечество впервые столкнулось со столь масштабным распространением инфекции по всему миру и необходимостью одновременного преодоления ее последствий с использованием правовых средств и в правовых пределах. В частности, пандемия COVID-19 актуализировала разработку руководящих принципов, рекомендаций и четких процедур введения правового режима чрезвычайного положения.

Современная ситуация со всей отчетливостью показывает необходимость разработки не только вариантов правового регулирования при возникновении чрезвычайного положения, но и четкого определения данного понятия. Отсутствие проработанной юридической терминологии, связанной с экстраординарными юридическими фактами, приводит к использованию государствами самых простых и очевидных способов их регламентации, а именно введение запретов и иных ограничений. Вместе с тем юридические ограничения оказываются эффективными лишь сиюминутно, а в долгосрочной перспективе губительно сказываются на общественных отношениях, разрушая сложившиеся социальные связи, снижая авторитет права и государственной власти.

Правотворческая деятельность государства представляет собой сложный комплекс юридических действий, операций, мероприятий, осуществляемых компетентными органами с использованием правовых приемов, средств и процедур и нацеленных на формирование единого национального правового пространства. Осуществление такого многогранного процесса сопряжено с решением целого ряда проблем. С одной стороны, необходимо урегулировать возникающие отношения, выдвигаемые жизнью и требующие правовой регламентации. С другой стороны, вновь создаваемые юридические нормы и институты должны вписываться в существующую систему права, и вместе с тем соответствовать общеправовым принципам, юридической практике и общественным потребностям. Некомпетентность законодателя негативно влияет на правовую систему в целом, снижает авторитет закона и государства, порождает недоверие к ним со стороны общества.

Механизм правотворчества государства, как правило, запускается вследствие возникновения общественно значимой проблемы или социальной потребности в урегулировании вопроса, затрагивающего интересы широкого круга лиц. При этом данный вид юридической деятельности обусловлен целым рядом факторов, влияющих как на возникновение ситуации, требующей принятия, изменения или прекращения действия юридических норм, так и на реализацию правотворчества.

Современная юридическая наука и практика выработали принципы, действенные алгоритмы, процедуры, методики и мероприятия, обеспечивающие правотворческую деятельность государства. В этой связи следует отметить исследования А.С. Пиголкина, С.В. Полениной [1], А. В. Мицкевича [2], Р.О. Халфиной [3] и др. Разработанный обеспечительный механизм включает комплекс разнообразных элементов, нацеленный на выработку общеобязательных правил поведения, но в типичных стандартных ситуациях, отличающихся стабильностью, достаточной степенью устойчивости, определенности и повторяемости.

Вместе с тем потребность в правовой определенности и защищенности не только сохраняется, но и возрастает в чрезвычайных условиях. Несмотря на то, что чрезвычайные обстоятельства несут максимальную угрозу разрушения

для социума теория «чрезвычайности» не разработана в отечественной социогуманитаристике. Отчасти это связано с множественностью и разнообразием чрезвычайных событий и как следствие сложностью определения критериев «чрезвычайности». Затруднительно выделить релевантные черты сходства между пандемией COVID-19 и террористическими актами, наводнениями, землетрясениями и иными природными катаклизмами, и экономическими кризисами.

Недостаточное понимание чрезвычайности и отсутствие ее точного определения затрудняет формирование соответствующей модели правового регулирования, минимизирующей связанные с ней негативные последствия, реальный или потенциальный ущерб. Прежде всего неясно как понятия «чрезвычайность», чрезвычайное положение и чрезвычайная ситуация соотносятся между собой.

Анализ российского законодательства позволяет заключить, что понятие «чрезвычайность» и «чрезвычайные ситуации» рассматриваются в нем как сходные. Точнее понятие «чрезвычайность» в нормативно-правовых актах отсутствует, а чрезвычайные ситуации трактуются очень широко. Так, в законе о защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций, данное понятие обозначает обстановку стихийного или иного бедствия, сложившуюся на определенной территории в результате природных или техногенных явлений, угрожающих жизни, здоровью людей, наносящих или могущих нанести ущерб их имуществу[1]. При этом в законодательстве широко используется, термин «чрезвычайные обстоятельства»[2], условия чрезвычайного положения[3], а также иные выражения (например, природные и социальные катаклизмы[4]), обозначающие наступление исключительных событий, требующих принятия экстренных оперативных мер и установления особого (экстраординарного) правового режима.

Таким образом, отсутствие в юридической науке разработанного понятия, признаков и иных характеристик «чрезвычайности» отражается на правотворческой деятельности. Законодатель широко использует синонимические понятия для обозначения опасных ситуаций, тем самым расширяя их перечень. Данная ситуация усугубляется использованием в нормативно-правовых актах открытых списков чрезвычайных ситуаций, что препятствует конкретизации данных обстоятельств, быстрому определению субъекта принятия решения и осуществлению им мер оперативного реагирования. Все вышеперечисленные дефекты законодательства в условиях чрезвычайной ситуации не только затрудняют деятельность правоприменителей, но и создает угрозу необоснованного выхода ими за пределы установленных компетенций, что приводит к нарушению прав и законных интересов граждан, дестабилизирует правопорядок, снижает авторитет действующего законодательства.

Исходя из вышеизложенного, следует, что для определения особенностей осуществления правотворческой деятельности государством в чрезвычайных

---

[1] Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Ст.1 // Собрание законодательства РФ. 26.12.1994. № 35. ст. 3648.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) ст.1129 // Собрание законодательства РФ", 03.12.2001, N 49, ст. 4552.

[3] Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 N 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства РФ. 04.06.2001. № 23. ст. 2277.

[4] Распоряжение Правительства РФ от 11.02.2021 № 312-р «Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 22.02.2021. № 8 (часть II). ст. 1398.

условиях следует, во-первых, установить признаки чрезвычайности, влияющие на рассматриваемый вид юридической деятельности и служащие основанием для применения специальных юридических норм. Во-вторых, установить необходимость (или отсутствие таковой) нарушения обычного порядка правотворчества при возникновении чрезвычайных ситуаций.

В связи с отсутствием в российской науке понимания характеристик чрезвычайности обратимся к трудам западноевропейских исследователей. В них данные характеристики подразделяются на качественные и количественные. В числе качественных характеристик выделяется неотвратимость событий и обстоятельств, в которых чрезвычайность проявляется [4] наличие угрозы для граждан, государственных институтов и окружающей среды, которой невозможно противостоять традиционными мерами; срочность (непостоянство); масштаб [5, с. 7, 37]. В количественном аспекте речь идет о нанесении значительного ущерба большому количеству лиц или окружающей среде. Количественные критерии число жертв и объем материального ущерба используются и в российском законодательстве, но только для подразделения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера на локальные, муниципальные, межмуниципальные, региональные, межрегиональные и федеральные[1].

Сравнительно-правовой анализ понятий «чрезвычайность», в трактовке западноевропейской науки и «чрезвычайная ситуация», используемое в отечественных исследованиях [6, с. 5, 6] и законодательстве, позволяет прийти к выводу об их идентичном синонимичном понимании и применении в широком значении.

В рамках предмета данного исследования нами предлагается разделение чрезвычайных ситуаций на следующие виды: чрезвычайные ситуации, не требующие введения чрезвычайного правового режима, то есть которые могут быть урегулированы обычным порядком, уставленным в законодательстве. Особенно это касается чрезвычайных ситуаций локального и регионального характера, связанных с географическим положением и природно-климатическими особенностями региона, например, разливы рек, повышенная пожароопасность, сейсмическая опасность.

Подобного рода чрезвычайные ситуации современная наука может прогнозировать с высокой степенью вероятности. Их не типичность, но повторяемость и высокий уровень прогнозируемости на данном этапе научно-технологического развития даёт основания для принятия специальных законов и подзаконных актов для урегулирования подобных обстоятельств, установления системы мер для предотвращения или минимизации ущерба от их наступления. Примером такого акта может служить постановление Правительства РФ о чрезвычайных ситуациях в лесах, вследствие возникновения лесных пожаров[2].

Значимость такого рода актов состоит в том, что они определяют правовые действия компетентных органов в чрезвычайных условиях и не нарушают установленного правового порядка. Поскольку не любое деяние властного лица можно

[1] Постановление Правительства РФ от 21.05.2007 № 304 (ред. от 20.12.2019) «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства РФ", 28.05.2007, N 22, ст. 2640.

[2] Постановление Правительства РФ от 17.05.2011 N 376 (ред. от 11.06.2016) «О чрезвычайных ситуациях в лесах, возникших вследствие лесных пожаров» (вместе с "Правилами введения чрезвычайных ситуаций в лесах, возникших вследствие лесных пожаров, и взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления в условиях таких чрезвычайных ситуаций") // Собрание законодательства РФ. 23.05.2011. № 21. ст. 2971.

считать правовым. Так, сложно согласиться с Т. Н. Шмидт, которая относит опричнину Ивана Грозного к чрезвычайному правовому регулированию [7, с. 18].

В условиях правового государства необходимо прогнозировать возможное наступление чрезвычайных ситуаций, связанных с обстоятельствами как природного, техногенного характера, так социальными конфликтами и катаклизмами (войны, террористические акты, несанкционированные выступления и пр.) и обеспечить соответствующую правовую регламентацию деятельности органов власти и населения в данных ситуациях [8, с. 144, 145].

Вторая группа чрезвычайных ситуаций включает те обстоятельства, которые приближаются к понятию исключительности, то есть крайней степени обострения чрезвычайности. Речь идет как о ситуациях, которые невозможно спрогнозировать в силу их новизны, неожиданности и редкости. Кроме того, к исключительным, как представляется, следует относить чрезвычайные ситуации, отличающиеся высокой разрушительной силой, огромными масштабами ущерба и жертв. В подобных ситуациях требуется введение одного из чрезвычайных правовых режимов. К примеру, режим военного положения или осадного положения. Подобного рода режимы также нуждаются в юридической регламентации, но предполагают делегирование полномочий, в том числе и правотворческих чрезвычайным органам управления и временное расширение компетенции конституционных органов власти.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что наступление чрезвычайных ситуаций не является основанием для выхода за пределы права и отказа от использования действующего законодательства, так как принятие неправовых решений может дать только временный эффект преодоления чрезвычайной ситуации. При этом возникают серьезные проблемы, связанные со снижением авторитета права и государства, что может привести к более глубокому и разрушительному социальному кризису [6, с. 22, 23]. Для минимизации негативных последствий чрезвычайных ситуаций следует активизировать прогностическую функцию государства при осуществлении правотворческой деятельности и сформировать специальный институт, включающий нормативно-правовые акты, обеспечивающие защиту граждан, государственных институтов и окружающей среды от негативных последствий чрезвычайных ситуаций и позволяющий принимать соответствующие властные меры оперативного реагирования в пределах действующего законодательства.

Список источников

1. Поленина С. В. Законотворчество в Российской Федерации. М., 1996. 145 с.

2. Правотворчество в СССР / Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. Под редакцией профессора А. В. Мицкевича. М.: Юридическая литература, 1974. 318 с.

3. Научные основы советского правотворчества / Академия наук СССР. Институт государства и права; [О.А. Гаврилов, Н.П. Колдаева, А.С. Пиголкин, С.В. Поленина, Р.О Халфина; Ответственный редактор Р.О. Халфина]. М.: Издательство «Наука», 1981. 317 с.

4. Ferejohn J., Pasquino P. The Law of the Exception: A Typology of Emergency Powers // International Journal of Constitutional Law. 2004. № 2. P. 210–239.

5. Lazar N. States of Emergency in Liberal Democracies. USA: Cambridge University Press, 2009. 190 p.

6. Старостин С. А. Чрезвычайное положение: монография. М.: Проспект, 2019. 78 с.

7. Шмидт Т. Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование. Дисс. … кандидата юрид. наук. Барнаул, 2014. 191с.

8. Шатковская Т. В., Епифанова Т. В., Вовченко Н. Г. Трансформация структуры механизма правового регулирования в условиях цифровой экономики // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 142–146.

9. Шатковская Т. В., Бурмистров С. В. Теория и практика правового нигилизма в России: опыт научной экспликации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 4. С. 15–24.

References

1. Polenina S. V. Lawmaking in the Russian Federation. Moscow; 1996. 145 p. (In Russ.)

2. Mitskevich A. V. (ed.). *Lawmaking in the USSR*. All-Union Scientific Research Institute of Soviet Legislation. Moscow: Legal literature; 1974. 318 p. (In Russ.)

3. Gavrilov O. A., Koldaeva N. P., Pigolkin A. S., Polenina S. V., Khalfina R. O. *Scientific foundations of Soviet lawmaking.* Khalfina R.O. (ed.). Moscow: Publishing house "Science"; 1981. 317 p. (In Russ.)

4. Ferejohn J., Pasquino P. The Law of the Exception: A Typology of Emergency Powers. *International Journal of Constitutional Law.* 2004;(2):210–239. (In Russ.)

5. Lazar N. *States of Emergency in Liberal Democracies.* USA: Cambridge University Press; 2009. 190 p.

6. Starostin S. A. *State of emergency*. Moscow: Prospect; 2019. 78 p. (In Russ.)

7. Schmidt T. N. *Emergency legal regulation: general theoretical research.* Diss. … Candidate jurid. sciences. Barnaul; 2014. 191 p. (In Russ.)

8. Shatkovskaya T. V., Epifanova T. V., Vovchenko N. G. Transformation of the structure of the mechanism of legal regulation in the digital economy. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki = Problems of Economics and Legal Practice.* 2018;(3):142–146. (In Russ.)

9. Shatkovskaya T. V., Burmistrov S. V. Theory and practice of legal nihilism in Russia: the experience of scientific explication. Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = *North Caucasus Legal Vestnik*. 2019;(4):15–24. (In Russ.)

Информация об авторе

М. Р. Богатырев – декан факультета среднего профессионального образования;
аспирант.

Information about the author

M. R. Bogatyrev – dean of the faculty of secondary professional education;
graduate student

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 22.08.2021; одобрена после рецензирования 08.09.2021; принята к публикации 09.09.2021.
The article was submitted 22.08.2021; approved after reviewing 08.09.2021; accepted for publication 09.09.2021.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 106–112
North Caucasus Legal Vestnik. 2021;(3):106–112

Проблемы конституционного и международного права

Научная статья
УДК 342.4
doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-106-112

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ ВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ УРУГВАЙ

Алексей Валерьевич Шидловский

Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ, Ростов-на-Дону, Россия, szydlowski@sfedu.ru

Аннотация. В статье автором рассматриваются отдельные особенности и значение электоральной юстиции Восточной Республики Уругвай и делается вывод о том, что электоральная юстиция в Восточной Республики Уругвай основной демократии, поскольку гарантирует как законность избирательного процесса, так и политические права граждан, а органом, обеспечивающим реализацию электоральной юстиции, является Избирательный суд Уругвая. На основании исследования, автор демонстрирует, что, сам институт электоральной юстиции объективно показывает свою эффективность и рекомендуется для внедрения в Российской Федерации в виде автономной системы электоральных судов включающий федеральный электоральный суд, электоральные суды субъектов федерации, муниципальные электоральные суды и корпуса электоральных судей избирательных участков.

Ключевые слова: электоральная юстиция, электоральный суд, Уругвай, избирательное право, судебные органы, национальное право, избирательный суд, конституционное право, гуманитарное право, право референдума

Для цитирования: Шидловский А. В. Электоральная юстиция Восточной Республики Уругвай // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 106–112. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-106-112.

Problems of Constitutional and International Law

Original article

ELECTORAL JUSTICE OF THE EASTERN REPUBLIC OF URUGUAY

Alexey V. Szydlowski

OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights, Rostov-on-Don, Russia, szydlowski@sfedu.ru

Abstract. In this regard, it is quite obvious that many spheres of public relations of the modern Eastern Republic of Uruguay were formed taking into account the peculiarities of its historical development, and electoral justice is no exception. In the article, the author examines the individual features and significance of electoral justice in the Eastern Republic of Uruguay and concludes that electoral justice in the Eastern Republic of Uruguay is the main democracy, since it guarantees both the legality of the electoral process and the political rights of citizens, and the body that ensures the implementation of electoral justice is the Electoral Court of Uruguay. Meanwhile, the institution of electoral justice itself objectively shows its effectiveness and is recommended for implementation in the Russian Federation in the form of an autonomous system of electoral courts, including the Federal Electoral Court, Electoral Courts of the constituent entities of the Federation, Municipal Electoral Courts and Electoral judges corps of polling stations.

© Шидловский А. В., 2021

***Keywords**:* electoral justice, electoral court, Uruguay, suffrage, judiciary, national law, electoral court, constitutional law, humanitarian law, referendum law

For citation: Szydlowski A. V. Electoral Justice of the Eastern Republic of Uruguay. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2021;(3):106–112. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-106-112**.**

В наиболее общем понимании электоральная юстиция представляет собой специальные судебные или квазисудебные органы [1–3], предназначенные для рассмотрения и разрешения споров, связанных с избирательными кампаниями и выборами в государственные органы [4–6]. При этом электоральная юстиция включает в себя средства и механизмы, обеспечивающие соответствие закону (конституции, национальному праву, международным документам и договорам и пр.) каждого действия, процедуры и решения, связанных с избирательным процессом, а также защищающие и восстанавливающие (при необходимости) осуществление избирательных прав.

Начало процесса борьбы независимости Уругвая было положено в начале XVII века, когда территорию современного Уругвая включили как самостоятельную провинцию под названием Восточный берег – в губернаторство Ла-Плата. В 1928 г. независимость Уругвая признали Аргентина и Бразилия, а уже в 1930 г. была принята первая Конституция независимой Восточной Республики Уругвай, и было положено начало самостоятельного демократического пути, который отразился на всех без исключения сферах общественных отношений.

Электоральная юстиция в Уругвае является краеугольным камнем демократии, поскольку гарантирует как законность избирательного процесса, так и политические права граждан. Кроме того, электоральная юстиция играет основополагающую роль в непрерывном процессе демократизации и катализирует переход от использования насилия в качестве средства урегулирования политических конфликтов к использованию законных средств для достижения справедливого решения, что для Уругвая, путь которого к демократии сопровождался ожесточенной политической борьбой, является весьма актуальным.

Электоральная юстиция также позволяет эффективно разрешать политические конфликты с помощью различных правовых механизмов, гарантируя полное соблюдение закона, и позволяет процветать демократии, усиливая значение избирательных органов и совершенствуя рамки, в которых сосуществуют политические, административные и судебные институты. Иными словами, электоральная юстиция обеспечивает не только демократическую, но и социальную стабильность Уругвая.

История электоральной юстиции Уругвая начинается с 1924 года, когда для организации, правовой охраны и ведения Национального гражданского реестра Уругвая был создан независимый от других государственных органов Избирательный (электоральный) суд (Corte Electoral) [6]. Как отмечают уругвайские исследователи в области конституционного права, назначение Избирательного суда было обозначено комиссией, разработавшей соответствующий законопроект. Так, основной целью создания Избирательного суда Уругвая стало: необходимость организации, управления и координации функционирования всех избирательных органов, за счет создания суда, который в своей судебной, административной и регламентационной функции в области выборов будет иметь подлинную и широкую автономию и фактически будет высшим органом государственной

власти, аналогичным избирательной власти [4, 6]. Таким образом, первая система электоральной юстиции была создана при Избирательном суде Уругвая и была законодательно закреплена в 1924 г.

Десять лет спустя, в 1934 г. Избирательный суд Уругвая приобретает конституционный статус за счет закрепления соответствующих положений в Конституции Уругвая. Такие положения нашли отражение в новом разделе Конституции страны – «Избирательное правосудие», согласно положениям которого Избирательный суд являлся органом, осуществляющим директивное, исправительное, консультативное и экономическое управление. Таким образом, можно констатировать, что уже более 90 лет назад в Уругвае существовала явная потребность в объективном разрешении избирательных проблем и соблюдении демократических начал. И такому подходу есть разумное объяснение – выборы лежат в основе демократического процесса [7, 8].

Однако, конкурентный и политически противоречивый характер выборов и их техническая сложность делают избирательный процесс уязвимыми для злоупотреблений и мошенничества или их восприятия (даже сегодня во многих странах мира можно наблюдать проблемы на выборах).

В то же самое время именно с помощью выборов можно обеспечить легитимность власти. Однако сказанное, реализуемо, по нашему мнению, только тогда, когда пользуются полным доверием и воспринимаются как беспристрастные и справедливые. Отсюда вытекает необходимость в эффективном механизме предотвращения, смягчения или разрешения споров, которые могут возникнуть в ходе каждого избирательного процесса, и сохранять и при необходимости восстанавливать реальное равенство граждан и их представителей. Эффективная и действенная система избирательного правосудия имеет основополагающее значение для достижения этих целей, в противном случае, даже самое лучшее управление избирательным процессом может привести к недоверию к легитимности демократии.

Юрисдикционные полномочия Избирательного суда Уругвая в дальнейшем были расширены при проведении последующих конституционных реформах. Так, например, в 1952 году была определена исключительная компетенция Избирательного суда Уругвая по вопросам выборов в отношении всех выборных должностей, а в Конституции 1967 года (которая действует по настоящее время с поправками и изменениями 1989, 1994, 1997 и 2004 гг.) полномочия вышеназванного суда были еще больше расширены [5–6].

Так, согласно Конституции Уругвая 1967 года [9] Избирательный суд Уругвая имеет достаточно широкий перечень полномочий включая возможность действовать по всем вопросам, касающимся избирательных актов или процедур, осуществление директивного, дисциплинарного, консультативного и экономического надзора за избирательными органами, вынесение окончательного решения по всем апелляциям и претензиям, связанным с выборами. При этом, согласно ст. 327 Конституции Уругвая 1967 г. Избирательный суд может отменить выборы полностью или частично, причем этот шаг требует положительного голосования шести членов, трое из которых должны быть членами, избранными двумя третями голосов Генеральной Ассамблеи. В этом случае Избирательный суд должен назначить новые выборы, которые должны состояться во второе воскресенье, следующее после даты аннулирования.

Особого упоминания заслуживает реформа 1998 г., после проведения которой Избирательный суд получил дополнительные полномочия. Так, Избирательный суд рассматривает все вопросы, связанные с избирательными действиями и процедурами, связанными с внутренними выборами политических партий как для кандидатов в президенты, так и для членов собственных национальных директивных органов политических партий, которые проводятся в один и тот же день по всей стране. Избирательный суд организует эти выборы, издает правила и требования для их проведения и рассматривает все жалобы и апелляции, поданные на избирательные и партийные действия [6, 10]. Решения Избирательного суда обжалованию не подлежат.

Четкие правовые и конституционные положения имеют важное значение для защиты основных политических прав и эффективного управления выборами, особенно в странах, постоянно переживающих демократические перемены. К таким странам можно отнести и Уругвай. При этом, несмотря на то, что наличие надежной системы избирательного правосудия само по себе не гарантирует проведения свободных, справедливых и подлинных выборов, ее отсутствие может способствовать углублению или обострению конфликтов.

Поэтому конституционное закрепление электоральной юстиции в Уругвае имеет важное значение для поддержания или повышения беспристрастности, прозрачности, честности и точности выборов и учреждения, которое их проводит. Четкие стандарты и процедуры помогают уточнить обязанности Избирательного суда Уругвая по управлению выборами, свести к минимуму нарушения или путаницу со стороны заинтересованных сторон и поддержать эффективное проведение выборов, что вполне соответствует концепции и характеру электоральной юстиции.

Электоральная юстиция обеспечивает избирательное право, которое является ветвью конституционного права, и посредством которого народ, состоящий из электората, переходит к интеграции государственных органов и периодической замене представителей государственной власти, а также определении важнейших вопросов национальной политики.

Выборы – это как раз тот процесс, посредством которого граждане призваны избирать представителей власти для принятия важных решений в своих интересах в соответствии с принципом политического представительства и принятия решений по конкретным вопросам. В конституционной системе избиратели будут иметь свободный и подлинный выбор, по крайней мере, между двумя альтернативными кандидатами, а на конституционном уровне закрепляются многочисленные положения об этом процессе, начиная от общих принципов избирательного права и заканчивая процедурными правилами.

Однако индивидуальное право голоса отличается от избирательной функции, которая касается электората в целом. При этом, первое (индивидуальное право голоса) преследует индивидуальный интерес к участию в конкретном избирательном процессе, тогда как избирательная функция обеспечивает общий интерес к формированию представительных органов власти.

Отсюда выборы являются сложным явлением, поскольку они включают в себя несколько государственных органов и указывают не только на акт голосования, но и на организованный процесс, посредством которого отдаются голоса. Чтобы результаты выборов были демократическими, сам избирательный метод должен быть демократическим, а гарантия демократических выборов должна

быть обеспечена средствами электоральной юстиции, обеспечивающими электоральную справедливость.

Электоральная справедливость подразумевает то, что каждое действие, порядок и решения, связанные с избирательным процессом, осуществляются в рамках законодательно очерченных процедур, и что избирательное право защищено и может быть восстановлено в случае, если, граждане, которые считают, что их избирательные права были нарушены, могут защитить себя посредством электоральной юстиции.

Система электоральной юстиции – это совокупность средств или механизмов, имеющихся в конкретной стране для обеспечения и проверки соответствия избирательных действий, процедур и решений правовым рамкам, а также для защиты или восстановления осуществления избирательных прав. В Уругвае, как показывают результаты исследования, такая совокупность средств и механизмов закреплена нормами Конституции Уругвая 1967 г. и является ключевым инструментом верховенства права и конечной гарантией соблюдения демократического принципа проведения свободных, справедливых и подлинных выборов.

Важнейшей целью системы электоральной юстиции в Уругвае, является эффективная защита права человека, а также непосредственное участие в процессе и процедуре прямой демократии путем средства голосования. При этом, если какое-либо действие, процедура или решение, связанное с избирательным процессом, не соответствует положениям закона, оно считается нарушенным. Исходя из буквального толкования положений Конституции Уругвая 1967 г., среди официальных механизмов разрешения избирательных споров можно провести различие между теми, которые носят корректирующий характер, и теми, которые носят карательный характер. К средствам электоральной юстиции, которые носят корректирующий характер необходимо относить те средства, которые аннулируют, изменяют или признают нарушение избирательного права гражданина и, в зависимости от обстоятельств, защищают или восстанавливают осуществление избирательных прав (ст. 327 и ст. 328 Конституции Уругвая 1967 года) [9].

Механизмы, носящие карательный характер, призваны выносиь наказание субъекту или лицу, ответственному за проведение выборов, например, посредством назначения дисциплинарной или административной ответственности (ст. 322 Конституции Уругвая 1967 г.) [9]. Реализация соответствующих механизмов возложена на Избирательный суд Уругвая, а конституционные полномочия, представленные такому суду, а также структурные гарантии, которыми он наделен, делают этот орган электоральной юстиции равнозначными четвертой ветви власти.

Резюмирую вышесказанное в целом можно отметить, что электоральная юстиция в Уругвае является весьма успешной и заслуживающей доверия. Кроме того, анализ научных источников показывает, что электоральная система в Уругвае является «парадигмой» для своего региона [11], что, на наш взгляд, связано как с четко очерченными нормативными рамками электоральной юстиции (являющимися следствием исторического развития страны), так и эффективностью работы и уровнем образования членов Избирательного суда Уругвая. Избирательный суд Уругвая – это прекрасный пример электоральной юстиции в демократии, которая не являются крупной, но которая приняла передовую практику. Одним из факторов, способствующих ее успеху, несомненно, является глубоко укоренившаяся политическая демократическая культура в обществе, считающимся одними

из наиболее приверженных демократическим принципам и ценностям в Латинской Америке.

Подводя итог необходимо отметить, что электоральная юстиция в Уругвае является основной демократии, поскольку гарантирует как законность избирательного процесса, так и политические права граждан, а органом, обеспечивающим реализацию электоральной юстиции, является Избирательный суд Уругвая.

Избирательный суд Уругвая применяет официальные механизмы разрешения избирательных споров, которые носят, как корректирующий характер, так и карательный характер. Однако и те, и другие конституционно закрепленные механизмы являются важным следствием исторического развития страны, которая, выйдя из под колониального гнета и использования насилия в качестве средства урегулирования политических конфликтов, перешла к использованию законных, демократических средств для достижения справедливого решения. Между тем, сам институт электоральной юстиции объективно показывает свою эффективность и рекомендуется для внедрения в Российской Федерации в виде автономной системы электоральных судов включающий федеральный электоральный суд, электоральные суды субъектов федерации, муниципальные электоральные суды и корпуса электоральных судей избирательных участков.

Список источников

1. Шидловский А. В. Органон демократии // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 407–411.

2. Шидловский А. В. Правовая природа рабочей группы избирательной комиссии // Electoral Politics. 2020. № 2 (4). С. 3.

3. Шидловский А. В. Организаторы выборов в штатах США (Вермонт, Вирджиния, Округ Колумбия) // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 4. С. 26–31.

4. Дьякова Л.В. «Этика протеста» против «этики ответственности» Чили и Уругвай – 2011 // Латинская Америка. 2012. № 5. С. 32–41.

5. Никонова Н.А. Специфика демократического транзита в Уругвае // Вестник ЗабГУ. 2011. №10. С. 82–85.

6. Современные избирательные системы. Вып. 5: Индия, Ирак, Уругвай, ЮАР / Н. Б.Шлыкова, М. А.Сапронова, А. Г. Орлов, Е. В. Черепанова; науч. ред. А. В. Иванченко, В. И. Лафитский. М.: РЦОИТ, 2010. 496 с.

7. Варшавский А. Ю. Институциональные основы внутрипартийных коалиций в президентских системах: пример Уругвая // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2019. № 4. С. 673–686.

8. Ивановский З. В. Конституционные реформы в Латинской Америке и их политические последствия (конец XX начало XXI в.) // PolitBook. 2014. № 1. С. 111–140.

9. Uruguay's Constitution of 1966, Reinstated in 1985, with Amendments through 2004. English Translation © 2012 by William S. Hein & Co., Inc. All rights reserved. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.constituteproject.org/constitution/Uruguay_2004.pdf?lang=en (дата обращения 17.06.2021 г.)

10. Харитонова О. Г. Президентство и демократия: состояние дискуссии // Политическая наука. 2012. № 3. С. 199–213.

11. Navatta, Carlos. (2007). El régimen electoral uruguayo. Revista de Derecho Electoral. 4. P. 1-14.

References

1. Shidlovsky A. V. Organon of Democracy. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal = Baltic Humanitarian Journal.* 2019;8.(4(29)):407–411. (In Russ.)

2. Shidlovsky A. V. Legal nature of the working group of the election commission. *Electoral Politics.* 2020;2(4):3. (In Russ.)

3. Shidlovsky A. V. State election organizers (Vermont, Virginia, D.C.). *Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i praktika = Election law and practice*. 2019;(4):26–31. (In Russ.)

4. Diakova L. V. "Ethics of protest" against the "ethics of responsibility" Chile and Uruguay – 2011. Latinskaja Amerika. *Latinskaja Amerika = Latin America*. 2012;(5):32–41. (In Russ.)

5. Nikonova N. A. Specifics of democratic transit in Uruguay. *Vestnik ZabGU = Bulletin of Transbaikal State University.* 2011;(10):82–85. (In Russ.)

6. Shlykova N. B., Sapronova M. A., Orlov A. G., Cherepanova E. V. *Modern electoral systems. Out. 5: India, Iraq, Uruguay, South Africa*; Ivanchenko A. V., Lafitsky V. I. (eds.). Moscow; 2010. 496 p. (In Russ.)

7. Varshavskij A. Ju. Institutional foundations of internal party coalitions in presidential systems: an example of Uruguay. *Vestnik RUDN. Serija: Politologija = RUDN Journal of Political Science*. 2019;(4):673–686. (In Russ.)

8. Ivanovskij Z. V. Constitutional reforms in Latin America and their political consequences (late XX beginning of the XXI century). *PolitBook.* 2014;(1):111–140. (In Russ.)

9. Uruguay's Constitution of 1966, Reinstated in 1985, with Amendments through 2004. English Translation © 2012 by William S. Hein & Co., Inc. All rights reserved. Available from: https://www.constituteproject.org/constitution/Uruguay_2004.pdf?lang=en [Accessed 17 June 2021]

10. Kharitonova O. G. Presidency and Democracy: State of Discussion. *Politicheskaja nauka = Political Science.* 2012;(3):199–213. (In Russ.)

11. Navatta, Carlos. (2007). El régimen electoral uruguayo. Revista de Derecho Electoral. 4. P. 1-14.

Информация об авторе

А. В. Шидловский – электоральный эксперт в реестре международных наблюдателей ОБСЕ.

Information about the author

A. V. Szydlowski – Electoral expert in the register of international observers of the OSCE/ODIHR

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.06.2021; одобрена после рецензирования 17.07.2021; принята к публикации 19.07.2021.

The article was submitted 25.06.2021; approved after reviewing 17.07.2021; accepted for publication 19.07.2021.

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 113–122
North Caucasus Legal Vestnik. 2021;(3):113–122

Проблемы гражданского, предпринимательского и процессуального права

Научная статья
УДК 347
doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-113-122

ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА ВОЗРАЖЕНИЙ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ СТАБИЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Николай Алексеевич Сармин[1], Денис Аркадьевич Попов[2]

[1, 2]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия
[1]sarminn@gmail.com
[2]denis8_97@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждается правовая природа института возражений в гражданском праве, его различных трактовок как в ходе исторического развития науки гражданского права, так и в рамках современного отечественного нормативно-правового регулирования и позиций цивилистической доктрины. В статье также предпринята попытка классификации возражений на отдельные виды в зависимости от содержания для достижения определенности пределов их применения.

Ключевые слова: материальные возражения, процессуальные возражения, судебная защита, юридический факт, исполнение обязательства, ограничение возражений, добросовестность, эстоппель

Для цитирования: Сармин Н. А., Попов Д. А. Значение института возражений для целей стабилизации правового положения участников гражданского оборота // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 113–122. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-113-122.

Problems of Civil, Business and Procedural Law

Original article

IMPORTANCE OF THE OPPOSITIONS INSTITUTION FOR THE PURPOSES OF LEGAL CIVIL TURNOVER PARTICIPANTS STATUS STABILIZING

Nikolay A. Sarmin[1], Denis A. Popov[2]

[1, 2]South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
[1]sarminn@gmail.com
[2]denis8_97@mail.ru

© Сармин Н. А., Попов Д. А., 2021

Abstract. The article discusses legal nature of oppositions institution in civil law – its various interpretations in the historical development of the civil law science and within the framework of modern domestic legal regulation and civil doctrine positions. The article also attempts to classify oppositions into separate types for their differentiation depending on the content for certainty within the limits of their application.

Keywords*:* material statement of defence, procedural statement of defence, judicial protection, legal fact, performance of an obligation, limitation of oppositions, good faith, estoppel

For citation: Sarmin N. A., Popov D. A. Importance of the oppositions institution for the purposes of legal civil turnover participants status stabilizing. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2021;(3):113-122. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-113-122.

Применение права зачастую обусловлено действием сложного механизма юридических институтов, в частности, регулирующих разные по своему виду и содержанию общественные отношения.

В настоящей статье мы определим правовую природу, понятие и содержание одного из институтов гражданского права - возражений.

Правовая природа исследуемого юридического института имеет богатый опыт изучения, прослеживаемый с классического периода романистики. Позиции виднейших деятелей юриспруденции различных периодов истории относительно понятия, содержания и характеристики института возражений можно назвать совпадающими [1, с. 97-98; 2, с. 194-196; 3, с. 191-196; 4, с. 167-175; 5, с. 152-155; 6, с. 95-99] за исключением позиций ученых, имеющих иное видение [7, с. 252-255; 8, с. 393-402; 9, с. 211-213].

Свое распространение институт возражений получил в римском государстве посредством утверждения в его правовой действительности формулярного процесса (*per formulas agere*). Именно с этого момента ответчик наделялся защитой против искового предписания и мог быть освобожден от ответственности с помощью появления анализируемого специфического элемента формулы. Под последним понимали «*exceptio*»[1], т.е. исковое возражение (эксцепция).

Под понятием эксцепции большинство авторов подразумевали право ответчика отклонить иск истца временно или навсегда путем ссылки на обстоятельство, способное парализовать его осуществление. Римское частное право также оперировало и производными от эксцепции механизмами, целью которых было противопоставление возражению ответчика (*replicatio*) [2, с. 195], и далее, противопоставление ответчика репликации истца (*duplicatio*)[2].

Наиболее известная и неоднозначная классификация, подробный анализ которой будет проведен далее, представляет деление возражений на материальные и процессуальные в зависимости от основания предъявления. Соответствующий критерий позволял выделять постоянные возражения (*exceptions peremtoriae)*, разрушающие право истца навсегда и относящиеся к материальным

[1] До появления «*exceptio*» существовал иной, но предельно схожий механизм учета интересов ответчика – «*praescriptio pro reo*», появившийся еще примерно во II в. до н.э., однако он был менее действенным и в дальнейшем смешивался с другими понятиями римского права [3, с. 191 – 192].

[2] Институции Гая содержат ссылку и на «*triplicatio*» (Gai., 4, 128), однако тексты, оставшиеся в распоряжении, не знают цепочек с наличием трипликации [3, с. 195].

возражениям. И временные (*exceptions dilatoriae)*, отсрочивающие осуществление права истца, т.е. процессуальные возражения [2, с. 196].

Доктрине частного права известны также и иные виды возражений. К таковым, например, следует отнести самостоятельное выделение *exceptio doli* (-*generalis*[1], -*specialis*), выдававшейся против такого истца, чье поведение признавалось заведомо недобросовестным и недопустимым образом стесняло положение ответчика [5, с. 154]. Помимо этого, Д. Франчози проводил сравнение между *exceptio* и *praescriptio* (*pro actore* – в пользу истца, *pro reo* – в пользу ответчика), отмечая сходство их содержания и функциональное назначение [6, с. 99]. Анненков К.Н. допускал деление возражений, в частности, на личные и вещные, в зависимости от круга лиц против которого они могут быть направлены [1, с. 97].

Однако в теории гражданского права встречались и иные подходы. Так, И.Е. Энгельман и Т.М. Яблочков, не изменяя самого существа института возражений, именуют их отводами. Но исследование значения и содержания отводов осуществлено авторами исключительно в процессуальном смысле – установлены основания их предъявления [7, с. 256], обязанность суда проверить *ex officio* наличие условий для отводов при рассмотрении конкретного дела [9, с. 211]. Полагаем, что подобный подход обусловлен научной специализацией авторов, посвятивших значительный период жизни исследованию именно процессуально-правовых дисциплин[2].

В немецкой доктрине гражданского права Л. Эннекцерусом дано одно из самых безупречных понятий возражений, которым присущи устойчивость и простота понимания, прозрачность[3]. Отличительной особенностью позиции указанного автора является – факт определения им понятия возражений в истинном смысле слова (Einrede). То есть возможность применения возражений не только в ситуации мотивированного отказа от исполнения притязания, но и применительно к любому направленному против ответчика праву. Ученым также представлена достаточно обширная классификация видов исследуемого института, установлен момент и условия возможности предъявления возражений, а также основания, из которых они вытекают [8, с. 394–398].

Таким образом, следует признать существование дошедшей до нас обширной научной базы в отношении института возражений. Однако особо эклектичным представляется нынешнее положение института материально-правовых возражений. Непоследовательно наличие в прошлом более определенных очертаний института, нежели чем в настоящее время. Подобное положение дел не должно нейтрально восприниматься как законодателем, так и научным сообществом, поскольку, как отмечал еще И.А. Покровский, право должно пребывать в состоянии определенности, в противном случае при применении гражданского права появляются определенные проблемы [11, с. 91–94].

---

[1] О значении самостоятельного выделения и цели, для которой служит *exceptio doli generalis* [10, с. 163].

[2] При этом стоит обратить внимание на труд Е.А. Нефедьева, который также уделял больше времени науке процессуального права, отразившего чуть ли не самым всеобъемлющим образом среди работ, выпущенных к тому моменту, сущность и содержание конструкции возражений как материально-правовой категории [10, с. 167-168].

[3] По Л. Эннекцерусу, под возражениями в истинном смысле понимается право лица воспрепятствовать путем заявления несогласия осуществлению направленного против него права [8, с. 393].

Стоит отметить отсутствие определенности в расположении института возражений в фундаментальных учебниках по гражданскому праву[1]. Поэтому целесообразно определить содержание института возражений в современном отечественном гражданском праве и отыскать причины его неоднозначного положения как в законодательстве, так и в доктрине частного права.

Цель настоящей части статьи состоит не в том, чтобы перечислить нормативные положения, декларирующие возможность использования возражений, поскольку здесь существенных трудностей возникать не должно. Например, положения Гражданского кодекса Российской Федерации[2] (*далее – Кодекс*) о государственной регистрации (ст. 8.1 Кодекса), исполнении по документарной ценной бумаге (ст. 145 Кодекса), пассивном (ст. 324 Кодекса) и активном солидаритете (ст. 326 Кодекса), поручительстве (ст. 364 Кодекса), цессии (ст. 386 Кодекса), переводе долга (ст. 392 Кодекса), субсидиарной ответственности (ст. 399 Кодекса).

В действительности, интерес в определении места возражений в механизме правового регулирования обусловлен иными соображениями.

Во-первых, в некоторых из норм права демонстрируется либо возможность предъявления возражений в определенном случае, либо ограничение их использования, о чем речь пойдет ниже. Соответственно при выявлении перечня возражений по действующему гражданскому законодательству ставить в один ряд, например, ст. 145 Кодекса со ст. 324 Кодекса не представляется верным.

Во-вторых, следует отграничивать возражения в материальном и процессуальном смыслах, так как их смешение может привести к еще большей правовой неопределенности. Необходимо руководствоваться правилом – возражения в материально-правовом смысле содержатся в нормах материального права (отсюда выводим следующий силлогизм – «не каждое возражение, основанное на нормах материального права есть возражение в материальном смысле, но каждое возражение в материальном смысле зиждется на материально-правовых нормах»).

В-третьих, необходимо точным образом установить, всегда ли можно говорить о возможности предъявления возражений в конкретном случае только при употреблении в диспозиции соответствующего правила самого термина «возражение»?

Мы без особых затруднений выводим доктринальное определение возражений из ранее приведенных трудов как цивилистической доктрины прошлого, так и настоящего времени [12, с. 166-169; 13, с. 101-103; 14, с. 28-32], однако это не заменяет отсутствие легального определения. Установление в законодательстве дефиниции возражений или формулы их фиксации могло бы решить проблемы в уяснении сущности рассматриваемого института. В частности, это привело бы к устранению путаницы между материальными и процессуальными возражениями. А в каждом конкретном случае суд точно знал, что является возражением,

[1] Приведенный вывод подтверждается при обращении к указанным работам, напр. К.Н. Анненков расположил положения о возражениях в главу «Осуществление и защита прав» [1, с. 97]; И.М. Тютрюмов не уделяет возражениям внимания, косвенно упоминая о них при изложении природы исковой давности в «Общей части» работы [19, с. 114 – 118]; не находим и вовсе ничего о возражениях у П.П. Цитовича, очевидно ввиду узкой направленности специфики конспекта лекций [20, С. 1 – 80]; такое же положение дел у Е.А. Суханова [21].

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть первая от 30.11.1994 N 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

препятствующим притязанию стороны в процессе. Отечественный правопорядок получил бы поименованный перечень материально-правовых возражений. Введение дефиниции возражений в гражданское законодательство также отражало бы признаки соответствующего института, благодаря которым появилась бы возможность свободной квалификации возражений посредством регламентации открытого поименованного перечня (*numerus apertus*).

Ранее в работе отмечалось, что Л. Эннекцерусом дано наиболее удачное определение возражений в материальном смысле ввиду широкого охвата сферы отношений, в рамках которых они могут быть применены. Остановимся подробнее на отдельных элементах определения.

Необходимо подчеркнуть, что в законодательстве дефиницию возражений хотелось бы видеть именно в ее истинном смысле (формула «право истца не возникло – прекратилось – имеет противостояние с правом ответчика»). Объяснение подобного желания кроется все в тех же возможностях широкого правового регулирования возражений. Так, в понятии, приводимом Л. Эннекцерусом, применение возражений не ограничивается одним лишь отказом от исполнения притязания контрагента, оно видится шире и позволяет охватить также преддоговорный и претензионный этапы регулирования отношений[1].

Например, подтверждением нелогичности применения категории возражений только в рамках судебного разбирательства является вполне себе реальная возможность представления возражений в ответе на претензию контрагента. В таком случае потенциальный ответчик демонстрирует предположительные действия на случай, если спор не удастся урегулировать в досудебном порядке. Точно таким же видится решение возможных проблем на этапе, предшествующем заключению договора между сторонами, если ранее между ними уже возникли обязательства, исполнение которых связано со вступлением в договорное правоотношение.

Именно поэтому представляется обоснованным не ограничивать институт возражений только лишь процессуальным характером их действия, поскольку при таком раскладе теряется сама материально-правовая природа исследуемого явления.

Но, само по себе появление легальной дефиниции не обуславливает бесповоротного устранения неопределенности в рамках применения института возражений. Так, юристы сталкиваются с конкретными конструкциями возражений, однако в диспозициях норм, ограничивающих возможность их предъявления (п. 5 ст. 166 Кодекса, ст. 324 Кодекса и др.), закреплены и другие конструкции, которые в законодательстве в самостоятельном виде не встречаются.

Таким образом, наиболее непротиворечивым выводом, свидетельствующим о рациональности закрепления в гражданском законодательстве легальной дефиниции исследуемого института, будет указание на то, что возражением в материально-правовом смысле является любая правовая конструкция, применение которой влечет последствия, соответствующие ее основополагающему

[1] Не выглядит однозначным ответ на вопрос о том, относятся ли возражения, связанные с установлением кредиторами требований в реестре после возбуждения дела о банкротстве юридического лица, к материально-правовым (ст. 71 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190).
Допущение распространения сферы применения возражений относительно претензионного этапа правоотношений сторон отмечается также М.А. Рожковой [13, с. 99-101].

признаку – воспрепятствование осуществлению направленного против лица права путем заявления несогласия с ним. Наличие же в законодательстве норм, закрепляющих отдельные виды возражений, следует толковать как необходимость специального указания о них вследствие распространенности соответствующих отношений (солидаритет, оборот ценных бумаг, динамика гражданско-правовых сделок и пр.).

Цель возражений в истинном смысле слова - воспрепятствовать осуществлению права истца, т.е. по сути, доказать ответчиком отсутствие у истца права на иск, что мы отмечали ранее и применительно к дореволюционной правовой доктрине [15, с. 4-9; 1, с. 97].

В самом деле, признание указанной цели исследуемого института позволяет наилучшим образом отграничить возражения в истинном смысле (заявление ответчика, препятствующее дальнейшей возможности рассмотрения соответствующего дела) от возражений, хоть и основанных на нормах материального права, но служащих отзывом стороны на основание иска (заявление ответчика о необходимости снижения неустойки ввиду ее несоразмерности последствиям нарушения обязательства).

Переходя к вопросу о моменте предъявления возражений отметим, что ответ на него также требует некоторых классификационных действий. Выше было выдвинуто предположение, что возражения в истинном смысле вряд ли стоит ограничивать лишь сферой гражданского судопроизводства. Добропорядочные контрагенты ничего не потеряют от предъявленных против их права требования возражений на этапе досудебного урегулирования спора. Именно по этой причине следует определить, что подобные возражения вне зависимости от сферы их применения возникают в момент совершения истцом действий, влекущих возможность их предъявления[1]. Однако в случае с возражениями, предъявляемыми на преддоговорном этапе, момент их возникновения и заявления совпадает. Что же касается претензионного и судопроизводственного этапов, то моментом предъявления возражений будут совершение истцом активных действий, связанных с инициацией процедуры досудебного урегулирования спора и судебного разбирательства соответственно.

Останавливаясь на анализе возражений, предъявляемых в рамках судебного процесса, основным тезисом, пронизывающим всю совокупность соответствующих знаний, выступает обязательность действий ответчика, связанных с предъявлением возражений.

Необходимость учета приведенного правила мотивирована прежде всего тем, что в нынешнее время отечественный суд окончательно утратил какие-либо инквизиционно-следственные начала, о чем свидетельствует, в частности, диспозиция ст. 13 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации[2] [16, с. 351; 17, с. 195–263; 18, с. 281–282]. Нахождение современным судом судебной истины ярким образом отражает редуцирование целей и задач гражданского судопроизводства. Иными словами – при отсутствии заявления ответчика

[1] Например, включение контрагентом в содержание соглашения условий, которые влекут его недействительность, порождает само возникновение соответствующего возражения, однако момент возможности предъявления последнего будет иным, зависящим от активных действий контрагента – истца.

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ // СЗ РФ. 2202. № 46. Ст. 4532.

о наличии соответствующего возражения, препятствующего продолжению самого процесса, решение может быть вынесено судом в пользу истца, у которого отсутствовало право на иск[1].

Представляется, что в большинстве случаев куда более действенным было бы возложить на суд обязанность в отдельном (предварительном) заседании *ex officio* определять наличность оснований, свидетельствующих об отсутствии у истца права на иск. К подобному решению пришли в Австрийском уставе гражданского судопроизводства 1895 г. [7, с. 254] и Гражданском кассационном департаменте Правительствующего Сената (Решение 1908 г. по делу № 32) [15, с. 1], однако отечественный правопорядок и по сей день указанный порядок не предусматривает.

Что же касается действия возражений по кругу лиц, оно характеризуется возможностью их предъявления лицами, в первую очередь, являющимися сторонами договорного правоотношения. Следовательно, с переходом прав от одного лица к другому к последнему переходит и право предъявления материального возражения в случае такой необходимости.

В трудах К.Н. Анненкова, однако, встречается ограничение перехода соответствующих возражений при наследовании в случае, когда они основываются на личных обязательственных связях наследодателя и его контрагента [1, с. 97]. Думается, подобное решение вряд ли можно считать положительным, поскольку в отсутствии возможности предъявления возражений наследники могут лишиться той имущественной базы, которой наследодатель распорядился в пользу своих правопреемников в расчете на улучшение их имущественного положения. Впрочем, при поисках в современном гражданском законодательстве не было найдено конкретного состава ограничения возражений, основанных на обязательственных отношениях, носящих личный характер. Однако ранее уже было выяснено, что более благоприятным видится тот правопорядок, в котором не все возражения в истинном смысле должны быть в обязательном порядке законодательно декларированы.

Что касается погашения возражений, то представляется последовательным признать единственным универсальным способом их предъявление. Названный способ выступает универсальным. Само собой в отдельных случаях погашать возражения будет и надлежащее исполнение обязательства, и соглашение сторон, и ликвидация контрагента, и другие способы, однако все они требуют не только отдельной проработки, но и осознания невозможности их применения ко всем ситуациям.

В заключение следует также установить допустимость отказа от возражений на этапе заключения договора. Вероятнее всего, в том случае, если контрагент скрыл от другой стороны договора включение указанного условия, то его действия следует признать недобросовестными с вытекающими из этого последствиями, а соответствующему условию следует придать статус *contra proferentem*. Однако содержание динамики отношений, при которой стороны хозяйственного обязательства действуют в рамках определенного правила договора, декларирующего отказ от возражений при наступлении того или иного условия, представляется требующим дополнительных размышлений.

[1] Диспозиции п.п. 1, 2 ст. 199 Кодекса прямо подтверждают сделанный вывод.

В завершение отметим, что институт возражений в целом служит цели не дать лицу, осведомленному об отсутствии у его притязаний надлежащего правового основания, осуществить право во вред ответчику.

Таким образом, правопорядок предоставляет участникам гражданского оборота еще один механизм, запуск которого способствует удовлетворению одной из основополагающих целей права – справедливости. В случае же, когда лицо пытается воспользоваться институтом возражений недобросовестно, правопорядок вновь наделяет подверженного несправедливому результату субъекта защитой, ограничивая возможность предъявления соответствующих возражений. В результате чего – механизм действия института возражений весьма ярким образом демонстрирует назначение гражданского права, проявляющееся в сбалансированном учете интересов сторон правоотношения.

Список источников

1. Анненков К.Н. Начала русского гражданского права. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. 250 с.

2. Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права. М.: Зерцало, 2003. 497 с.

3. Дождев Д.В. Римское частное право. М.: ИНФРА М – НОРМА, 1996. 697 с.

4. Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. М.: Тип. Московского Императорского ун-та, 1908. 404 с.

5. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права: учебник / Под общ. ред. Д.В. Дождева. М.: Норма, 2007. 463 с.

6. Франчози Дж. Институциональный курс римского права / Под ред. Л.Л. Кофанова. М.: Статут, 2004. 403 с.

7. Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства. Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1912. 647 с.

8. Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права / Под общ.ред. и с предисл. Д.М. Генкина, И.Б. Новицкого. М.: Изд-во иностр. лит., 1950. 422 с.

9. Яблочков Т.М. Учебник русского гражданского судопроизводства. Ярославль: Книгоизд-во И.К. Гассанова, 1912. 336 с.

10. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 163–205.

11. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. 353 с.

12. Груздев В.В. Гражданско-правовые возражения обязанного лица // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 389. С. 166–172.

13. Рожкова М.А. Возражения (процессуальный и материальный аспекты) // Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. 2002. № 6. С. 101–110.

14. Ширвиндт А.М. Ссылка на ничтожность сделки как злоупотребление правом. Изобретение судов, закрепленное в законе // Арбитражная практика. 2015. № 7. С. 24 – 41.

15. Гордон В.М. Отсутствие права на иск. Харьков: Тип. Печатник, 1912. 18 с.

16. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. Т. 1. М., 1913. 704 с.

17. Муллов П. А. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1 // Журнал гражданского и уголовного права: Сентябрь и октябрь. 1874. С. 195 – 263.

18. Яблочков Т.М. К учению об основных принципах гражданского процесса. Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Г.Ф. Шершеневича / Под ред. Т.М. Яблочкова. М., 1915. 506 с.

19. Тютрюмов И.М. Гражданское право. Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1922. 543 с.

20. Цитович П.П. Русское гражданское право: конспект лекций. К.: Тип. И.И. Чоколова, 1894. 80 с.

21. Российское гражданское право: Учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть / Под ред. Е.А. Суханова. М.: Статут, 2011. 958 с.

References

1. Annenkov K. N. *The beginning of Russian civil law.* St. Petersburg; 1900. 250 p. (In Russ.)

2. Grimm D. D. *Lectures on the dogma of Roman law.* Moscow: Zerzalo; 2003. 497 p. (In Russ.)

3. Dozhdev D. V. *Roman private law.* Moscow: INFRA M – NORMA; 1996. 697 p. (In Russ.)

4. Nefedyev E. A. *Textbook of Russian civil proceedings.* Moscow; 1908. 404 p. (In Russ.)

5. Sanfilippo C. *Course in Roman private law: textbook.* ciety. Dozhdev D. V. (ed.). Moscow: Norma; 2007. 463 p. (In Russ.)

6. Francosi J. *Institutional Course in Roman Law*. Kofanova L. L. (ed.). Moscow: Statute; 2004. 403 p. (In Russ.)

7. Engelman I.E. *Course of Russian civil proceedings*. Yuryev; 1912. 647 p. (In Russ.)

8. Ennectserus L. *Course of German Civil Law.* Genkina D.M., Novitsky I.B. (eds.). Moscow; 1950. 422 p. (In Russ.)

9. Yablochkov T.M. *Textbook of Russian civil proceedings.* Yaroslavl: Book publishing house I.K. Gassanova; 1912. 336 p. (In Russ.)

10. Novitsky I. B. The principle of good conscience in the draft law of obligation. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Review.* 2006;(1):163-205. (In Russ.)

11. Pokrovsky I. A. *The main problems of civil law.* Moscow: Statute; 2013. 353 p. (In Russ.)

12. Gruzdev V. V. Civil legal objections of an obligated person. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal of Law*. 2014;(389):166–172. (In Russ.)

13. Rozhkova M. A. Objections (procedural and material aspects). *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo suda Rossijskoj Federacii = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2002;(6):101-110. (In Russ.)

14. Shirvindt A. M. Reference to the nullity of the transaction as abuse of law. Invention of courts, enshrined in the law. *Arbitrazhnaja praktika = Arbitration practice*. 2015;(7):24–41. (In Russ.)

15. Gordon V. M. *Lack of right to claim.* Kharkov; 1912. 18 p. (In Russ.)

16. Vaskovsky E. V. *Course of civil process*. Vol. 1. Moscow; 1913. 704 p. (In Russ.)

17. Mullov P. A. Course of civil proceedings. T. 1. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava: Sentjabr' i oktjabr' = Journal of Civil and Criminal Law: September and October.* 1874:195–263. (In Russ.)

18. Yablochkov T. M. *To the doctrine of the basic principles of the civil process. Collection of articles on civil and commercial law. In memory of Professor G.F. Shershenevich*. Yablochkov T.M. (ed.). Moscow; 1915. 506 p. (In Russ.)

19. Tyutryumov I. M. *Civil law.* Yuryev; 1922. 543 p. (In Russ.)

20. Tsitovich P. P. *Russian Civil Law: a conception of lectures.* Kiev; 1894. 80 p. (In Russ.)

21. Sukhanov E. A.(ed.). *Russian civil law:* Textbook: in 2 vol. T. I: General part. Moscow: Statute; 2011. 958 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Н. А. Сармин – канд. юрид. наук, доц., зав. кафедрой гражданского и предпринимательского права.
Д. А. Попов – магистр права.

Information about the authors

N. A. Sarmin – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Law;
D. A. Popov – Master's Degree of Law.

***Вклад авторов**:* все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Contribution of the authors**:* the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.08.2021; одобрена после рецензирования 13.09.2021; принята к публикации 14.09.2021.

The article was submitted 29.08.2021; approved after reviewing 13.09.2021; accepted for publication 14.09.2021.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 123–130
North Caucasus Legal Vestnik. 2021;(3):123–130

Проблемы гражданского, предпринимательского и процессуального права

Научная статья
УДК 347
doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-123-130

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕМЕЙНОГО БИЗНЕСА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ И РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ольга Григорьевна Зубарева[1], Анастасия Сергеевна Дороганова[2]

[1, 2]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

[1]zybareva@yandex.ru
[2]anastasija-gold@rambler.ru

Аннотация. Законодательное закрепление и поддержка семейного бизнеса, который в большей части развивается в сфере малого и среднего предпринимательства, является одной из задач государства для улучшения уровня его экономического развития. В статье проанализированы научные подходы в отношении понятия и значения семейного бизнеса. Рассмотрены перспективы развития семейного предпринимательства в РФ и, в частности, в Ростовской области. Сделан вывод о выделении семейного предпринимательства в самостоятельный вид предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: семейный бизнес, малое предпринимательство, семейное предпринимательство, супруги, семья, семейное предприятие, семейные связи

Для цитирования: Зубарева О. Г., Дороганова А. С. Социально-экономическое развитие семейного бизнеса в период пандемии и реформирования законодательства Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 123–130. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-123-130.

Problems of Civil, Business and Procedural Law

Original article

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF FAMILY BUSINESS DURING THE PANDEMIC AND REFORM OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Olga G. Zubareva[1], Anastasia S. Doroganova[2]

[1, 2]South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

[1]zybareva@yandex.ru
[2]anastasija-gold@rambler.ru

Abstract. Legislative consolidation and support of family entrepreneurship, which is mostly developed in the field of small and medium-sized businesses, is the primary task of the state to improve the level of its economic development. This article analyzes the scientific approaches to the concept and meaning of family entrepreneurship. The legal nature of family business and the peculiarities of family entrepreneurship in the Russian Federation are revealed. The types of family entrepreneurship and the legal status of the family enter-

© Зубарева О. Г., Дороганова А. С., 2021

prise are defined. The prospects for the development of family entrepreneurship in the Russian Federation are considered and a conclusion is made about the separation of family entrepreneurship into an independent type of entrepreneurial activity.

***Keywords**:* entrepreneurship, family business, small business, family entrepreneurship, family, family enterprise, family ties, development prospects

For citation: Zubareva O. G., Doroganova A. S. Socio-economic development of family business during the pandemic and reform of the legislation of the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2021;(3):123-130. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-123-130.

Семья является древнейшим социальным институтом, а также одной из первых форм хозяйственной организации. Семейные предприятия зарождались в глубокой древности, предприимчивость людей перерастала в самостоятельное дело – предпринимательство.

На современном этапе развития, без сомнения можно отметить, что развитие и поддержка семейного бизнеса (СБ) является достаточно сложным процессом и требует применения системных подходов. Исследование и анализ различных процессов, происходящих в рамках реализации семейного предпринимательства, является одной из наиболее актуальных тем современности.

Вместе с тем, сегодня отсутствует четкое представление о том, что есть семейный бизнес, как и отсутствует общепризнанное определение этого понятия.

Анализ различных точек зрения, приводимый авторами, позволяет утверждать, что понимание семейного бизнеса разнообразно и не систематизировано [1, с. 25]. Взгляды российских ученых в данной области также не сложились пока в самостоятельную школу [2–3].

На наш взгляд, семейный бизнес – это социально-экономическая категория, означающая ведение деятельности, приносящей доход собственником бизнеса совместно с родственниками (семьей) на основании сложившихся традиций и управленческих идей, переходящих от поколения к поколению (семейное управление) [4].

Credit Suisse (CS) провел большое исследование семейного бизнеса. Его результатом стал рейтинг 900 крупнейших семейных предприятий[1]. В список попали компании, капитализация которых превышает 1 млрд долл. В нем можно найти компании, в которых не менее 20% акций принадлежат семьям. В качестве всемирно известных примеров СБ укажем, например, IKEA, LG, Samsung, BMW, Otto Group, Tetra Laval, Auchan, Estee Lauder, Ford, L'Oreal, Michelin, Sony, Woolworth, Nintendo, Pampers, Nike, Hilton, Adidas, Puma и Mars. Однако становление каждого из этих бизнесов начиналось с крохотного частного магазинчика или мастерской. Следовательно, размер компании – признак вариативный: семейный бизнес варьируется от совсем мелких предприятий до крупных корпораций, прибыль которых характеризуется миллиардами.

Семейный бизнес является основой многих стабильных экономик. Например, в Германии 90% компаний МСБ основаны родственниками. Причем 70% из них работает на экспорт[2]. Каждая пятая семья в США управляет своей семейной компанией. Япония – это страна семейного бизнеса. Там почетнее сделать харакири, чем закрыть семейный бизнес. Уникальная японская традиция передачи

[1] https://nashagazeta.ch/news/economie/20046
[2] http://blog.rudnyi.ru/ru/2012/06/semeinyi-biznes.html

семейного бизнеса не «кровным родственникам» настолько неоднозначна, что вряд ли может быть продублирована в какой-то другой культурной среде. Японцы могут оставить свой бизнес в наследство не членам своей семьи, а совершенно посторонним людям. Эта традиция называется «синдром сына-идиота»[1]. Суть ее в том, что если кто-то из членов семьи не хочет или не может продолжать развивать бизнес, то семья усыновляет (удочеряет) кого-то из ведущих менеджеров компании. Таким наследникам может быть далеко за 40-50 лет.

Семейный бизнес обладает существенными конкурентными преимуществами в отличие от несемейных компаний, такими как [5]:

– простая организационная структура;
– мобильность;
– непрерывность ведения бизнеса, когда управление плавно переходит к следующему поколению;
– единство собственника и управляющего;
– финансовая автономия и, следовательно, низкий уровень задолженности;
– высокая скорость оборачиваемости средств;
– наличие нематериальных активов (бренд СБ, ноу-хау и т.д.);
– целенаправленное вложение средств в образование членов семьи.

Но проблема семейного бизнеса в том, что в долгосрочной перспективе он не всегда успешен. Существует много сложностей, связанных с тем, что функции собственности, управления и семьи, как правило, пересекаются, и между ними существуют менее четкие различия.

Для семьи нелегко пригласить внешних инвесторов в свою организацию или продать весь бизнес, хотя внешние инвестиции иногда могут помочь бизнесу, поскольку семья получает доступ к капиталу, ценным ноу-хау, доступ на глобальный рынок. Семьи также должны быть готовы к попыткам внешнего захвата. Семья владельцев французского люксового бренда Hermès получила тяжелый урок, когда конгломерат роскоши и моды LVMH, контролируемый Бернаром Арно, предпринял попытку контролировать Hermès. Несмотря на владение 70% акций более чем 70 членами семьи, они могли бы полностью потерять бизнес, если бы не создали холдинговую компанию, которая имела право купить любые семейные акции. Этот механизм не позволил миноритарным акционерам отказаться от несемейных инвесторов, чтобы защитить от LVMH и других пытающихся получить контроль над Hermès в будущем [6].

Вопрос управления также важен для семейного бизнеса. Семья должна решить, кто будет управлять бизнесом, и выбрать генерального директора – члена семьи или просто компаньона. Решение в этом вопросе, а значит и ключ к успеху, чаще всего заключается в реализации профессионального процесса, где потенциальные семейные навыки сравниваются со способностями лиц, не входящими в состав семьи. Часто решение данного вопроса сопровождается конфликтами из-за личных ожиданий.

Но вот относительно характеристики развития и функционирования семейного бизнеса в период пандемии можно отметить, что согласно исследованию Credit Suisse (Кредит Свисс), семейный бизнес пережил пандемию в мире лучше других компаний[2].

[1] https://beprime.ru/semejnyj-biznes-vechen/
[2] https://news.myseldon.com/ru/news/index/237730402

Считаем, что основными чертами семейного бизнеса, которые помогли им пережить в целом пандемию в мире более успешно, чем другим формам развития бизнеса, являются следующие:

Во-первых, семейные компании нацелены на долгосрочность – это одна из главных ценностей. Они выстраивают долгосрочные и крепкие отношения со своими партнерами, поставщиками и покупателями. Когда ввели карантин, то большинство семейных компаний сообщили, что их партнеры пошли на уступки. Поставщики сдвигали сроки оплаты за сырье, продукты питания. То есть между ними сформировалась цепочка отношений, похожая на родственные, дружеские, построенные на доверии. Поэтому проблемы, возникающие в период пандемии, решались только благодаря обоюдным договоренностям.

Во-вторых, семейные компании всегда стараются создать финансовую «подушку» безопасности. Обычно они не злоупотребляют заемными средствами или вообще не берут кредиты, всегда рассчитывают только на прибыль, полученную от своего бизнеса. Поэтому им не приходится отвечать по кредитным обязательствам перед банками в период снижения деловой активности, снижения доходов или при наступлении кризиса. Они готовы жертвовать сиюминутной прибылью и при этом отказываются от не всегда оправданных рисков.

Такие организации стараются создать прогнозируемый, крепкий бизнес – даже в самое сложное время, ведь это их источник дохода. Поэтому собственники семейной компании более ответственно относятся к своему делу, дорожат им, потому что создают его не для продажи, а для передачи из поколения в поколение.

В-третьих, когда в организации работают члены семьи, они точно знают, что ожидать от сотрудников. Когда человек устраивается на работу, HR-специалист читает его резюме, беседует с ним, точно не известно, сработается ли он с сотрудниками, насколько достоверна информация в его резюме. А вот о членах своей семьи вы знаете все, в том числе, на кого можно положиться, и кто будет ответственно подходить к работе. Члены семьи более предсказуемы, а значит, несут меньше рисков для бизнеса [7].

Большинство европейских государств активно стимулируют развитие семейного предпринимательства, имея обширное законодательство, регулирующее данные отношения. В некоторых странах – например, в Латвии, Узбекистане, Азербайджане, Казахстане – есть отдельный закон и форма семейного бизнеса.

Проблема России детерминирующей современный процесс развития семейного бизнеса, это отсутствие нормативно-правового регулирования данной сферы. В январе 2020 г. Минэкономразвития России подготовило и опубликовало на официальном портале нормативно-правовых актов новую версию проекта закона, вводящего понятие «семейное предприятие» в Российское законодательство (далее – Законопроект)[1].

Торгово-промышленная палата РФ тоже предложила закрепить понятие «семейное предприятие» в российском законодательстве[2]. В мае 2020 г. Торгово-промышленная палата РФ направила ряд предложений по поддержке семейного бизнеса в Общенациональный план действий по восстановлению экономики[3] –

[1] https://regulation.gov.ru/projects#npa=93234

[2] Семейный бизнес могут «узаконить». Что это изменит? Электронный ресурс URL: https://polit.ru/article/2021/03/03/familybus/

[3] Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен на заседании Правительства РФ 23 сентября 2020 г. (протокол N 36, раздел VII) N П13-60855 от 2 октября 2020 г. // Электронный ресурс URL: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/65832.html/

это подготовленный правительством России документ, который содержит широкий комплекс мероприятий по восстановлению занятости и доходов населения, росту экономики до декабря 2021 г.

Среди предложений ТПП РФ – законодательное закрепление понятия «семейного бизнеса» и введение для него специального налогового режима – «семейного патента». Более 80 % предпринимателей официально не принимают на работу своих родственников, потому что на каждого нужно оформить трудовой договор и документы по Трудовому кодексу, а их около сорока. Затем – заплатить государству все налоги и страховые взносы. Когда речь идет об одной семье, то есть зачастую об общем бюджете, это ставит под вопрос рентабельность бизнеса.

Предполагается, что семейный патент позволит снизить налоговую нагрузку на бизнес и вывести из тени членов семейного предприятия. Это будет работать следующим образом: руководитель бизнеса регистрирует компанию на патенте, указывая ее состав – от 2 до 15 человек, членов своей семьи, а налоги уплачивает одним платежом – кратно количеству участников. То есть снижается сумма обязательных взносов и исчезает необходимость заключать трудовые договоры между членами семьи.

Принятие закона о семейном предпринимательстве также позволит государству вводить целевые меры поддержки. Сейчас такой вид бизнеса не может получать адресную поддержку из-за того, что законодательно не закреплено, по каким критериям частное предприятие считать семейным.

К примеру, власти Кузбасса уже в 2020 году предоставляли семейному бизнесу адресные субсидии. Для этого пришлось на региональном уровне закрепить понятие семейного бизнеса в законодательстве. Деньги можно было потратить на возмещение части понесенных затрат на приобретение оборудования, аренду, приобретение помещений и земельных участков[1].

В законопроекте Минэкономразвития, который вводит понятие «семейное предприятие», конкретные меры поддержки такого бизнеса не прописаны. Указано лишь, что оказание поддержки семейным предприятиям может осуществляться в формах и видах, предусмотренных на федеральном, региональном и местном уровнях.

Семейный бизнес надеется на адресную поддержку в виде льготных кредитов. По крайней мере, большинство семейных предпринимателей (92 %) отмечали в опросе ТПП РФ, что не хватает специальных кредитно-финансовых продуктов.

Правительство готовится снизить ставку по льготным кредитам для малого и среднего бизнеса с 8,5 до 7 % или даже ниже, и выдать по этой ставке не менее 700 млрд рублей в 2021 году, но и это дорого, полагают эксперты. Но, микро- и малый бизнес не имеет такой доходности, чтобы быть рентабельным при ставке кредита от 7 % и выше. Нужны долгосрочные кредиты для семейного бизнеса при ставке не больше 3 %[2].

Сложность бухгалтерской отчетности и регистрации компании также сдерживает развитие семейного бизнеса.

По словам предпринимателей, на «семейный бизнес» можно было бы распространить систему самозанятых – она проще, чем ИП и другие организационно-

[1] https://1line.info/news/social/v-kuzbasse-na-podderzhku-semeynogo-biznesa-planiruyut-napravit-90-mln-rubley.html

[2] Семейный бизнес в России выделят в отдельную категорию. // Электронный ресурс URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/tax/ProsperoScope/Russian/18-02-2020.pdf

правовые формы. Самозанятым не обязательно нанимать бухгалтера, юриста, иметь специальные знания.

Система самозанятых получилась понятной для каждого. Человек без специального бухгалтерского образования может сдать отчетность. Нажал в смартфоне кнопку – и тебя видит налоговая инспекция. Если удастся построить аналогичную систему в семейном предпринимательстве – это будет серьезная помощь этому бизнесу.

Кроме этого, государство могло бы дать возможность начать семейный бизнес на налоговых условиях самозанятого, чтобы максимально упростить «вход» в бизнес: попробовал, получилось – перешел на семейный патент, а если бизнес-модель оказалась неверной, то, не неся больших финансовых потерь, вернулся в найм. Законодательство о «семейных предприятиях» позволит урегулировать вопросы раздела такого бизнеса.

Поскольку организационно-правовой формы «семейное предприятие» пока не существует, родственники, как правило, делают выбор в пользу предпринимательской деятельности без образования юридического лица, то есть выступают индивидуальными предпринимателями, а значит, с разделом бизнеса могут быть проблемы.

Много корпоративных споров возникает именно после развода. Например, муж и жена открыли онлайн-школу. Решили выбрать организационную форму в виде ИП. Таким образом, бизнес формально записан на одного члена семьи. В случае развода первый вопрос: «Как быть с бизнесом?» ИП и товарный знак поделить в России нельзя, и один из супругов после развода может остаться ни с чем.

Законодательство о семейных предприятиях могло бы прояснить этот вопрос, определив порядок раздела бизнеса в случае, когда родственные отношения прекращены – допустим, если супруги расстаются. Например, в случае отказа одного из супругов от бизнеса второй должен выплатить компенсацию. Ее размер можно определять либо экспертизой, либо договоренностью сторон.

То же самое касается решения конфликтов внутри компании. В качестве примера можно привести такую ситуацию. Например, если до недавнего времени компания могла продавать алкоголь с уставным капиталом в 500 000 рублей, сейчас заниматься таким бизнесом можно только при наличии уставного капитала в 1 млн руб. Предположим, у бизнеса возникла необходимость увеличить уставной капитал. Сделать это можно только с согласия всех учредителей. Когда один из соучредителей не дает согласия, например, из-за семейного конфликта – это ставит бизнес под угрозу.

Судьба законопроекта Минэкономразвития, который вводит понятие «семейное предприятие», пока неизвестна. Законодательное закрепление семейного предпринимательства потребует установления особенностей регулирования деятельности таких компаний, что может повлечь дополнительную нагрузку на бизнес.

Таким образом, можно отметить, что семейный бизнес является одним из наиболее перспективных направлений развития современной социально-экономической сферы.

Сегодня критериям семейного бизнеса наибольшим образом отвечает организационно-правовая форма субъектов предпринимательства – КФХ. Согласно ст.1 ФЗ №74 от 11.06.2003 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» это объединение граждан, связанных родством и (или) свойством, имеющих в общей

собственности имущество и совместно осуществляющих производственную и иную хозяйственную деятельность (производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции), основанную на их личном участии[1].

В нашем Южном федеральном округе КФХ в основном заняты выращиванием, переработкой и реализацией сельхозпродукции и рыбы. Чтобы посмотреть, как пережили КФХ непростой период пандемии, мы обратились к статистике. На сайте ФНС России количество КФХ, зарегистрированных и прекративших деятельность за период с 01.01.2020 по 01.01.2021, в Южном федеральном округе – 2799 против 2483 за этот же период 2019-2020 года. Это в целом не самые плохие показатели по России, как и в Центральном федеральном округе, там было зарегистрированно 2062 против 1980. В целом же по России цифры 14863 зарегистрированных и 16358 прекративших деятельность за период с 01.01.2020 по 01.01.2021 говорят о ситуации стагнации бизнеса в данной организационно-правовой форме. Наихудшие показатели в Северо-Кавказском федеральном округе – 2739 против 3862, Дальневосточном федеральном округе – 837 против 1143, Сибирском федеральном округе – 1767 против 1963 и Приволжском федеральном округе – 3274 против 3643[2] (табл. 1).

Таблица 1 – **Количество КФХ, зарегистрированных и прекративших деятельность**

Table 1 – Number of peasant farms registered and discontinued

РФ	14863	16358
Южный федеральный округ	2799	2483
Центральный федеральный округ	2062	1980
Северо-Кавказский федеральный округ	2739	3862
Дальневосточный федеральный округ	837	1143
Приволжский федеральный округ	3274	3643
Северо-Западный федеральный округ	697	696
Уральский федеральный округ	688	611
Сибирский федеральный округ	1767	1963

Но если внимательно проанализировать, что послужило причиной того что КФХ у нас, в Южном федеральном округе, сработали в ноль. Число открытых больше на 316 чем прекративших деятельность. Довольно странные показатели, если учесть, что это не сфера общепита, туризма, культуры, не те сферы, которые реально пострадали от локдауна. Сельское хозяйство и рыбные отрасли работали. Мы склонны думать, что, во-первых, сказывается отсутствие должного правового регулирования, льготирования, выверенных цифр кредитования. Во-вторых, возможная конфликтность между членами КФХ переходящая в разрыв родственных отношений, а затем и неминуемое прекращение производственной деятельности и отсутствие навыков выхода из конфликтных ситуаций. С этой целью необходимо создать институт, который бы обучал взаимодействию родственников, ведущих общее дело.

[1] "Собрание законодательства РФ", 16.06.2003, N 24, ст. 2249

[2] https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/regstats/

Список источников

1. Потий К.М. Отечественный опыт определения понятия «семейное предпринимательство» // Экономическая наука современной России. 2018. № 2. С. 24–34.

2. Немиленцев М. К. Ценообразование в семейном бизнесе: автореф. дис. … канд. экон. наук. СПб., 2012.

3. Плотникова И. А. Институциональное развитие семейных предприятий в сфере малого бизнеса (на примере Пензенской области) : дис. ... канд. социол. наук. Пенза, 2015.

4. Волков Д. А. Преемственность в семейном бизнесе // Инновации и инвестиции. 2015. № 12. С. 54–58

5. Кулыняк И.Я., Кошык О.В. Преимущества и недостатки семейного бизнеса // Проблемы экономики и менеджмента. 2014. № 10 (38).

6. Дуброва Л. И., Аверина А. Ю., Круглова В. В. Проблемы преемственности семейного бизнеса в мире// Электронный научный журнал «Вектор экономики». 2020. № 12.

7. Невзгодина Е. Л., Темникова Н. А. О перспективах развития института общей совместной собственности супругов // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2020. Т. 17. № 3. С. 109–112.

References

1. Potiy K. M. Home experience concept of definition “family entrepreneurship”. *Economics of Contemporary Russia*. 2018;(2):24-34. (In Russ.)

2. Nemilentsev M. K. *Pricing in the family business:* autoref. dis.... Cand. econ. sciences. St. Petersburg; 2012. (In Russ.)

3. Plotnikova I. A. *Institutional development of family enterprises in the field of small business (on the example of the Penza region)*: dis.... Candidate Sociol. sciences. Penza; 2015. (In Russ.)

4. Volkov D. A. Continuity in the family business. *Innovacii i investicii = Innovation and investment.* 2015;(12):54–58. (In Russ.)

5. Kulynyak I. Ya., Koshyk O. V. Advantages and disadvantages of family business. *Problemy jekonomiki i menedzhmenta = Problems of economy and management.* 2014;10(38). (In Russ.)

6. Dubrova L. I., Averina A. Yu., Kruglova V. V. Problems of continuity of family business in the world. *Jelektronnyj nauchnyj zhurnal «Vektor jekonomiki»= Electronic scientific journal "Vector of Economics".* 2020;(12). (In Russ.)

7. Nevzgodina E. L., Temnikova N. A. On the prospects for the development of the institute of common joint property of spouses. *Vestnik OmGU. Serija. Pravo = Herald of Omsk University. Series «Law»*. 2020;(3):109–112. (In Russ.)

Информация об авторах

О. Г. Зубарева – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского и предпринимательского права.
А. С. Дороганова – магистрант.

Information about the authors

O. G. Zubareva – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Law;
A. S. Doroganova – Undergraduate.

***Вклад авторов**:* все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Contribution of the authors**:* the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.09.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 18.09.2021.
The article was submitted 01.09.2021; approved after reviewing 15.09.2021; accepted for publication 18.09.2021.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 131–138
North Caucasus Legal Vestnik. 2021;(3):131–138

Проблемы гражданского, предпринимательского и процессуального права

Научная статья
УДК 347.451.41
doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-131-138

ДИСТАНЦИОННОЕ НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМОСТЬЮ: ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА

Юлия Александровна Тымчук
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, tymchuk@volsu.ru

Аннотация. В настоящей статье исследуется сущность нотариального действия по удостоверению трансграничных сделок с недвижимостью двумя и более нотариусами различных государств, то есть в дистанционном формате без необходимости одновременного присутствия всех сторон сделки в одной нотариальной конторе в момент его совершения. На основе проведенного анализа доктринальных и нормативных источников выявлены признаки удаленного и дистанционного нотариальных действий, определено их соотношение с нотариальным действием, совершаемым в электронной форме. Сформулированы авторские определения таких понятий, как «удаленное нотариальное действие», «дистанционное нотариальное действие», «дистанционное нотариальное удостоверение трансграничных сделок с недвижимостью».

Ключевые слова: удаленное нотариальное действие, дистанционное нотариальное действие, трансграничный оборот недвижимости, трансграничные сделки с недвижимостью, дистанционное нотариальное удостоверение, электронный документ, электронная цифровая подпись, трансграничный информационный обмен

Для цитирования: Тымчук Ю. А. Дистанционное нотариальное удостоверение трансграничных сделок с недвижимостью: вопросы формирования понятийно-категориального аппарата // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 131–138. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-131-138.

Problems of Civil, Business and Procedural Law

Original article

DISTANCE NOTARY CERTIFICATE OF CROSS-BORDER REAL ESTATE TRANSACTIONS: ISSUES OF FORMATION OF THE CONCEPT-CATEGORICAL APPARATUS

Yulia A. Tymchuk
Volgograd State University, Volgograd, Russia, tymchuk@volsu.ru

Abstract. This article examines the essence of notarial action to certify cross-border real estate transactions by two or more notaries of different states, that is, in a distance format without the need for the simultaneous presence of all parties to the transaction in one notary office at the time of its execution. Based on the analysis of doctrinal and regulatory sources, the signs of remote and distance notarial actions were

© Тымчук Ю. А., 2021

identified, their relationship with notarial actions performed in electronic form was determined. The author's definitions of such concepts as «remote notarial action», «distance notarial action», «distance notarial certificate of cross-border real estate transactions» are formulated.

***Keywords**:* remote notarial action, distance notarial action, cross-border turn of the real estate, cross-border transactions with the real estate, distance notarial certificate, electronic document, digital signature, cross-border information exchange

For citation: Tymchuk Yu. A. Distance notary certificate of cross-border real estate transactions: issues of formation of the concept-categorical apparatus. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2021;(3):131-138. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-131-138.

Современные процессы цифровизации национального и международного гражданского оборота недвижимости на фоне весомой роли нотариуса в нем в странах латинского нотариата предопределяют внедрение в практическую нотариальную деятельность различных цифровых инструментов, направленных как на автоматизацию процессов при совершении нотариальных действий, так и на совершении последних в новых форматах. В частности, речь идет об удаленном и дистанционном порядке совершения нотариальных действий. Наличие подобного цифрового элемента при совершении традиционных нотариальных действий, в частности, таких как нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью, в том числе осложненных иностранным элементом, обусловливает, на наш взгляд, объективную потребность в их теоретическом осмыслении посредством проведения правовых исследований, направленных на разработку понятийно-категориального аппарата.

В доктрине международного частного права такие категории как «внешнеэкономическая сделка» [1, с. 38], «внешнеторговая сделка» [2, с. 446], несмотря на свою дискуссионность, являются достаточно разработанными.

В научной литературе также возможно обнаружить множество определений понятий: «обязательное нотариальное удостоверение сделок» [3, с. 44], «нотариальное удостоверение сделок с земельными долями» [4, с. 7] и пр.

Вместе с тем, представляется, что в юридической доктрине электронной составляющей отдельных нотариальных действий и в особенности теоретической разработке соответствующих новым реалиям понятий, в том числе в контексте трансграничного оборота недвижимости, уделяется недостаточно внимания.

В связи с этим, прежде чем перейти к рассмотрению вопросов, непосредственно относящихся к заявленной проблематике настоящей статьи, целесообразным видится выявление сущности таких понятий, как удаленное и дистанционное нотариальное действие с последующим их разграничением.

Так, в связи с принятием Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 480-ФЗ) возможно прийти к выводу о введении в правовое поле таких категорий как «удаленное нотариальное действие» и «дистанционное нотариальное действие», о чем свидетельствует анализ ст. 44.2, ст. 44.3, ст. 53.1 Основ законодательства РФ о нотариате (далее – Основы).

Анализ отечественного законодательства позволяет выявить признаки удаленного нотариального действия. В частности, в ст. 44.3 Основ содержится

указание на ключевое отличие такого формата совершения нотариальных действий от традиционного, а именно без личной явки к нотариусу обратившегося лица. При этом, от заинтересованного лица потребуется выполнение ряда технических и иных требований (например, наличие усиленной квалифицированной электронной подписи, подтвержденной регистрации на портале Госуслуг, использование личного кабинета ФНП для подачи заявки, оплата нотариального действия). Кроме того, статья ограничивает круг нотариальных действий, которые допустимо (в силу отсутствия необходимости в установлении волеизъявления) совершать удаленно.

Практически идентичные подходы к сущности удаленного нотариального действия возможно обнаружить при анализе законодательства Франции. Например, в числе наиболее распространенных нотариальных действий – удаленное оформление доверенности в электронном виде. Так, согласно ст. 20-1 Постановлению № 71-941 от 26 ноября 1971 г. «О нотариальных актах» действующий нотариус может оформить доверенность в электронном виде, в отсутствие одной или нескольких сторон этого акта. Обмен и сбор необходимой информации осуществляются в порядке, утвержденном Высшим нотариальным советом, с помощью системы обработки информации, гарантирующей идентификацию сторон, целостность и конфиденциальность содержания[1].

Вместе с тем, полагаем, что данных характеристик недостаточно для того, чтобы сформулировать определение понятия «удаленное нотариальное действие». Кроме того, следует учитывать и имеющееся многообразие подходов к определению сущности нотариального действия.

Представляется, что под удаленным нотариальным действием возможно понимать отнесенное законодательством о нотариальной деятельности юридически значимое действие, совершаемое нотариусом или уполномоченным должностным лицом без установления волеизъявления и без личной явки обратившегося с соблюдением специального порядка посредством созданных электронных сервисов лица, результатом совершения которого является изготовленный в сроки, указанные в законе, нотариальный акт в виде электронного документа.

На наш взгляд, удаленное нотариальное действие является частным случаем и разновидностью нотариального действия, совершаемого в электронной форме. Определение последнего возможно обнаружить в ст. 2 Модельного закона СНГ «О совершении нотариальных действий в электронной форме при трансграничном информационном обмене»[2], согласно которой «нотариальные действия в электронной форме представляют собой нотариальные действия, совершаемые путем принятия, создания и использования электронных документов». Несмотря на то, что при анализе данного определения возможно обнаружить, что определяющее понятие частично повторяет определяемое, все же оно акцентирует внимание на соответствующих операциях с электронными документами, что важно для раскрытия его сущности.

---

[1] Décret n°71-941 du 26 novembre 1971 relatif aux actes établis par les notaires // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000511476/2021-05-24/ (дата обращения: 24.05.2021 г.).

[2] Модельный закон «О совершении нотариальных действий в электронной форме при трансграничном информационном обмене» (приложение к постановлению МПА СНГ от 22 ноября 2019 года № 50-15 Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств).

Рассмотрев сущность удаленного нотариального действия, перейдем к анализу понятия «дистанционное нотариальное действие».

В отечественном законодательстве положение о совершении дистанционных нотариальных действий и, в частности, нотариальном удостоверении сделок, в том числе с недвижимостью, двумя и более нотариусами было введено в Основы Законом №480-ФЗ [5, с. 15].

Так, в ст. 53.1 Основ, вступившей в силу с 29.12.2020 г., а также в принятом в развитие положений данной статьи Приказе Минюста России[1] подробно описан порядок дистанционного нотариального удостоверения сделок. Среди ключевых характеристик данного нотариального действия: отсутствие совместного присутствия сторон сделки в одной нотариальной конторе во время совершения нотариального действия, сопровождение сделки с помощью ЕИС нотариата (создание проекта сделки, обеспечение взаимодействия участников сделки и нотариусов, участвующих в удостоверении сделки средствами ЕИС с использованием видеоконференцсвязи, регистрация и пр.), использование электронных подписей (простой электронной подписи при подписании электронного документа в присутствии нотариуса с последующим подписанием сделки нотариусами усиленными КЭП), дифференцированная ответственность нотариусов, удостоверивших сделку, взимание нотариального тарифа каждым нотариусом, удостоверившим сделку.

Интересно, что на фоне пандемии COVID-19 в отдельных странах, различия между удаленным и дистанционным форматом совершения нотариальных действий были практически стерты. Например, во Франции с 04 апреля 2020 г. участники сделки с недвижимостью получили возможность подписать ее без явки в нотариальную контору, то есть фактически из дома (ст. 1 Постановления № 2020-395 от 03.04. 2020 г.[2]).

Удаленное подписание сделки с недвижимостью, как и обмен необходимой информацией, осуществляется не через общедоступные приложения, а посредством программного обеспечения для видеоконференций под названием Lifesize, ссылка на скачивание которого направляется нотариусом сторонам сделки по электронной почте[3]. Сделка считается нотариально удостоверенной, когда действующий нотариус ставит на ней свою безопасную электронную подпись.

Данные меры представляются действительно вынужденными, однако не все представители французского нотариального сообщества положительно восприняли введенную меру, сославшись на ослабление подлинности и правовой определенности нотариального действия[4].

Кроме того, в поддержку данной позиции представляется целесообразным обратить внимание на риски реализации мошеннических схем при таком способе

---

[1] Приказ Минюста России от 30.09.2020 № 222 «Об утверждении Порядка взаимодействия нотариусов с единой информационной системой нотариата при удостоверении сделки двумя и более нотариусами» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Указ № 2020-395 от 03.04.2020 г., разрешающий нотариальное удостоверение дистанционно в период чрезвычайной ситуации в области здравоохранения // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000041781728/ (дата обращения: 01.06.2021 г.).

[3] Immobilier : les signatures à distance avec votre notaire sont désormais possibles //Capital. URL: https://www.capital.fr/immobilier/immobilier-les-signatures-a-distance-avec-votre-notaire-sont-desormais-possibles-1366827 (дата обращения: 01.06.2021 г.).

[4] Immobilier: la signature à distance des actes de vente divise les notaires // URL: https://www.boursorama.com/patrimoine/actualites/immobilier-la-signature-a-distance-des-actes-de-vente-divise-les-notaires-a8133f17f8c5914cb20ded84c951242a (дата обращения: 01.06.2021 г.).

совершения сделки, в том числе посредством использования новейших технических достижений (цифровые аватары и пр.).

Соответственно, дистанционное нотариальное действие, и, в частности, такое как удостоверение сделок, в том числе с недвижимостью, возможно, как и удаленное нотариальное действие, признать разновидностью нотариального действия совершаемого в электронной форме. При этом, анализ отечественного законодательства позволяет определить дистанционное нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью как сложный гражданско-правовой фактический состав со специальной формой совершения сделок с недвижимым имуществом (нотариальная электронная форма), разновидность нотариального действия совершаемого в электронной форме нотариусом или иным уполномоченным должностным лицом, в предусмотренном законом порядке с использованием функционала специальных автоматизированных информационных систем, технических средств, включая видеоконференцсвязь, и иных взаимосвязанных электронных средств, обеспечивающих выполнение нотариусом в полном объеме возложенных на него обязанностей, а также законность, достоверность и неизменность сделки с недвижимостью.

Иного подхода придерживаются американские специалисты, которые разграничивают электронное и удаленное (дистанционное) нотариальное удостоверение (удаленное нотариальное заверение онлайн). Так, сущность электронного нотариального удостоверения (американский подход) совпадает с сущностью дистанционного нотариального удостоверения сделок (отечественный подход), поскольку предполагает подписание документов электронной подписью только в присутствии нотариуса. При этом удаленное (дистанционное) нотариальное удостоверение позволяет подписывать и нотариально заверять документы в цифровом виде и без необходимости находиться в одном помещении, здании, штате или в некоторых случаях в той же стране[1]. Несмотря на то, что нотариусам в странах англо-саксонской правовой семьи традиционно отводится второстепенная и незначительная роль в гражданском обороте недвижимости американские специалисты считают совершение сделок с недвижимостью посредством удаленного онлайн-нотариального заверения достаточно перспективным направлением.

Переходя к анализу теоретико-прикладных вопросов дистанционного нотариального удостоверения трансграничных сделок с недвижимостью, следует, прежде всего, обратить внимание на отсутствие технологической инфраструктуры, позволяющей совершать такое нотариальное действие, за пределами одного государства (в частности, в рамках таких региональных интеграционных объединений как ЕАЭС, СНГ). Вместе с тем, на уровне ЕАЭС принято положение, позволяющее осуществлять обмен электронными документами при трансграничном взаимодействии органов государственной власти государств – членов между собой и с Евразийской экономической комиссией[2].

Специально в рамках реализации политики четырех свобод в Европейском союзе нотариальным сообществом была создана система (или иначе нотариальное

---

[1] Amanda Farrell Latest states to pass remote online notarization laws // Proplogix. URL: https://www.proplogix.com/blog/remote-online-notarization-a-brief-history-and-how-its-changing-real-estate-closings/ (дата обращения: 02.06.2021 г.).

[2] Решение Коллегии Евразийской Экономической Комиссии от 28 сентября 2015 года № 125 «Об утверждении Положения об обмене электронными документами при трансграничном взаимодействии органов государственной власти государств – членов Евразийского экономического союза между собой и с Евразийской экономической комиссией» // СПС «КонсультантПлюс».

облако) EUFIDES, ориентированная на нотариальное удостоверение трансграничных сделок с недвижимостью европейскими нотариусами (к платформе присоединились нотариусы Германии, Нидерландов, Бельгии, Испании, Франции, Италии, Люксембурга). Несмотря на то, что запуск платформы был анонсирован еще в 2012 году, система продолжает совершенствоваться и в настоящее время. В качестве примера возможно привести нотариальное удостоверение договора мены недвижимости (обмен недвижимости в Ориуэле (Испания) на недвижимость в Лелистаде (Голландия), совершенное двумя нотариусами из Испании и Голландии[1]. Обмен документами и информацией по сделке осуществлялся исключительно через систему EUFIDES, текст сделки был составлен на испанском языке, к которому прилагалась адаптированная голландская версия. Сделка была подписана в нотариальной конторе в Хихоне (Испания) электронной подписью клиента, а затем нотариуса и отправлена голландскому коллеге через электронную платформу. Проверка подлинности электронной подписи испанского нотариуса была осуществлена через систему доверенной третьей стороны (платформа «Бартолус»). Вероятно, данный положительный опыт возможно воспринять и адаптировать для нужд трансграничного оборота недвижимости в таком интеграционном объединении, как ЕАЭС.

Действительно, одна из ключевых практических проблем, на которую обращают внимание представители нотариального сообщества, связана с тем, что «из-за существующих особенностей стандартов, действующих в Российской Федерации для электронных подписей и электронных документов, документы, удостоверенные в электронном виде, невозможно легализовать в обычном порядке в консульстве принимающей стороны или проставить на них апостиль» [7, с. 103]. На невозможность применения единых криптографических средств ЭЦП при трансграничном электронном обмене данными в силу императивных норм национального законодательства государств-членов обращается внимание и в соответствующей Концепции, принятой на уровне ЕАЭС[2]. Для решения этой проблемы и совершения трансграничного обмена электронными документами используется служба доверенной третьей стороны.

Кроме того, как справедливо подчеркивается некоторыми исследователями, невозможность проверки электронной цифровой подписи, а именно проверки сертификата подписи, выданного аккредитованным не в Российской Федерации, а в иностранном государстве удостоверяющим центром, не означает недействительности электронных документов по смыслу п. 1 ст. 1209 ГК РФ, если нет законодательно установленных ограничений. При этом реализовать легализационную процедуру (ст.106 Основ) все же возможно посредством проставления электронных апостилей [7, с. 14].

Таким образом, с учетом отсутствия положительного отечественного опыта дистанционного нотариального удостоверения трансграничных сделок с недвижимостью представляется возможным сформулировать следующее определение

[1] Renato Lambertus Zanardi, María De Los Reyes Sánchez Morano El proyecto EUFIDES: un proyecto de hoy para el future // Notario. ENSXXI № 45. SEPTIEMBRE - OCTUBRE 2012. URL: https://www.elnotario.es/index.php/hemeroteca/revista-45/333-el-proyecto-eufides-un-proyecto-de-hoy-para-el-futuro-0-7475781410444324 (дата обращения:03.06.2021).

[2] Решение Совета Евразийской Экономической комиссии от 18 сентября 2014 года № 73 «О Концепции использования при межгосударственном информационном взаимодействии сервисов и имеющих юридическую силу электронных документов» // СПС «КонсультантПлюс».

его понятия: нотариальное действие совершаемое нотариусами двух и более государств в соответствии с международными многосторонними и двусторонними договорами, внутренним национальным законодательством или иностранным законодательством, применимых к трансграничной сделке с недвижимостью, посредством трансграничного информационного обмена нотариальными электронными документами, подписанными электронной цифровой подписью нотариусов, и иными необходимыми электронными документами, осуществляемого с использованием национальных автоматизированных информационных систем нотариата, интегрированных с межгосударственной информационной системой нотариата, обеспечивающей реализацию безопасного информационного обмена и признание нотариальных электронных документов с помощью служб доверенной третьей стороны.

Сформулированное определение не претендует на абсолютную истину или признание его носящим исчерпывающий и бесспорный характер, поскольку мы стремились обозначить его ключевые характеристики. Между тем, с точки зрения расширения теоретических представлений о сущности рассматриваемого нотариального действия в трансграничном обороте недвижимости данное определение может быть использовано и принято в качестве ориентира для определения направлений дальнейших исследований в сфере правового регулирования дистанционного нотариального удостоверения трансграничных сделок с недвижимостью.

Список источников

1. Иншакова А. О. Вопросы квалификации внешнеэкономической сделки и правовая специфика некоторых ее видов // Legal Concept. № 2. 2015. С. 37–45.

2. Лунц Л. А. Курс международного частного права. В 3 т. Т. 1. Общая часть. М., 2002. 288 с.

3. Иншакова А. О., Чулова Ю. С. Влияние обязательной нотариальной формы для сделок с недвижимостью на стабильность гражданского оборота // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 1 (36). С.43–47.

4. Лукина В.В. Нотариальное удостоверение сделок с земельными участками : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Лукина Вероника Владимировна; [Место защиты: Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ]. Москва, 2016. 28 с.

5. Тымчук Ю.А. Нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью двумя и более нотариусами: преимущества и перспективы // Нотариус. 2020. № 4. С. 15–18.

6. Фабрикантова К.А. Удостоверение нотариальных сделок в электронной форме: вопросы правоприменения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 4 (119). С. 102–104.

7. Ренц И.Г., Филлипова О.В. Юридически значимое трансграничное взаимодействие при совершении электронных нотариальных действий // Нотариальный вестникъ. 2020. №6. С. 5–16.

References

1. Inshakova A. O. Questions of qualification of a foreign economic transaction and the first specifics of some of its types. *Legal Concept.* 2015;(2):37-45. (In Russ.)

2. Lunz L. A. *Course in Private International Law.* In 3 vol. Vol. 1. General part. Moscow; 2002. 288 p. (In Russ.)

3. Inshakova A.O., Chulova Yu. S. The influence of the mandatory notarial form for real estate transactions on the stability of civil turnover. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii = Vestnik of Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2016;1(36):43–47. (In Russ.)

4. Lukina V. V. *Notarial certificate of transactions with land plots*: autoreferat dis.... candidate of legal sciences. Moscow; 2016. 28 p. (In Russ.)

5. Tymchuk Yu. A. Notarial certificate of real estate transactions by two or more notaries: advantages and prospects. *Notarius = Notary.* 2020;(4):15–18. (In Russ.)

6. Fabrikantova K. A. Certificate of notarial transactions in electronic form: law enforcement issues. *Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2020;4(119):102–104. (In Russ.)

7. Renz I. G., Phillipova O. V. Legally significant cross-border interaction in the performance of electronic notarial actions. *Notarial'nyj vestnik# = Notary Bulletin.* 2020;(6):5-16.

Информация об авторе

Ю. А. Тымчук – старший преподаватель кафедры гражданского и международного частного права (базовой кафедры ЮНЦ РАН).

Information about the author

Yu. A. Tymchuk – senior lecturer at the Department of Civil and International Private Law (Basic Department of Southern Science Center of Russian Academy of Sciences).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.06.2021; одобрена после рецензирования 05.07.2021; принята к публикации 07.07.2021.

The article was submitted 15.06.2021; approved after reviewing 05.07.2021; accepted for publication 07.07.2021.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 139–147
North Caucasus Legal Vestnik. 2021;(3):139–147

Проблемы гражданского, предпринимательского и процессуального права

Научная статья
УДК 346.7
doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-139-147

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ САМОЗАНЯТОСТИ В ГИГНОМИКЕ

Мариетта Дамировна Шапсугова
Институт государства и права РАН, Москва, Россия, shapsugova@gmail.com

Аннотация. Цифровая трансформация затрагивает все сферы жизнедеятельности человека. Ее главными трендами выступают развитие цифровых платформ, устранение посредничества во всех сферах (peer-to-peer). В сфере труда и предпринимательства эти явления приводят к возникновению гибридных форм занятости – самозанятости, самозанятости с использованием цифровых платформ. Происходит трансформация трудовых правоотношений в правоотношения самозанятый – потребитель услуги или работы. Таким образом, из отношений исключается фигура работодателя, и на его место становится фигура потребителя. Цифровая трансформация сферы труда порождает новый тип экономики – экономика по требованию (gig-economy). Целью данной статьи является выявление основных тенденций, оказывающих влияние на цифровую трансформацию труда в самозанятость. Для реализации поставленной цели выполнено несколько исследовательских задач: определено понятие экономики по требованию, выявлены основные ее направления, оказывающие влияние на цифровую трансформацию на стыке наемного труда и предпринимательства, выделена в качестве предмета исследования сфера самозанятости как результат цифровой трансформации труда и индивидуального предпринимательства, изучен юридический и технический контур цифровой среды самозанятости.

Ключевые слова: gig-economy, экономика по требованию, цифровизация самозанятости, самозанятые, налог на профессиональный доход, искусственный интеллект, цифровизация труда, цифровые платформы, экономика совместного пользования, sharing economy

Для цитирования: Шапсугова М. Д. Цифровая трансформация самозанятости в гигномике // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 139–147. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-139-147.

Problems of Civil, Business and Procedural Law

Original article

DIGITAL TRANSFORMATION OF SELF-EMPLOYMENT IN GIGNOMICS

Marietta D. Shapsugova
The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, shapsugova@gmail.com

Abstract. Digital transformation affects all spheres of human life. Its main trends are the development of digital platforms, the elimination of mediation in all areas (peer-to-peer). In the world of work and entrepreneurship, these phenomena lead to the emergence of hybrid forms of employment – self-employment, self-employment using digital platforms.

© Шапсугова М. Д., 2021

There is a transformation of labor relations into a legal relationship between the self-employed and the consumer of a service or work. Thus, the employer figure is excluded from the relationship, and the consumer figure takes its place. The digital transformation of the world of work is giving rise to a new type of economy – the economy on demand (gig-economy). The purpose of this article is to identify the main trends affecting the digital transformation of labor into self-employment. Several research tasks were completed to achieve this goal. The concept of an on-demand economy was defined, its main directions influencing the digital transformation at the junction of hired labor and entrepreneurship were identified, the sphere of self-employment as a result of the digital transformation of labor and individual entrepreneurship was identified as a subject of research, and the legal and the technical outline of the digital self-employment environment.

***Keywords**:* gig-economy, economy-on-demand, digitalization of self-employment, self-employed, tax on professional income, artificial intelligence, big data, p2p, machine learning, digitalization of labor, digital platforms, sharing economy

For citation: Shapsugova M. D. Digital transformation of self-employment in gignomics. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2021;(3):139-147. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-139-147.

Введение

Цифровизация экономики и пандемия выступили катализаторами роста самозанятости и трансформируют модели занятости во всем мире, особенно в сфере оказания услуг посредством сети Интернет. Отмечается, что особенный рост в период локдауна показала сфера продажи одежды и обуви – выручка самозанятых выросла в 38 раз, образования – в 11 раз [1].

Экономические отношения труда, представляющие собой выполнение трудовой функции за заработную плату, трансформируются в оказание работ и услуг по требованию (work-on-demand). Этот тренд в сфере труда и занятости характеризуется термином «гигномика» (gig-economy). Отмечается появление новых форм труда (занятости), таких как, например, work-on-demand via apps (работа по запросу посредством приложений) – это работа, которая предлагается посредством мобильных приложений [2].

Указанный тренд формирует переход правовых отношений в данной сфере из области регулирования трудового права в сферу самостоятельного регулирования на стыке регулирования гражданского и предпринимательского права.

Технологии изменяют характер труда людей, давая толчок развитию «экономики свободного заработка», в рамках которой организации нанимают самостоятельно занятых работников по краткосрочным контрактам[1].

Граница между работой по найму и самозанятостью подвергается интенсивной эрозии. Об этом свидетельствует то, что во всем мире большинство самозанятых владеет фирмами с единственным работником, что побуждает к пересмотру сложившихся представлений о самозанятости и предпринимательстве [3].

Обновление механизмов трудового посредничества в связи с появлением новых технологий бросает фундаментальный вызов существующим регулятивным структурам: если в гигномике возникает принципиально новый способ организации труда, старомодное трудовое право больше не может применяться [4].

[1] Доклад Всемирного банка о мировом развитии 2019 «Изменение характера труда». Вашингтон // URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30435/211328RU.pdf?sequence=34&isAllowed=y (дата обращения 19.01.2021)

На смену полному рабочему дню приходит так называемая «работа по требованию». В связи с этим в современных зарубежных научных трудах зарождаются теории человека как услуги [4–5].

Гибкий рабочий график, работа по требованию, цифровая платформа как трудовой посредник – эти признаки все более приближают самозанятость к предпринимательству.

Мы видим целый ряд предложений, основанных на предпринимательстве и инновациях – от полного отказа от трудового законодательства до размывания существующих законов через новые, менее защищенные категории [4].

Действующее правовое регулирование самозанятости во всем мире находится в глубоком кризисе. Подтверждением этому тезису служит противоборство нескольких разнонаправленных трендов – от отказа от труда по требованию до принятия новых законов о так называемом «третьем статусе». Хотя эти предложения отличаются тем, насколько далеко необходимо отойти от существующих законов, все они разделяют фундаментальный скептицизм в отношении существующего регулирования.

С одной стороны, существующие законы могут служить сдерживающим новые бизнес-модели фактором, а с другой, – неясен ответ на вопрос, почему трудовое законодательство должно накладывать оковы на свободу предпринимательства? [4]. Фудаментальный ответ на этот вопрос состоит в определении подхода к самозанятости как к предпринимательству или как к самостоятельному виду экономической деятельности, требующему специального регулирования. В то же время следует признать, что сама по себе самозанятость стирает границу между предпринимательством и непредпринимательством.

Выделяют следующие факторы роста сегмента самозанятости, обусловленные цифровизацией: повышение цифровой грамотности населения и доступности удаленной работы благодаря Интернету, автоматизация производств, рост популярности экономики по требованию и появление онлайн-бирж услуг, а также последствия кризиса и санкций (рост безработицы, падение доходов населения), изменение потребностей работодателя (потребность в быстром поиске высококвалифицированных специалистов, оптимизации затрат), изменение потребностей работника (баланс работы и частной жизни, контроль доходов, гибкие условия труда)[1].

Роль цифровых платформ в развитии сегмента самозанятости

Зарубежными учеными отмечается, что во всех юрисдикциях с учетом специфики складывается правовое регулирование, исключающее трудовой статус работника и наделяющее цифровую платформу статусом простого посредника [4].

В то же время отдельные исследователи полагают, что необходимо выделить подход формирования промежуточного («третьего») статуса работника по требованию, согласно которому «независимый работник» будет иметь право на определенную защиту, включая права на заключение коллективных договоров и отдельные элементы социального обеспечения, в то же время на них не будут распространяться правовой режим рабочего времени и гарантии заработной платы [6].

[1] Поколение Мобайл, или что происходит с рынком труда. Исследование YouDo.com, РАЭК, РАНХиГС // URL: https://youdo.com/files/Youdo_Report-Online_Generation.pdf (дата обращения 05.02.2021)

Цифровая платформа-агрегатор[1] воплощает технократические идеи, «обесчеловечивая» работника. С другой стороны, возникают новые механизмы социальной обратной связи (отзывы на сайте о работе, рейтинги и прочее, что сегодня называют термином «экономика доверия»).

При внимательном рассмотрении можно увидеть, что цифровая платформа – это новый механизм (инструмент) обычного посредничества. Высказываются мнения, что такая организация рынка труда, называемая «цифровым феодализмом», вернет его в эпоху средневековья [8].

Отдельные исследователи обращают внимание на то, что цифровые платформы ограничивают свободу участников такой платформы как независимых предпринимателей (например, запрещается отказываться от менее оплачиваемого заказа в пользу более оплачиваемого, деактивация исполнителя в случае неоднократного отказа от неприбыльной сделки и т.д.) [9].

В зависимости от условий пользовательских соглашений, заключаемых пользователями с цифровыми платформами, не всегда участник платформы может определять цену (цену может устанавливать платформа на основе алгоритма, либо клиент, подавая заявку).

Конкуренция участников платформы может приводить к снижению стоимости услуг, что привлекательно для заказчика, но негативно отражается на стоимости рабочей силы.

Таким образом, цифровые платформы зачастую ограничивают и возможность определять цену, и право самостоятельно выбирать контрагента, что нехарактерно для предпринимательских отношений, однако вполне соответствует взаимоотношениям предпринимателя с потребителями в рамках законодательства о защите прав потребителей. В то же время, деятельность самозанятых под действие закона о защите прав потребителей не подпадает. Как правило, споры между исполнителем и заказчиком разрешаются по правилам, установленным цифровой платформой, гражданским законодательством. Вопрос о распространении законодательства о защите прав потребителей на договорные отношения самозанятых и заказчиков требует дополнительной проработки.

Одной из изучаемых проблем является сложность согласования условий выполнения работ, услуг, условий договора. Соглашаясь на одни условия, заключая контракт в рамках цифровой платформы, в действительности пользователь может столкнуться с другими.

Таким образом, решение проблемы регулирования самозанятости в гигномике лежит в поиске баланса между традиционным регулированием трудовых отношений в рамках трудового права и гражданско-правовых, и предпринимательских – в рамках гражданского и предпринимательского права.

Влияние пандемии COVID-19 на самозанятость

Пандемия коронавирусной инфекции 2020 года привела, без преувеличения, к тектоническим сдвигам в сфере занятости. Являвшаяся трендом последнего десятилетия цифровизация начала развиваться усиленными темпами.

С одной стороны рынок труда начал сужаться в силу сокращений численности работников, с другой – был осуществлен фундаментальный переход на удаленную работу. Эти процессы наложились на получившие стремительный толчок роботизацию и внедрение искусственного интеллекта, обусловленные

[1] О формировании платформенного права см.: [7]

гигиеническими и санитарными требованиями бесконтактной работы. Высвобождение рабочих мест привело к росту самозанятости.

Кроме того, пандемия COVID-19 и сопутствующая ей интенсивная цифровизация сделали возможным выбор между удаленной работой и самозанятостью.

В докладе Всемирного экономического форума выделены следующие условия трансформации рынка труда[1]:

- Ожидается дальнейшее нарастание и ускорение темпов внедрения технологий.
- Автоматизация в тандеме с коронакризисом создает двойную угрозу работникам.
- При общем количественном превосходстве созданных рабочих мест над ликвидированными, темпы прироста новых рабочих мест сокращаются, а темпы ликвидированных нарастают.
- Нарастают пробелы в навыках, которые будут востребованы в ближайшие пять лет.
- Для большинства «белых воротничков» цифровое будущее уже наступило.
- В отсутствие активных действий неравенство, вероятно, будет усугубляться двойным воздействием технологий и пандемической рецессией.
- Окно возможностей для переподготовки и повышения квалификации работников стало меньше в новом ограниченном рынке труда.
- Несмотря на текущий экономический спад, подавляющее большинство работодателей признают ценность инвестиций в человеческий капитал.
- Компаниям необходимо инвестировать в более качественные показатели человеческого и социального капитала за счет принятия экологических, социальных и управленческих показателей (ESG) в сочетании с обновленными показателями учета человеческого капитала.
- Государственный сектор должен оказывать более сильную поддержку переподготовке и повышению квалификации работников из групп риска или уволенных.

Технический и юридический контур цифровой среды самозанятости

В утвержденной Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы»[2] под цифровой экономикой понимается хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг.

Цифровая экономика реализуется в собственной экосистеме как партнерство организаций при взаимодействии принадлежащих им цифровых платформ.

Таким образом, следует отметить, что цифровизация самозанятости в России осуществляется посредством создания цифровой экосистемы. Сфера самозанятости является тем ярким примером, в котором все взаимодействие самозанятого с государством с самого момента регистрации выстраивается в цифровой среде.

---

[1] World Economic Forum. The Future of Jobs Report 2020 OCTOBER 2020 // URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2020.pdf (дата обращения 25.01.2021)

[2] Собрание законодательства РФ от 15.05.2017, № 203.

Главным элементом этой среды являются цифровые платформы (Федеральной налоговой службы, уполномоченных банков, Единого портала государственных и муниципальных услуг).

Для постановки на учет в качестве самозанятого гражданин может подать заявление через личный кабинет налогоплательщика (ч.2. ст. 5 Закона от 27.11.2018 «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»[1]), воспользоваться специальным мобильным приложением «Мой налог» (ч. 4 ст. 5 Закона от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»[2]), либо подать заявление о постановке на учет с применением усиленной квалифицированной электронной подписи кредитной организации (ч. 5 ст. 5 Федерального закона от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»[3]), а также через единый портал государственных услуг.

Также в электронной форме на базе цифровой платформы осуществляется и снятие с учета в качестве самозанятого.

Мобильное приложение «Мой налог»[4] позволяет зарегистрироваться в качестве самозанятого с мобильного телефона, формировать и отправлять отчетность, чеки, справки о доходах, отслеживать начисление налогов. Идентификация пользователя цифровой платформы осуществляется по номеру мобильного телефона, с использованием паспортных данных, ИНН.

Цифровая платформа «Мой налог» осуществляет взаимодействие и обмен данными с платформами семнадцати банков (на момент написания статьи), это означает, что между ними выстроена среда доверия идентификации субъектов.

Кроме того, при взаимодействии в цифровой среде самозанятости, ФНС использует технологии искусственного интеллекта, нейросети и big data, для обработки информации получаемой от агрегаторов, таких как, например, Яндекс, YouDo, и Профи.ру. Для взаимодействия с ними также предложена цифровая платформа. В будущем возможна постановка на учет в качестве самозанятого посредством регистрации в агрегаторе, которая будет признаваться в доверенной среде взаимодействия с ФНС.

Использование указанных технологий также позволяет успешно решать существующую проблему установления соответствия формальным признакам самозанятого, в частности, величину предельного дохода самозанятого и подтверждения отсутствия наемных работников. В решении этой проблемы также большую роль играет формирующийся технический и юридический контур доверия, а также взаимодействие различных цифровых платформ.

Так, например, самозанятые получили преференции в закупках на основании Федерального закона от 27 декабря 2019 г. N 474-ФЗ «О внесении изменений в статью 25.1 Федерального закона "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" и статью 8 Федерального закона "О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц"». ФНС может давать

[1] Собрание законодательства РФ от 03.12.2018, № 49 (часть I), ст. 7494.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Сайт ФНС «Налог на профессиональный доход» // URL: https://npd.nalog.ru/app/ (дата обращения 03.02.2021)

подтверждение статуса самозанятого путем обмена данными с цифровыми платформами, на которых эти закупки осуществляются.

О необходимости дальнейшей цифровизации взаимодействия с самозанятыми в целях автоматизации бизнеспроцессов при осуществлении микрофинансирования говорится и в Приказе Минэкономиразвития России от 09.11.2020 № 745 «Об утверждении Концепции развития государственных микрофинансовых организаций».

Выводы

В настоящей статье самозанятость рассмотрена в аспекте понятийного аппарата, закрепленного в законодательстве о налоге на профессиональный доход.

Следует отметить, что формирование доверенной среды самозанятости в России осуществляется по нескольким направлениям: создание специализированных государственных платформ, таких как платформа «Мой налог» или используемых для оказания широкого спектра государственных услуг, а также осуществление взаимодействия с цифровыми платформами банков и агрегаторов.

С одной стороны, цифровизация самозанятости имеет целью эффективное администрирование налога на профессиональный доход, вывод из тени самозанятого населения.

С другой стороны, полагаем, ее главной целью должно являться обеспечение занятости, способствующее раскрытию индивидуальных талантов человека.

Автоматизация вкупе с цифровизацией повлекут сокращение рабочих мест, поэтому необходимо создавать условия для развития самозанятости.

Неопределенность материально-правового статуса самозанятых и, на первый взгляд, сугубо теоретические проблемы их правосубъектности могут уже в самом ближайшем будущем породить вполне конкретные практические проблемы.

Бурный рост доходов самозанятых в пандемию, о котором упоминалось выше, означает, что в ближайшее время проблема правового режима сделок самозанятых встанет ребром, как и вопрос качества услуг, ими оказываемых, влекущий необходимость распространения на их деятельность закона о защите прав потребителей, а также необходимость определения их процессуального статуса.

Модель самозанятости в России находится в стадии формирования. Так, не вполне ясно, может ли самозанятый быть отнесен к субъектам предпринимательства?

Тем не менее, внесенные в законодательство о закупках изменения и сопутствующие им дискуссии говорят о трансформации статуса самозанятого с некоего уникального явления, феномена в полноценный субъект экономической деятельности.

Не менее актуален вопрос о статусе цифровой платформы-агрегатора – можно ли рассматривать ее как новую форму работодателя?

Поскольку самозанятость в России изначально была легализована как специальный режим налогообложения в виде налога на профессиональный доход, неудивительно, что основная масса научных публикаций на данную тему сделана в сфере финансового права (и его подотрасли – налогового права). Поскольку администрирование налога на профессиональный доход полностью оцифровано, тематике цифровизации самозанятости, цифровой трансформация налогового администрирования, возрастающей роли цифровых платформ в сфере финансовой деятельности в этих работах также уделено весьма существенное внимание [10]. Использование такой платформы позволяет создать доверенную среду

взаимодействия налогоплательщика-самозанятого, государственных органов, банков и других финансовых институтов, а также потребителей услуг (работ). Подтверждение личности и статуса самозанятого может осуществляться удаленно.

С другой стороны, использование технологий big data, искусственного интеллекта, нейросети и machine learning позволяет собирать и обрабатывать огромные объемы информации, недоступные обычному специалисту налоговой службы. Таким образом, указанные данные позволяют контролировать соответствие дохода самозанятого критериям, установленным законом, в части максимального размера дохода, а также отсутствие наемных работников, благодаря взаимодействию с цифровыми платформами банков, различными агрегаторами товаров, работ, услуг, базами данных об имуществе Росреестра и ГИБДД.

Однако следует отметить российскую специфику правового регулирования самозанятости. По нашему мнению, оно возникло не как программа поддержки занятости со стороны государства, а как форма борьбы с теневыми доходами граждан [11]. Такая специфика объясняет и направленность регулирования: прежде всего, возникает налоговое регулирование, и только позднее возникают вопросы правового статуса самозанятого в гражданском праве. Несколько иная ситуация складывается зарубежом, где легализация самозанятости была обусловлена борьбой с безработицей.

Список источников

1. Виноградова Е., Арутюнов А. На себе показывают: выручка самозанятых в интернете выросла в 11 раз // URL: https://iz.ru/1113938/ekaterina-vinogradova-artur-arutiunov/na-sebe-pokazyvaiut-vyruchka-samozaniatykh-v-internete-vyrosla-v-11-raz (дата обращения 29.01.2021)

2. Чесалина О. В. Работа на основе интернет-платформ (crowdwork и work-on-demand-via-apps) как вызов трудовому и социальному праву // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 52–55.

3. Bögenhold D., Klinglmair R., Kandutsch F. Solo Self-Employment, Human Capital and Hybrid Labour in the Gig Economy // Foresight and STI Governance. 2017. Vol. 11. № 4. Pp. 23–32. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.4.23.32

4. Prassl J. Humans as a service. - Oxford University Press. - 2018. [Электронный ресурс] Kindle Version (дата обращения 10.01.2020).

5. Sundararajan. A. The Sharing Economy: The End of Employment and the Rise of Crowd-Based Capitalism. – MIT Press. – 2016.

6. Harris S. & Krueger A. A proposal for modernizing labor laws for twenty first century work: the «independent worker» // Hamilton Project Discussion Paper. 2015. № 10.

7. Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт / Под общ. ред В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2021. 592 с.

8. Kaminska I. The sharing economy will go medieval on you // Financial Times. 21 May 2015.

9. Rosenblat A. & Stark L. Algorithmic labor and information asymmetries: a case study of Uber's drivers. // International Journal of Communication. 2016. № 10.

10. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики / Под ред. И.А. Цинделиани. М.: Проспект, 2019. 320 с. // [Электронный ресурс] СПС Консультант плюс (дата обращения 03.02.2021).

11. Интервью: Закон о самозанятых принят с целью их легализации, и не надо использовать его для минимизации налоговых платежей! [Интервью с К.В. Новоселовым] // Административное право. 2019. № 3. С. 37–44.

References

1. Vinogradova E., Harutyunov A. *They show on themselves: the revenue of the self-employed on the Internet has grown 11 times.* Available from: https://iz.ru/1113938/ekaterina-vinogradova-artur-arutiunov/na-sebe-pokazyvaiut-vyruchka-samozaniatykh-v-internete-vyrosla-v-11-raz [Accessed 29 January 21]. (In Russ.)

2. Chesalina O. V. Work on the basis of Internet platforms (crowdwork and work-on-demand-via-apps) as a challenge to labor and social law. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom = Labor law in Russia and abroad.* 2017;(1):52–55. (In Russ.)

3. Bögenhold D., Klinglmair R., Kandutsch F. Solo Self-Employment, Human Capital and Hybrid Labour in the Gig Economy. *Foresight and STI Governance.* 2017;11(4):23–32. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.4.23.32

4. Prassl J. *Humans as a service*. Oxford University Press; 2018. Kindle Version [Accessed 10 January 20].

5. Sundararajan. A. *The Sharing Economy: The End of Employment and the Rise of Crowd-Based Capitalism.* MIT Press. 2016.

6. Harris S. & Krueger A. A proposal for modernizing labor laws for twenty first century work: the «independent worker». *Hamilton Project Discussion Paper.* 2015(10).

7. Blazheeva V.V., Egorova M.A. (eds.) *Transformation of models of legal regulation of objects of innovative infrastructure in modern law: Russian and foreign experience.* Moscow: Prospect; 2021. 592 p. (In Russ.)

8. Kaminska I. The sharing economy will go medieval on you. *Financial Times.* 21 May 2015.

9. Rosenblat A. & Stark L. Algorithmic labor and information asymmetries: a case study of Uber's drivers. *International Journal of Communication.* 2016;(10).

10. Tsindeliani I.A. (ed.) *Financial law in the context of the development of the digital economy*. Moscow: Prospect; 2019. 320 p. Available from: Consultant plus [Accessed 3 February 21]. (In Russ.)

11. Interview: The Law on the Self-Employed was adopted in order to legalize them, and do not use it to minimize tax payments! [Interview with K.V. Novoselov]. *Administrativnoe pravo = Administrative law.* 2019;(3):37–44. (In Russ.)

Информация об авторе

М. Д. Шапсугова – канд. юрид. наук, доц., ст. научн. сотр. сектора предпринимательского и корпоративного права.

Information about the author

M. D. Shapsugova – Ph.D., Associate Professor, Senior Researcher of Business and Corporate Law Sector.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 24.08.2021; одобрена после рецензирования 08.09.2021; принята к публикации 09.09.2021.

The article was submitted 24.08.2021; approved after reviewing 08.09.2021; accepted for publication 09.09.2021.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 148–155
North Caucasus Legal Vestnik. 2021;(3):148–155

Проблемы уголовного права

Научная статья
УДК 343.15
doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-148-155

ПРИНЦИП РАВЕНСТВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Дмитрий БорисовичДмитриев[1, 2], Ольга Геннадьевна Донская[3, 4]

[1, 4]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия
[2]Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, dmitriev.sms@mail.ru
[3]Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Ростов-на-Дону, Россия, donskayaog@yandex.ru

Аннотация. В статье приведен авторский анализ уголовно-правового принципа равенства граждан перед законом с точки зрения отступления от равенства в отношении отдельных категорий преступников. Конституцией РФ в ст. 19 закреплено равенство всех граждан перед законом и судом. Конституция РФ специально закрепила гендерное равенство между мужчиной и женщиной. Такой подход российского законодательства в полной мере согласуется с международно-правовыми нормами, не допускающими дискриминацию. Нормы уголовного законодательства продублировали конституционные нормы в части равенства граждан перед законом. Однако Уголовный кодекс РФ содержит ряд отступлений от принципа равенства. Примером уголовно-правового «неравенства» в теории права обозначают особенности уголовной ответственности несовершеннолетних, особенности назначения наказания лицам пенсионного возраста, особенности назначения и исполнения уголовного наказания в отношении женщин, особенности привлечения к уголовной ответственности лиц, обладающих иммунитетом и особых категорий лиц, определенных Уголовно-процессуальным кодексом. Авторами статьи проведен сравнительный уголовно-правовой анализ положений, касающихся особенностей уголовной ответственности и наказания различных категорий лиц в контексте соблюдения принципа равенства граждан перед законом.

Ключевые слова: уголовный закон, уголовный кодекс РФ, Конституция РФ, уголовно-исполнительное право, норма, принцип, равенство граждан перед законом, законность, справедливость, женщина, мужчина, несовершеннолетний, пол, раса, социальная принадлежность, дипломатический иммунитет, уголовная ответственность, уголовное наказание, отбывание уголовного наказания

Для цитирования: Дмитриев Д. Б., Донская О. Г. Принцип равенства в уголовном праве России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 148–155. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-148-155.

Problems of Criminal Law

Original article

THE PRINCIPLE OF EQUALITY IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA

Dmitry B. Dmitriev[1, 2], Olga G. Donskaya[3, 4]

[1, 4]South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
[2]Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, dmitriev.sms@mail.ru
[3]Rostov branch of Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia, donskayaog@yandex.ru

© Дмитриев Д. Б., Донская О. Г., 2021

Abstract. The article presents the author's analysis of the criminal law principle of equality of citizens before the law from the point of view of derogation from equality in relation to certain categories of criminals. The Constitution of the Russian Federation in Article 19 establishes the equality of all citizens before the law and the court. Specifically, the Constitution of the Russian Federation has fixed gender equality between a man and a woman. This approach of Russian legislation is fully consistent with international legal norms that do not allow discrimination. The norms of criminal legislation have duplicated the Constitutional Norms regarding the equality of citizens before the law. However, the Criminal Code of the Russian Federation contains a number of deviations from the principle of equality. An example of criminal-legal "inequality" in the theory of law is the features of criminal responsibility of minors, the features of sentencing persons of retirement age, the features of assigning and executing criminal penalties against women, the features of bringing to criminal responsibility persons with immunity and special categories of persons defined by the Criminal procedure Code. The authors of the article conducted a comparative criminal law analysis of the provisions concerning the peculiarities of criminal responsibility and punishment of various categories of persons in the context of compliance with the principle of equality of citizens before the law.

Keywords*:* criminal law, Criminal Code of the Russian Federation, Constitution of the Russian Federation, penal enforcement law, norm, principle, equality of citizens before the law, legality, justice, woman, man, minor, gender, race, social affiliation, diplomatic immunity, criminal responsibility, criminal punishment, serving a criminal sentence

For citation: Dmitriev D. B., Donskaya O. G. The principle of equality in the criminal law of Russia. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2021;(3):148–155. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-148-155**.**

Принципы – как основополагающие начала, являясь фундаментом любой отрасли права, представляют большой теоретический интерес, а изучение их сути в рамках уголовного права имеет существенное практическое значение, поскольку принципы подлежат обязательному применению, как в правотворческой, так и в правоприменительной деятельности. Более того, принципы уголовного права являются основой для определения его задач и целей. В идеале, уголовно-правовая политика государства в целом, а также все отдельные изменения, вносимые в уголовный закон, должны базироваться на провозглашенных им принципах.

В отличие от большинства норм уголовного кодекса РФ, которые подверглись многочисленным изменениям, принципы уголовного законодательства отличаются стабильностью. С момента принятия УК РФ они ни разу не корректировались, что позволяет говорить о четкой определенности и устойчивости основной концепции уголовного закона, не смотря на его изменчивость в вопросах преступности и наказуемости отдельных деяний и иных институтов.

Представляется справедливым мнение, что принципы уголовного права являются выражением его культуры [1, с. 188], поскольку они выражают общее отношение государства к проявлениям преступного поведения в конкретном историческом этапе. Это подтверждается при анализе исторической деформации принципов уголовного права, которые в наибольшей степени зависимы от различных этапов развития российского уголовного права, изменения его основных приоритетов [2, с. 218].

Таким образом, принципы уголовного права обладают существенной особенностью, они отражают уровень нравственных, политических, экономических, культурных потребностей и закономерностей государства и общества и изменяются в случае смены указанных категорий.

Еще одной особенностью принципов уголовного права является их обязательность и максимальная императивность, которая относится ко всем иным

нормам уголовного закона. Так, по мнению Чучаева А.И., принципы уголовного закона определяют не только его содержание в целом, но и содержание всех его институтов в отдельности [3, с. 9].

В настоящей работе рассматривается один из наиболее дискуссионных принципов уголовного права – принцип равенства граждан перед законом.

Теоретики права не редко критикуют уголовно-правовую формулировку принципа равенства, обосновывая необходимость его конкретизации [4, с. 9-10], а также привидения некоторых норм уголовного и уголовно-исполнительного права в соответствие с принципом равенства граждан перед законом, поскольку существующее положение свидетельствует о несоответствии некоторых норм уголовного закона принципу равенства[5, с 4].

Принцип равенства граждан перед законом, закрепленный в УК РФ, является уголовно-правовой конкретизацией конституционного принципа, провозглашенного ст. 19 Конституции РФ, которая определила равенство граждан перед законом, как равноправие, то есть равенство прав и свобод всех граждан, социальных возможностей, а также равенство их обязанностей и ответственности, в том числе уголовной [6, с. 254]. При этом Конституция РФ отдельно закрепила положения, касающиеся гендерного равенства мужчин и женщин.

Уголовно-правовой принцип равенства базируется не только на положениях Конституции РФ, но и на общепризнанных нормах международного права, хотя и имеет собственную трактовку. Положения, закрепленные в основном законе России, касающиеся равенства граждан, впервые были провозглашены Всеобщей декларацией прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.[1]. Трудно переоценить значение Всеобщей декларации для формирования правовых норм не только России, но и большинства развитых государств, переживших наиболее масштабную и глобальную катастрофу современности – Великую Отечественную войну.

Однако, суть принципа равенства граждан перед законом в рамках уголовного права значительно отличается от конституционного. Фактически он заключается в законодательном равенстве всех граждан понести уголовную ответственность за совершение преступления и не относится ни к назначению наказания, ни к его отбыванию. Именно такой подход вызывает многочисленные дискуссии. Существует даже мнение об отсутствии необходимости дублирования Конституционных принципов в нормах уголовного права [7, с. 272–273]. Это мнение заслуживает внимания, поскольку налицо деформация конституционных норм при осуществлении их уголовно-правовой адаптации.

Примером уголовно-правового «неравенства» в теории права обозначают особенности уголовной ответственности несовершеннолетних, особенности назначения наказания лицам пенсионного возраста, особенности назначения и исполнения уголовного наказания в отношении женщин, особенности привлечения к уголовной ответственности особых категорий лиц, определенных уголовно-процессуальным кодексом, иностранных граждан и лиц, обладающих иммунитетом. Критики прослеживают в приведенных особенностях признаки неравенства исходя из пола, возраста, гражданства и социального положения преступника. Таким образом, отсутствует основа внутреннего содержания равенства, которая не должна зависеть от характеристик личности преступника.

Разберем каждую из обозначенных категорий.

[1] Российская газета. 10.12.1998.

Уголовный кодекс РФ определяет особенности уголовной ответственности несовершеннолетних. Кратко эти особенности выражаются в дополнительных мерах уголовно-правового характера, предусматривающих освобождение несовершеннолетних преступников как от уголовной ответственности, так и от наказания с применением мер воспитательного воздействия, а также в сокращенном перечне видов уголовного наказания, сокращенных срока наказания, более мягких условиях отбывания наказания и многие другие. Можно говорить даже о деформации основных целей наказания, поскольку перевоспитание виновного несовершеннолетнего является основной целью уголовного наказания несовершеннолетних, в некоторых случаях, даже в ущерб восстановлению социальной справедливости.

В отношении несовершеннолетних, как, кстати, и лиц, достигших пенсионного возраста и инвалидов, прослеживается конкуренция уголовно-правовых принципов равенства и гуманизма. При этом последний занимает лидирующую позицию и играет главенствующую роль.

Несовершеннолетние преступники являются той категорией лиц, к которой закон относится наиболее бережно. Экономия уголовной репрессии в отношении несовершеннолетних имеет реальное применение и максимальное выражение, что нередко приводит к негативным последствиям в виде последующего преступного поведения. Согласно исследованиям, около половины преступников, в действиях которых имеется рецидив преступлений, впервые подвергались уголовной ответственности в несовершеннолетнем возрасте [8, с. 263]. Не смотря на это, государство на протяжении многих лет идет путем планомерной гуманизации уголовной ответственности несовершеннолетних.

Еще одной категорией преступников, в отношении которых уголовным законом предусмотрены исключения, в значительной мере смягчающие их правовое положение, являются женщины.

На протяжении нескольких десятилетий международное сообщество активно пропагандирует идею равноправия полов во всех сферах жизни общества и недопущения дискриминации женщин. Конституция Российской Федерации, закрепив на уровне основного закона государства равноправие граждан обоих полов, фактически продублировала положения Конвенции Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Конвенция ООН, наряду с другими обстоятельствами, закрепила особую социальную роль женщины, как матери, в связи с этим принятие государством мер к охране материнства не может считаться дискриминацией.

Указанное положение дает основания для стран, ратифицировавших Конвенцию ООН, использовать значительно более мягкий подход при назначении женщинам уголовного наказания, учитывая не только функцию материнства, которую исполняет женщина, но и ее психические и физиологические особенности [9, с. 115].

Логичной является позиция российского законодателя относительно предоставления отсрочки исполнения наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим несовершеннолетних детей. Вполне обоснованы также и ограничения, связанные с назначением некоторых видов наказания беременным женщинам (исправительные работы, обязательные работы, арест). Женщинам, имеющим детей, в соответствии со ст. 82 УК РФ, может быть предоставлена отсрочка отбывания наказания до достижения ребенком 14 лет. Для мужчины такая отсрочка возможна только в случае, если он воспитывает ребенка один. Такой подход

в полной мере согласуется с Конвенцией ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, учитывает права детей и не противоречит принципу равенства.

Однако Уголовный кодекс РФ значительно расширил привилегии женщин, многие из которых напрямую не связаны с функцией материнства. Например, не применение в отношении женщин таких видов наказания, как пожизненное лишение свободы и смертная казнь не зависит от беременности или наличия у женщины материнских обязанностей. Также необоснованный гуманизм можно наблюдать при оценке видов режима отбывания наказания в виде лишения свободы для женщин. Женщины, в соответствии с УК РФ, могут отбывать наказание в виде лишения свободы только в колониях – поселениях и исправительных колониях общего режима, не зависимо от категории совершенного преступления и наличия в действиях любого вида рецидива преступлений. Эти виды исправительных учреждений в отношении мужчин назначаются только в том случае, если ранее осужденный не отбывал реального лишения свободы и являются наиболее мягкими из предусмотренных законодательством.

Такая чрезмерная гуманность к определенной группе преступников является явным попиранием принципа равенства граждан. Уголовное право России по факту закрепляет гендерное неравенство граждан перед уголовным законом. При этом уровень рецидивной преступности в России среди женщин довольно высок и составляет около 10 % [10, с.40].

Сложно найти государство со столь явными различиями применения уголовного закона по половому признаку. Напротив, в настоящее время в большинстве европейских стран уголовное законодательство адаптируется под реалии борьбы за равноправие полов и в него вносятся соответствующие изменения [9, с. 116].

Уголовный кодекс РФ, помимо приведенных примеров, содержит еще ряд отступлений от принципа равенства граждан перед законом. Которые явно свидетельствуют о наличии коллизии правовых норм. Одним из них является ч. 4 ст. 11 УК РФ, закрепившая особенности уголовной ответственности лиц, обладающих дипломатическим иммунитетом. К таким лицам относятся дипломатические представители иностранных государств и иные граждане, пользующиеся дипломатическим иммунитетом. В отношении указанных граждан вопрос об уголовной ответственности в соответствии с Уголовным кодексом РФ разрешается в индивидуальном порядке в соответствии с международно-правовыми нормами.

Положения Уголовного кодекса продублированы и процессуально конкретизированы в ч. 2 ст. 3 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Так, согласно указанной норме, для проведения уголовно-процессуальных действий в отношении лиц, обладающих дипломатическим иммунитетом, необходимо согласие государства, на службе у которого это лицо находится. Либо, если такое лицо является или являлось членом персонала международной организации, то на проведение в отношении него уголовно-процессуальных действий требуется согласие этой организации.

Перечень лиц, пользующихся иммунитетом, в нормах отечественного права четко не определен. Различные нормы международного права предоставляют такой иммунитет нескольким категориям граждан. Исходя из этих норм, к таким гражданам можно отнести глав иностранных государств и правительств, министров иностранных дел, сотрудников дипломатических представительств, членов специальных миссий, дипкурьеров, сотрудников консульских учреждений, а также членов семей перечисленных граждан и иных граждан.

Граждане, обладающие иммунитетом, могут обладать им в разном объеме: иммунитет от уголовной юстиции, иммунитет от уголовно-процессуальных действий, свидетельский иммунитет. Каждый вид и объем предоставляемого иммунитета определяется соответствующими международно-правовыми нормами (Венская Конвенция о дипломатических отношениях 1961 г., Венская Конвенция о специальных миссиях 1969 г. и др.).

Таким образом, нормы, касающиеся лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом, противоречат внутренней сути принципа равенства, которая, как указывалось выше, заключается в равенстве всех граждан независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям понести уголовную ответственность в случае совершения ими уголовного преступления.

Помимо изложенного, необходимо проанализировать положения Уголовно-процессуального кодекса РФ, определяющие особенности процессуального положения еще одной категории граждан, в отношении которой привлечение к уголовной ответственности и применение уголовно-правовых норм происходит вне обычного порядка. Это лица, указанные в разделе XVII УПК РФ, который предусматривает категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам. К таким лицам, в числе прочих относятся депутаты, члены Совета Федерации, прокуроры, судьи и другие граждане, всего более двадцати категорий, перечисленных в ст. 447 УПК РФ. Особый статус некоторых из этих лиц установлен Конституцией РФ (судьи, члены Совета Федерации и т.д.). Иные лица приобрели свой особый статус благодаря нормам Уголовно-процессуального права (председатель Следственного Комитета РФ, председатель и заместитель председателя Счетной палаты РФ и т.д.).

Особый статус лиц, перечисленных в ст. 447 УПК РФ заключается в ряде особенностей их привлечения к уголовной ответственности, задержания и избрания меры пресечения, производства отдельных следственных действий. Для осуществления приведенных уголовно-процессуальных функций необходимо наличие решения определенного законом должностного лица и согласие компетентного органа на проведение в отношении лица, обладающего особым статусом, процессуальных действий.

Такое положение является новеллой действующего уголовно-процессуального кодекса. Действующие ранее законы подобных норм не включали.

Считаем, что в данном случае налицо противоречие не только с уголовно-правовым принципом равенства, но и с Конституцией Российской Федерации. Это противоречие настолько явное и наличное, что некоторые исследователи придерживаются крайнего мнения, что процесс введения норм, закрепляющих особый статус отдельных категорий лиц и последующее развитие этого института, пролоббированны в интересах заинтересованных государственных служащих, в результате чего, на законодательном уровне в отношении них закреплен особый набор прав при привлечении к уголовной ответственности [11, с. 32]. Мы не беремся утверждать столь категорично относительно вопросов лоббирования интересов каких-либо групп, однако вынуждены констатировать, что закрепление особого статуса отдельных категорий лиц является выражением явного антиконституционного неравенства граждан перед законом.

В завершении приведенного правового анализа мы пришли к выводу, что принцип равенства, закрепленный в уголовном кодексе, нередко носит номинальный характер, конкурирует с иными уголовно-правовыми принципами и институтами. Считаем такое положение противоестественным и антиконституционным, поскольку равенство является одним из элементов права, которое в свою очередь оформляет справедливость в ранг юридической нормы. В связи с этим, взаимосвязь права и равенства является неотъемлемой [12, с. 17].

Список источников

1. Хачак Б. Н. Реализация принципов равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма с учетом гендерных особенностей в уголовном праве // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 2. С. 186–192.

2. Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. М., 1997. 520 с.

3. Чучаев А. И. Принципы уголовного права / Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рарога. М.: Велби: Проспект, 2004. 795 с.

4. Семенова И. С. Принцип равенства перед законом в уголовном праве Российской Федерации: Автореф. дис. канд. юрид. наук. 2004. Саратов. 26 с.

5. Алексеева Е. С. Реализация конституционного принципа равенства прав и свобод человека и гражданина, независимо от пола, в уголовном и уголовно-испол-нительном праве Российской Федерации// Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Омская академия Министерства внутренних дел России. Омск, 2020. С. 3–8.

6. Лазарев В. В. Общая теория права и государства. М.: Юрист, 2001. 520 с.

7. Семенова И. С. Принцип равенства перед законом в уголовном праве Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук 2004. Саратов. 184 с.

8. Лебешев И. С. Антиобщественный образ жизни несовершеннолетних как фактор, способствующий рецидиву преступлений / Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития. Сб. тез. выступлений и докладов участников Международной науч.-практ. конф. Академия права и управления ФСИН. Рязань. Т. 6. 2020. С. 261–267.

9. Нунатов Э. Ш. Конституционный принцип равенства прав и свобод мужчин и женщин в уголовном праве зарубежных стран // Право и политика: теоретические и практические проблемы. Сборник материалов 5-й Международной научно-практи-ческой конференции. Рязань. 2017. С. 115–117.

10. Карпушина М. В., Шилов А. И. Социально-демографическая характеристика осужденных женщин, совершивших преступление после отбытия наказания (при рецидиве) // Психопедагогика в правоохранительных органах. Омск, 2011. № 4. С. 40–43.

11. Путилов П. Н., Степанов В. Е. Правовое государство: реализация принципа равенства в уголовном и уголовно-процессуальном праве Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. Омск, 2021. № 1. С. 32–38.

12. Зубакин В. Ю. Место и значение принципа равенства перед законом и судом в системе принципов правового государства // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 3. С. 13–21.

References

1. Khachak B. N. Implementation of the principles of equality of citizens before the law, justice and humanism, taking into account gender characteristics in criminal law. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya = The Bulletin of the Adyghe State University, the series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology*. 2012;(2):186–192. (In Russ.)

2. Lazarev V. V. (ed.) *General theory of law and the state*. Moscow; 1997. 520 p. (In Russ.)

3. Chuchaev A. I. Principles of criminal law. In*: Criminal law of Russia. Parts General and Special: textbook.* Rarog A. I. (ed.). Moscow; 2004. 795 p. (In Russ.)

4. Semenova I. S. *The principle of equality before the law in the criminal law of the Russian Federation*: Abstract of the dissertation of the candidate of law sciences. Saratov; 2004. 26 p. (In Russ.)

5. Alekseeva E. S. Implementation of the constitutional principle of equality of human and civil rights and freedoms, regardless of gender, in the criminal and penal enforcement law of the Russian Federation. In: *Implementation of the Constitution of the Russian Federation: state and prospects. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* Omsk; 2020:3-8. (In Russ.)

6. Lazarev V. V. *General theory of law and the state.* Moscow: Yurist; 2001. 520 p. (In Russ.)

7. Semenova I. S. *The principle of equality before the law in the criminal law of the Russian Federation*: dis. of the candidate of law sciences. 2004. Saratov. 184 p. (In Russ.)

8. Lebeshev I. S. Antisocial lifestyle of minors as a factor contributing to the recidivism of crimes. In: *The penal enforcement system at the present stage and prospects for its development. Collection of abstracts of speeches and reports of participants of the International scientific and Practical Conference*. Ryazan. Vol. 6. 2020. P. 261-267. (In Russ.)

9. Nunatov E. S. The constitutional principle of equality of rights and freedoms of men and women in the criminal law of foreign countries. In: *Law and politics: theoretical and practical problems. Collection of materials of the 5th International Scientific and Practical Conference.* Ryazan; 2017:115–117. (In Russ.)

10. Karpushina M. V., Shilov A. I. Socio-demographic characteristics of convicted women who committed a crime after serving a sentence (in case of recidivism). *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* = Psychopedagogy in Law Enforcement. Omsk. 2011;(4):40–43. (In Russ.)

11. Putilov P. N., Stepanov V. E. *The rule of law: implementation of the principle of equality in the criminal and criminal procedure law of the Russian Federation*. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia.* Omsk. 2021;(1):32–38. (In Russ.)

12. Zubakin V. Yu. The place and significance of the principle of equality before the law and the court in the system of principles of the rule of law. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal*. 2014;(3):13–21. (In Russ.)

Информация об авторах

Д. Б. Дмитриев – канд. юрид. наук, доц. кафедры уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС; доц. кафедры уголовного права и уголовно-исполнительного права, криминологии юридического факультета РГЭУ (РИНХ).

О. Г. Донская – канд. юрид. наук, доц. кафедры уголовного права Ростовского филиала РГУП; доц. кафедры уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

D. B. Dmitriev – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of URIU RANEPA; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Penal Enforcement Law, Criminology of the Faculty of Law of RSUE (RINH);

O. G. Donskaya – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law of Rostov Branch of RSUJ; Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of URIU RANEPA.

***Вклад авторов**:* все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Contribution of the authors**:* the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 22.07.2021; принята к публикации 25.07.2021.
The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 22.07.2021; accepted for publication 25.07.2021.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 156–161
North Caucasus Legal Vestnik. 2021;(3):156–161

Проблемы уголовного права

Научная статья
УДК 343.131.5
doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-156-161

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА В ДОПРОСЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Евгений Владимирович Миллеров[1, 2]

[1]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, MillerovyEVEA@yandex.ru

[2]Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье проанализированы особенности участия защитника в допросе подозреваемого. Акцентировано внимание на значимости такого допроса во взаимосвязи с построением линии защиты по уголовному делу, рассмотрены тактические аспекты действий защитника перед производством этого следственного действия и в процессе его производства. Рассмотрены наиболее оптимальные действия адвоката при участии в допросе подозреваемого после его задержания по подозрению в совершении преступления. Сделаны выводы и выдвинуты некоторые предложения по совершенствованию тактики участия защитника в производстве данного следственного действия.

Ключевые слова: защитник, подозреваемый, допрос, следственное действие, тактика, особенности, проблемы, совершенствование

Для цитирования: Миллеров Е. В. О некоторых особенностях участия защитника в допросе подозреваемого // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 156–161. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-156-161.

Problems of Criminal Law

Original article

ABOUT SOME FEATURES OF THE DEFENDER'S PARTICIPATION IN THE INTERROGATION OF THE SUSPECT

Evgeny V. Millerov[1, 2]

[1]South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, MillerovyEVEA@yandex.ru

[2]Don state technical University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. This article analyzes the features of the defender's participation in the interrogation of a suspect. Attention is focused on the importance of such an interrogation in connection with the construction of a line of defense in a criminal case, the tactical aspects of the defender's actions before the production of this investigative action and in the process of its production are considered. The most optimal actions of a lawyer when participating in the interrogation of a suspect after his arrest on suspicion of committing a crime are considered. Conclusions are drawn and some proposals are put forward to improve the tactics of the defender's participation in the production of this investigative action.

Keywords*:* defender, suspect, interrogation, investigative action, tactics, features, problems, improvement

For citation: Millerov E. V. About some features of the defender's participation in the interrogation of the suspect. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2021;(3):156–161. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-156-161**.**

© Миллеров Е. В., 2021

Допрос по уголовному делу в качестве подозреваемого является очень важным не только для лица, которое осуществляет производство дознания или предварительного следствия, но и для самого подозреваемого и его защитника, поскольку именно первичный допрос в качестве подозреваемого является, как правило, отправной точкой в определении всей последующей линии защиты в рамках производства по уголовному делу. В связи с этим адвокаты, вступающие в производство по делу в качестве защитника, должны максимально серьезно и внимательно отнестись к этому следственному действию, обсудив перед началом такого допроса со своим доверителем как общее направление защиты, так и вопросы, касающиеся непосредственно этого допроса, в том числе и различные его тонкости.

Справедливости ради надо сказать, что анализ различных научных трудов, посвященных вопросам участия защитника в допросе лица в качестве подозреваемого говорит о том, что в подавляющем своем большинстве такие труды посвящены особенностям и проблемам производства этого вида допроса следователем или дознавателем, а вопросам участия защитника в данном следственном действии посвящено мало исследований.

Начиная по порядку, в первую очередь, наверное, надо сказать, что уголовно-процессуальный статус подозреваемого закреплен в ст.46 УПК РФ. В данной статье предусмотрено, с какого момента человек приобретает статус подозреваемого. Таких моментов несколько, все они перечислены в ч.1 ст.46 УПК РФ. В этой же статье перечислены права подозреваемого, в числе которых и право пользоваться услугами защитника. Такая защита может осуществляться по заключенному между адвокатом и подозреваемым (либо его законным представителем или иным лицом по поручению подозреваемого) или по назначению дознавателя или следователя. Подозреваемое лицо может отказаться от услуг защитника (ст. 52 УПК РФ). Данный отказ не является для дознавателя или следователя обязательным. В связи с этим, дознаватели и следователи при отказе подозреваемого лица перед его допросом от услуг защитника довольно часто не принимают такой отказ, назначая защитника. Делается это для того, чтобы показания подозреваемого, особенно признательные, не были признаны в последствие судом недопустимым доказательством (п. 1 ч.2 ст.75 УПК РФ).

Анализ статистических данных Федеральной палаты адвокатов РФ говорит о том, что в обеспечении защиты в рамках уголовного судопроизводства по назначению дознавателей, следователей и судей в течение года принимают участие около половины всех российских адвокатов. Так, например, в 2019 г. из 75 196 имеющих действующий статус адвокатов к защите граждан в уголовном судопроизводстве по назначению привлекалось 33 994 адвоката (см.: рис. 1)[1].

Некоторые авторы сетуют на отказ лиц при допросе в качестве подозреваемого, а затем и в качестве обвиняемого, от дачи своих показаний по совету их защитников на предварительном расследовании уголовного дела (пользуясь правом, предоставленным ст.51 Конституции РФ), делая это для того, чтобы дождаться ознакомления со всеми материалами уголовного дела по окончании расследования, только после этого выбрать с адвокатом линию защиты. Такая тактика подозреваемого (обвиняемого) и его защитника считается этими авторами определенным злоупотреблением правом, даже противодействием предва-

[1] Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ // Документы ФПА РФ / Отчет Совета Федеральной палаты адвокатов РФ за период с апреля 2019 г. по апрель 2021 г. - https://fparf.ru/documents/fpa-rf/

рительному расследованию [1, с. 61-62]. Сложно согласиться с таким мнением, ведь как абсолютно верно отмечает Ф.Г. Шахкелдов «…Дача показаний – право, а не обязанность подозреваемого» [2, с. 12].

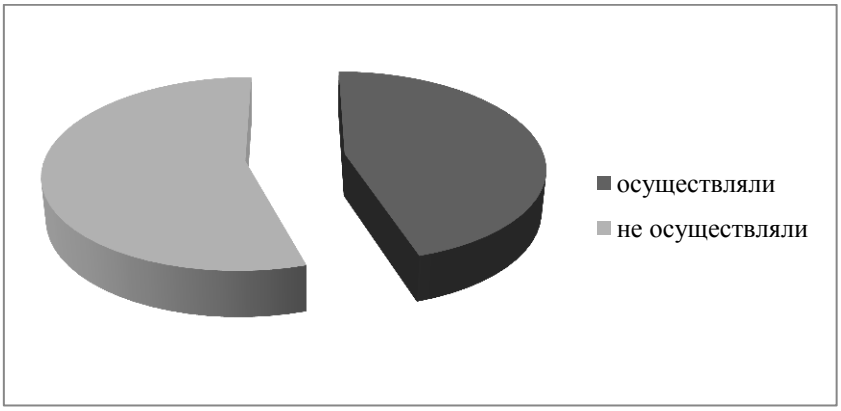

Рис. 1. Количественное соотношение адвокатов, осуществлявших по назначению защиту прав граждан в уголовном судопроизводстве в 2019 г.
Fig. 1. Quantitative ratio of lawyers who, by appointment, protected the rights of citizens in criminal proceedings in 2019

Некоторые авторы в своих трудах, посвященных вопросам тактики допроса, делают также акцент то, что нередко конфликтная ситуация на допросе между следователем (или дознавателем) и защитником возникает в случаях, когда последний вмешивается в действия лица, проводящего допрос, а именно объясняет прямо в ходе допроса своему подзащитному как и что отвечать, либо фактически сам за него отвечает [3, с. 226]. Такое поведение адвоката-защитника недопустимо, на наш взгляд, как исходя из норм уголовно-процессуального законодательства, так и исходя из адвокатской этики. Вместе с тем, данное поведение адвоката может говорить о его неподготовленности к участию в следственном действии.

Допрос лица в качестве подозреваемого, тем более первый такой допрос, как здесь уже отмечено выше, является очень важным для всей дальнейшей защиты по уголовному делу, поэтому защитник должен максимально внимательно и ответственно к нему подготовиться и подготовить своего подзащитного. Тем более, что п. 3 ч. 4 ст. 46 и п. 1 ч.1 ст. 53 УПК РФ, как мы знаем, предоставляет право конфиденциального свидания подозреваемого лица и его защитника до начала допроса. В ходе такого свидания наедине со своим подзащитным адвокату, на наш взгляд необходимо: 1) ознакомиться со всеми процессуальными документами по уголовному делу в отношении его подзащитного, с которыми он имеет право на данный момент ознакомиться (постановление о возбуждении уголовного дела, протоколы следственных действий с участием его подзащитного (если такие проводились до вступления адвоката в производство по делу)); 2) выслушать своего подзащитного относительно всех событий, касающихся преступного деяния (либо деяний) инкриминируемых ему органами предварительного расследования; 3) выстроить совместно с подзащитным общую позицию (линию защиты) в рамках уголовного дела; 4) на основании выбранной линии защиты обсудить все тонкости дачи показаний в рамках допроса в качестве подозреваемого.

Еще одной практической проблемой являются факты, когда при расследовании уголовных дел лицо, которое фактически является подозреваемым, нередко вначале допрашивается в качестве свидетеля. В данном вопросе представляется правильной позиция ученых, считающих, что в указанных ситуациях, в отношении таких лиц нарушается их право на защиту, т.к. этот свидетель (фактически же подозреваемый) изначально допрашивается под угрозой возможной в отношении него уголовной ответственности за отказ от дачи показаний (что, безусловно, выступает в качестве сильного фактора психологического давления), поэтому у него на этот момент отсутствуют положенные ему конкретные права подозреваемого, в том числе право на защиту. Нередко именно показания, которые были получены от такого «свидетеля» в ходе его допроса, делают в последствие возможным привлечение его к уголовной ответственности [4, с. 33].

В связи с этим заслуживает поддержки мнение Ю.А. Медведевой о том, что в случае, если лицо фактически было принудительно допрошено в качестве свидетеля, но при этом явно подпадало на момент такого допроса под статус подозреваемого, то такой протокол допроса не может быть признан законным, а доказательства (показания), полученные в его результате, не должны признаваться допустимыми [5, с. 139].

Относительно приведенной выше ситуации, стоит согласиться также с А.К. Ибрагимовым в том, то если «свидетель» все же явился на допрос и в сопровождении адвоката (п. 6 ч.4 ст. 56 УПК РФ позволяет свидетелю явиться на допрос с адвокатом), последний имеет право, а на практике чаще всего обязан, рекомендовать отказаться от дачи показаний в соответствии со ст. 51 Конституции РФ. Однако, как известно, указанная статья дает право лицу отказаться от дачи показаний против себя и близких родственников, но что делать, если следователь или дознаватель задает вопросы, не касающиеся этого круга лиц? Ведь за отказ от дачи показаний предусмотрена уголовная ответственность согласно ст. 308 УК РФ, чем допрашивающий будет угрожать допрашиваемому. При данных обстоятельствах важна позиция защитника, который должен сообщить своему подзащитному о фактическом статусе допрашиваемого (фактически подозреваемого), который позволяет ему хранить полное молчание (отказ от дачи показаний). В дальнейшем при изменении статуса со «свидетеля» на «подозреваемого» или «обвиняемого» данное лицо не подлежит уголовной ответственности по ст. 308 УК РФ, так как подозреваемый или обвиняемый имеет право отказаться от дачи показаний. Защитник, в свою очередь, обязан сделать заявление, потребовав занести его в протокол согласно ст. 53 УПК РФ, что допрос «свидетеля», по сути, является допросом подозреваемого, что предполагает возможность реализации допрашиваемым всех прав, предоставленных ему законом. Адвокат в каждом конкретном случае должен принимать индивидуальное решение [6, с. 120–121].

Поскольку нередко первый допрос лица в качестве подозреваемого имеет место после задержания такого человека в качестве подозреваемого, также защитнику следует обращать внимание на возможные нарушения со стороны следователя (дознавателя) после задержания его доверителя по подозрению в совершении преступления. Во-первых, согласно требованиям ч. 4 ст. 92 УПК РФ и ч. 2 ст. 46 УПК РФ, подозреваемый должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента его фактического задержания. Во-вторых, до начала допроса подозреваемому по его просьбе обеспечивается свидание с защитником наедине и конфиденциально. Вместе с тем, следует помнить, что в случае необходимости

производства процессуальных действий с участием подозреваемого, продолжительность свидания свыше 2 часов может быть ограничена дознавателем, следователем с обязательным предварительным уведомлением об этом подозреваемого и его защитника, но в любом случае продолжительность свидания не может быть менее 2 часов.

Некоторые авторы, например А.К. Ибрагимов, относительно особенности деятельности защитника при задержании их доверителя в качестве подозреваемого указывают, что нередко защитники после задержания их подзащитных, и тем более после избрания меры пресечения, проявляют процессуальную пассивность. В первые сутки после фактического задержания, как и после избрания меры пресечения, защитник, по абсолютно справедливому, на наш взгляд, мнению А.К. Ибрагимова, обязан проявить максимально возможную профессиональную активность. В частности, если есть основания полагать, что орган расследования будет ходатайствовать перед судом об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, защитнику следует незамедлительно приступить к сбору документов (характеристики с места работы, справки с места работы, свидетельства о рождении детей, о регистрации брака, и др.), при помощи которых можно убедить суд в отсутствии необходимости избрания этой меры пресечения [6, с. 121].

Таким образом, участие защитника в допросе лица в качестве подозреваемого имеет важное значение для выработки линии защиты в рамках дальнейшего производства по уголовному делу. В связи с этим адвокату-защитнику всегда следует с особой ответственностью подходить к участию в данном следственном действии, пользоваться правом конфиденциального свидания с подзащитным перед началом допроса для обсуждения всех вопросов относительно дачи показаний в качестве подозреваемого и линии защиты в рамках производства по уголовному делу. В тех случаях, когда подзащитный ранее по делу уже был допрошен в качестве свидетеля, хотя явно должен был допрашиваться в качестве подозреваемого, адвокату-защитнику следует принимать меры, направленные на признание такого доказательства недопустимым.

Список источников

1. Алиев Г. Ш. О некоторых вопросах допроса подозреваемых (обвиняемых) с участием защитника // Вестник науки. 2019. Т.4. №4 (13). С. 60–62.

2. Шахкелдов Ф. Г. Участие защитника на предварительном следствии в российском уголовном процессе // Право и практика. 2015. № 4. С. 9–16.

3. Кибардин И. П. О некоторых аспектах противодействия защитника в ходе проведения допроса // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2014. №2. С. 226–228.

4. Иванова И. Г. Допрос подозреваемого в качестве свидетеля – нарушение права на защиту // Сборник материалов криминалистических чтений. 2015. №11. С. 33–34.

5. Медведева Ю. А. К вопросу о законности действий, проводимых при допросе в отношении свидетеля в качестве потенциального подозреваемого // Сборник трудов «Сфера знаний: структурные преобразования и перспективные направления развития научной мысли». Казань, 2018. С. 137–140.

6. Ибрагимов А.К. Действия адвоката-защитника в первые часы после задержания подзащитного: ошибки и предотвращение // Евразийская адвокатура. 2016. № 1 (20). С. 120–122.

References

1. Aliyev G. Sh. On some issues of interrogation of suspects (accused) with the participation of a defender. *Vestnik nauki = Bulletin of Science.* 2019;4(4(13)):60–62. (In Russ.)

2. Shakhkeldov F. G. Participation of the defender at the preliminary investigation in the Russian criminal process. *Pravo i praktika = Law and practice.* 2015;(4):9-16. (In Russ.)

3. Kibardin I. P. On some aspects of the defender's counteraction during the interrogation. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2014;(2):226–228. (In Russ.)

4. Ivanova I. G. Interrogation of a suspect as a witness-violation of the right to defense. *Sbornik materialov kriminalisticheskikh chtenii = Collection of materials of forensic readings.* 2015;(11):33–34. (In Russ.)

5. Medvedeva Yu. A. On the question of the legality of actions carried out during interrogation in relation to a witness as a potential suspect. In: *Collection of works "Sphere of knowledge: structural transformations and promising directions for the development of scientific thought".* Kazan; 2018:137–140. (In Russ.)

6. Ibragimov A. K. Actions of a defense lawyer in the first hours after the client's detention: mistakes and prevention. *Evraziiskaya advokatura = Eurasian Advocacy.* 2016;1(20):120–122. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. В. Миллеров – канд. юрид. наук, доц. кафедры процессуального права ЮРИУ РАНХиГС; доц. кафедры «Уголовное право и криминалистика» ДГТУ.

Information about the author

E. V. Millerov – PhD in law, associate Professor of the Department of procedural law of URIU RANEPA; associate Professor of the Department «Criminal law and criminology» of DSTU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 13.08.2021; одобрена после рецензирования 30.08.2021; принята к публикации 01.09.2021.

The article was submitted 13.08.2021; approved after reviewing 30.08.2021; accepted for publication 01.09.2021.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 162–167
North Caucasus Legal Vestnik. 2021;(3):162–167

Проблемы уголовного права

Научная статья
УДК 343.918.2
doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-162-167

УГОЛОВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ДОМАШНЕМУ НАСИЛИЮ

Елена Анатольевна Пащенко[1], Артур Грачикович Сарибекян[2]

[1, 2]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Елена Анатольевна Пащенко, pashenkoea@mail.ru

Аннотация. Авторами рассмотрены причины насильственных преступлений и их соотношение с уголовно-правовым регулированием, установленным законом. Выводы, которые предложены в работе, сведены к недостаточности криминализации побоев в Российской Федерации с учетом сложившейся социальной и исторической детерминанты насилия. Также обращено внимание на нарушение конституционных установок, выявленных Конституционным Судом РФ в части несоразмерности уголовно-правовой защиты личности от насилия, совершенного лицом, судимым за аналогичное по объективным признакам преступление, и лицом, подвергнутым административному наказанию за побои.

Ключевые слова: насилие, потерпевший, причины насильственного поведения, криминализация, декриминализация, социальный конфликт

Для цитирования: Пащенко Е. А., Сарибекян А. Г. Уголовно-политическая вариабельность в противодействии домашнему насилию // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 162–167. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-162-167.

Problems of Criminal Law

Original article

CRIMINAL-POLITICAL VARIABILITY IN COUNTERING DOMESTIC VIOLENCE

Elena A. Pashenko[1], Artur G. Saribekyan[2]

[1, 2]South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Elena A. Pashenko, pashenkoea@mail.ru

Abstract. The authors consider the causes of violent crimes in relation to the criminal-legal response established by law. The conclusions proposed in the work are reduced to the lack of criminalization of beatings in the Russian Federation, taking into account the existing social and historical determinants of violence. Attention is also drawn to the violation of the constitutional principles identified by the Constitutional Court of the Russian Federation in terms of the disproportionality of the criminal-legal protection of an individual from violence committed by a person convicted of a crime similar to objective criteria and by a person subjected to administrative punishment for beatings.

Keywords*:* violence, victim, causes of violent behavior, criminalization, decriminalization, social conflict

For citation: Pashenko E. A., Saribekyan A. G. Criminal-Political Variability in Countering Domestic Violence. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2021;(3):162–167. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-162-167**.**

© Пащенко Е. А., Сарибекян А. Г., 2021

Рассмотрим генезис насильственного поведения. Он традиционно делился на генезис малых и больших групп, для которых традиции, обычаи, установки, морально-нравственные и социально-политические ориентации являются поведенческими истоками. Рассмотрение насилия, как типа поведения, происходит через оценку детерминирующих факторов. Такая оценка включает анализ приобретенных человеком в процессе его индивидуального созревания тех характеристик, которые в дальнейшем могут быть причиной насильственных реакций. У каждого индивидуума есть личный социальный опыт, накопление которого является «строительным материалом» и образцом поведения, который человек будет в дальнейшем реализовывать в собственных социальных связях.

Формирование личности происходит в микро и макро среде. Микросреда состоит из семейно-бытового окружения с такими образцами социального поведения, которое человек принимает и воспринимает как эталонное, не зависимо от того, являются ли они социально-позитивными или негативными, и переносит в качестве модели поведения в свою жизнь. Таким образом, поведение человека является результатом восприятия поведенческих реакций других людей как собственной модели поведения. Модель внутрисемейных отношений трансформируется на взаимоотношения личные.

Допустимость домашнего насилия не только для Российской Федерации, но и для многих других государств является исторически свойственной на уровне норм и традиций. Различным культурам, субкультурам свойственна позволительность взаимоотношений с применением физического насилия. Продуцирование насильственных стереотипов, как правило, начинается с визуализации взаимоотношений в семье, где право на насилие «передается по наследству». Такой формат семейных отношений выступает главной проблемой и характеризует в дальнейшем заимствование сценария насильственных способов разрешения любого социального конфликта или допустимости физической агрессии для человека. Индивидуальный уровень детерминации насильственных конфликтов сводится, как правило, к наличию проблем в виде утраты социальных авторитетов, социального отчуждения личности, дефицита внимания и положения отверженного.

Социально-психологические процессы и явления, которые связаны с социальными конфликтами, всегда выделяют человека как единицу, члена какой-то структурной группы с наличием личных социально-психологических проблем. Готовность лица к применению насилия находится в зависимости от уровня концентрации его личных экономических, финансовых, социальных проблем в настоящий момент.

Степень воздействия провоцирующих факторов, конфликтогенность среды обитания и психологический дискомфорт выступают существенными причинами, характеризующими уровень готовности к насильственным преступлениям. Оспаривать невозможно - ведущими криминологами давно выявлена связь фрустрирующих факторов в биографиях насильственных преступников, их прошлые конфликты, ситуации, накапливающиеся личностью, особенно с детского возраста. Такие факторы выступают самыми мощными причинами к совершению насильственных преступлений. Индивидуальная готовность к насилию определяется установками, нормами поведения, в которых формировалась личность и вырабатывались устойчивые психоэмоциональные связи.

Нельзя не отметить и детерминирующие факторы на более широком социальном уровне. Зачастую они представлены в виде обычаев или традиций, которые

распространяются в национальных, этнических, религиозных культурах и субкультурах. Традиционные представления о допустимом или даже ожидаемом насилии связаны, зачастую, с ответной реакцией на причиненное психическое насилие.

Под психическим насилием мы здесь понимаем форму воздействия абьюзеров, тяжкие оскорбления или оскорбления, недопустимые в узкой рамочной субкультуре. В ряде культур существование кровной мести, обиды, смываемой только кровью, предполагает доказательство зрелости, мужественности и даже социальной адекватности. Трудно, без сомнения, приводить подобную иллюстрацию, но есть соблазн вспомнить дуэль Пушкина. Другого выхода, кроме насильственного конфликтного ответа на оскорбление женщины не предложил нам даже гений. Хотя история и уровневые показатели культуры никоим образом не позволили сомневаться в том, что достаточность словесного аргумента была бы убедительней. Объяснение находится в обычаях и традициях того времени. В истории нас сопровождают примеры, когда насилие воплощается как необходимая культуральная черта и как единственно возможный способ реагирования на конфликт.

Общество привыкло к тому, что ему насаждают понятие допустимого и не допустимого, справедливого и не справедливого насилия. Но стереотипы массового сознания таковы, если насилие принимается общественной моралью, оно будет находить свое оправдание у каждого индивидуума, не зависимо от уровня внутреннего конфликта.

Насилие для отдельных субкультур характерным атрибутом являлось всегда. Но такие субкультуры имеют, как правило, ограниченные территориальные или социальные локации. Речь идет, конечно, о тюремной субкультуре и о субкультурах закрытых групп. В таких группах насилие сопровождает вхождение в это социальное образование как условие доказательства своей физической или психической готовности находиться в этой группе. К сожалению, такие примеры мы видим не только в исправительных учреждениях, но и в Вооружённых силах Российской Федерации, в закрытых образовательных учреждениях и в тех сообществах, в которых имеются ограничения для свободы выбора, свободы совести, свободы передвижения и перемещения.

В таких группах переломить или изменить ситуацию в сторону отказа от насилия бывает практически невозможно, поскольку человек, претерпевший насилие при вхождении в данную группу, должен обладать чрезвычайно высокими человеческими качествами, которые после того, как у него появится право на ответное насилие в отношении новичков, добровольно откажется от его применения. В редких случаях такие ситуации встречаются. Высокая внутренняя организация отдельной личности позволяет ей добровольно отказаться и абстрагироваться от индивидуального насилия как способа компенсации ранее пережитого оскорбления, унижения или такого же акта физического насилия. Индивидуальные источники стереотипного насильственного поведения – это конфликты конкретной личности с социальным окружением.

Насильственная модель поведения может выступать как результат личной практики, как результат опыта, через который прошел человек, и может быть примером закрепления повторяющихся поведенческих реакций. Многие преступники, в прошлом неоднократно допускающие насильственные действия в отношении своих жертв, «повышают градус» общественной опасности применяемого насилия. От менее опасного насилия виновные в дальнейшем прибегали

к причинению тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшего. Усвоенная модель поведения в детстве будет характерна для насильника в более зрелом возрасте. Таким образом, очевидно, что в формировании и непосредственном продуцировании насильственного агрессивного поведения принимают участие социально-психологические факторы, которые имеют разные уровни социальных связей.

В наибольшей мере стереотипы насильственного поведения продуцируются в тоталитарных государствах, в обществах с диктаторскими режимами. Они формируются благодаря нормам и принципам государственной идеологии, пресекающей инакомыслие, отклонения от предписанного стандарта. Официально насаждаемые герои и кумиры тоталитарных обществ в лучшем случае – люди, непримиримые к врагам идеологии и строя, а в худшем и наиболее распространенном – психопатизированные личности с уголовным прошлым [1, с. 44–45]. Источником насильственного поведения выступают внутренние нормы и стереотипы, имеющие различные детерминанты, но на индивидуальное насильственное поведение оказывают влияние стереотипы массового, группового и индивидуального сознания.

Авторами было проведено исследование материалов уголовных дел г. Ростова-на-Дону и вывод, который был сделан при изучении всего массива уголовных дел о совершении насильственных преступлений, не был неожиданным. Он был закономерным в связи с тем, что нам удалось сопоставить как криминологическую аргументацию причин насильственного поведения и развития агрессии личности, так и материалы конкретных правоприменительных актов. В 90 % случаев причинения смерти или тяжкого вреда здоровья во внутрисемейных бытовых конфликтах жертва ранее подвергалась физическому насилию. В некоторых случаях свидетели сообщали о стабильно неблагоприятных, негативных отношениях с применением физического насилия – от побоев до легкого вреда здоровью, и применении психического насилия в виде регулярных угроз и оскорблений. Как правило, эскалация любого бытового конфликта – это нарушение межличностного восприятия и допускаемые тяжкие оскорбления.

Социально-психологические элементы, являющиеся детерминантами насильственной преступности, работают всегда в совокупности и преступления совершаются как результат взаимодействия большей части элементов. Проблемные же ситуации способствуют совершению преступления, но не обязательно его предопределяют. Микросреда, в которой сформировался человек, допустимость насилия или полный отказ от него в той семье, в которой человек рос, будет являться толчковым механизмом. Поэтому разговор о декриминализации ст. 116 Уголовного закона был очень рано начат законодателем, когда в обществе не было никакой готовности к отказу от уголовно-правового реагирования.

Обосновывая юридическую природу уголовно-правового запрета в виде побоев, мы, конечно, затрагиваем нравственные основы недопустимости физического насилия. Побои, изначально имея двойную превенцию, предостерегали от размышлений об уровне допустимого или недопустимого физического насилия в отношении потерпевшего. Стоит отметить, что ответственность за нарушение физической неприкосновенности в уголовном законе выступала барьером усугубления конфликта для лиц, рассматривающих физическое воздействие как субъективное право.

Как же реагирует законодатель на распространенность домашнего бытового насилия и какие устанавливает превентивные ограничения? Состав преступления 116 УК РФ (в редакции до 03.07.2016)[1] не устанавливал никаких ограничений в применении нормы, не предусмотрены были ни специальные мотивы, ни объективные условия.

Федеральным законом от 03.07.2016 N 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»[2] был начат процесс декриминализации побоев. В норме сохранились правовые последствия для совершивших побои в отношении близких лиц, побои, совершенные из хулиганских или экстремистских побуждений. Дальнейший путь декриминализации нормы сохранил наказуемость побоев, совершенных только при наличии хулиганских или экстремистских мотивов в действиях виновного (редакция статьи 116 УК РФ от 07.02.2017 N 8-ФЗ[3]).

Какие новации в уголовном законодательстве и какие толковательные позиции имеют место сегодня в свете систематической критики? 8 апреля 2021 года Конституционный Суд Российской Федерации принял постановление №11-П по делу о проверке конституционности статьи 116.1 УК Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой. Конституционный Суд РФ норму ст. 116.1 уголовного закона признал неконституционной. Причины такой оценки статьи Уголовного закона заключаются в недостаточности криминализации насилия, совершенного лицом, имеющим судимость за аналогичное преступление. Статья ставит таких лиц, имеющих судимость за ранее совершенные побои в привилегированное положение по отношению к лицам, подвергнутым административному наказанию. Это нарушает принцип равенства и справедливости и снижает уровень защиты пострадавших. Повторное насилие говорит о недостаточности наказания по КоАП для судимого лица. Разделяя ответственность за побои в зависимости от их совершения впервые или повторно, законодатель не должен был игнорировать состояние предшествующей судимости.

Критика современного состояния законодательной регламентации за примененное насилие сводится к его недостаточности и нарушению равенства правовых последствий для лиц, понесших уголовное и административное наказание. Для одной правовой нормы многовато критики и последствий. Ждем реагирования законодателя.

---

[1] "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ // "Собрание законодательства РФ", 17.06.1996, N 25, ст. 2954, "Российская газета", N 113, 18.06.1996, N 114, 19.06.1996, N 115, 20.06.1996, N 118, 25.06.1996.

[2] Федеральный закон от 03.07.2016 N 323-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" // "Собрание законодательства РФ", 04.07.2016, N 27 (часть II), ст. 4256, "Российская газета", N 149, 08.07.2016

[3] Федеральный закон от 07.02.2017 N 8-ФЗ "О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации" // "Российская газета", N 30, 10.02.2017, "Собрание законодательства РФ", 13.02.2017, N 7, ст. 1027

Список источников

1. Насильственная преступность / Под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. М.: Издательство «Спарк», 1997. 139 с.

References

1. Kudryavtsev V. N., Naumov A. V. (eds). *Violent Crime.* Moscow: Publishing house "Spark"; 1997. 139 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. А. Пащенко – канд. юрид. наук, доц. кафедры уголовно-правовых дисциплин;

А.Г. Сарибекян – асп. кафедры уголовно-правовых дисциплин.

Information about the authors

E. A. Pashenko – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines,

A. G. Saribekyan – Graduate Student, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines.

***Вклад авторов**:* все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Contribution of the authors**:* the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.08.2021; одобрена после рецензирования 29.08.2021; принята к публикации 25.07.2021.

The article was submitted 09.08.2021; approved after reviewing 29.08.2021; accepted for publication 25.07.2021.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 168–174
North Caucasus Legal Vestnik. 2021;(3):168–174

Проблемы уголовного права

Научная статья
УДК 343.2/.7
doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-168-174

ТРАКТОВКА СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ БИОЛАБОРАТОРИЙ ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Анастасия Викторовна Делевер

Донецкая академия внутренних дел Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики, Донецк, Донецкая Народная Республика, a.delever@yandex.ua

Аннотация. В статье раскрывается сущность понятия биолабораторий двойного назначения под призмой уголовного права. Обосновывается вывод о необходимости законодательного закрепления данного понятия в уголовном кодексе, как одного из способов предотвращения разработки и создания биологического оружия – наиболее опасной биологической угрозы. Параллельно, в качестве наглядного примера имеющихся «белых пятен» в международно-правовых актах, регулирующих вопросы биологической безопасности, анализируются некоторые предписания Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия, и об их уничтожении (далее – КБТО), которые сами по себе могут порождать возможность создания подобного рода биолабораторий.

Ключевые слова: биолаборатории 3, 4 уровня безопасности, биологические штаммы, вирусы, оружие массового уничтожения, биологическое оружие, биологическая война, эпидемия, особо опасное заболевание, биологическая безопасность, национальная безопасность

Для цитирования: Делевер А. В. Трактовка сущности понятия биолабораторий двойного назначения в уголовном праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 168–174. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-168-174.

Problems of Criminal Law

Original article

INTERPRETATION OF THE ESSENCE OF THE CONCEPT OF DUAL-USE BIOLABS IN CRIMINAL LAW

Anastasia V. Delever

Donetsk Academy of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Donetsk People's Republic, Donetsk, Donetsk People's Republic, a.delever@yandex.ua

Abstract. The article reveals the essence of the concept of dual-use biolabs under the prism of criminal law. One one substantiates the conclusion about the need for legislative consolidation of this concept in the criminal code, as one of the ways to prevent the development and creation of biological weapons - one of the most dangerous biological threats. At the same time, as a clear example of the existing «white spots» in international legal acts regulating issues of biological security, some provisions of the Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and on Their Destruction (hereinafter referred to as the BTWC) are analyzed, which in themselves may give rise to the possibility of creating such biological laboratories.

Keywords*:* biological laboratories of 3, 4 security level, biological strains, viruses, weapons of mass destruction, biological weapons, biological warfare, epidemic, especially dangerous disease, biological security, national security

© Делевер А. В., 2021

For citation: Delever A. V. Interpretation of the essence of the concept of dual-use biolabs in criminal law. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2021;(3):168–174. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-168-174**.**

Современное общество уже давно перешагнуло «порог больших открытий», в связи с чем каждый день знаменуется прогрессом в той или иной сфере. Однако, как известно, прогресс плотно связан как с положительными открытиями, которые могут служить обществу и государству в благих целях, так и представлять серьезную опасность как для отдельного человека, так и в некоторых случаях для всего человечества в целом.

Раскрывая понятие биолабораторий двойного назначения в уголовном праве, в первую очередь, необходимо, на наш взгляд, раскрыть само понятие лаборатории. Так, под лабораторией принято понимать учреждение, отдел учреждения, предприятия для проведения экспериментальных исследований, контрольных испытаний, анализа продукции и других работ, а также специальное помещение, предназначенное для их выполнения[1]. В нашем случае для исследования живых или мертвых объектов, определения и изучения их свойств, состава, строения и происходящих в них биологических процессов. В свою очередь, биолаборатории подразделяются на четыре типа, каждый из которых определяет уровень опасности проводимых в ее стенах исследований.

Заметим, что к биолабораториям двойного назначения можно отнести не все ее виды, а лишь те из них, которые относятся к третьему и четвертому уровню биологической безопасности. Биолаборатории с третьим уровнем биологической безопасности специализируются на работе с местными и экзотическими микроорганизмами, передающимися воздушно-капельным путем и вызывающими тяжелые заболевания с летальным исходом, например туберкулез, вирус энцефалита, ку-лихорадка и др. Относительно биолабораторий четвертого уровня биобезопасности можно сказать, что в данном случае работа проводится с опасными экзотическими штаммами микроорганизмов, представляющими высокий риск для здоровья и жизни человека. Заболевания передаются воздушно-капельным или неизвестным путем и не поддаются лечению, вакцины, как и лекарственные препараты, отсутствуют, примерами подобных заболеваний могут служить вирусы геморрагических лихорадок[2].

Выводя понятие биологических лабораторий двойного назначения, мы, в первую очередь, отталкивались от более общего и универсально применяемого понятия – технологий двойного назначения, под которым в большинстве источников понимается проектная, производственная, эксплуатационная или иная технологическая цепочка, которая может найти применение как в гражданской, так и в военной сфере. В своей статье Григорьев А.Ю., говоря о технологиях двойного назначения, указывает: «… двойное назначение уже определяет хотя бы потенциальную возможность использования технологии в двух целях: в военных и гражданских» [1, с. 42].

---

[1] Большая Медицинская Энциклопедия (БМЭ), под редакцией Петровского Б.В., 3-е издание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--90aw5c.xn--c1avg/index.php/

[2] Биологическая опасность и уровни биологической безопасности / laborant.net [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
http://www.laborant.net/specialist/publications/lamboxarticle/83/

Проводя аналогию с данным выше понятием, таковое можно раскрыть и для объекта нашего исследования. Таким образом, мы полагаем, что под биологическими лабораториями двойного назначения в общем значении следует понимать те биолаборатории третьего и четвертого уровня биобезопасности, деятельность которых направлена на проведение исследований наиболее опасных вирусов и бактерий, против которых в настоящее время не существует ни лечения, ни вакцины, либо же найти таковое довольно затруднительно и которые могут использоваться как для разработки новых способов лечения различного рода опасных заболеваний, так и для создания бактериологического (биологического) оружия и способов его доставки.

Заметим, что вопрос нынешнего создания и функционирования биологических лабораторий 3 и 4 уровней с завуалированными целями под благородные направления деятельности стоит довольно остро. Это происходит, потому что в современных международно-правовых реалиях регулирования сферы биологической безопасности мы можем столкнуться с большим количеством пробелов, которые порождают больше вопросов нежели ответов. Так, первым и основным международным договором, участники которого обязались не разрабатывать, не производить и не накапливать биологическое оружие, стала Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (далее – КБТО), которая была открыта для подписания 10 апреля 1972 г. Однако до настоящего времени, действенные рычаги воздействия на подписавших сторон, как и механизмы проверок эффективности выполнения положений Конвенции отсутствуют.

Стоит заметить, что некоторые положения КТБО изложены довольно двояко, что позволяет использовать их по своему усмотрению, и часто таковое может идти вразрез с основными принципами указанного договора. Речь, в частности, идет о статье № 1 указанной Конвенции, которая изложена следующим образом: «Каждое государство – участник настоящей Конвенции обязуется никогда, ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать каким-либо иным образом и не сохранять: 1) микробиологические или другие биологические агенты или токсины, каково бы то ни было их происхождение или метод производства, таких видов и в таких количествах, которые не предназначены для профилактических, защитных или других мирных целей»[1]. Подобная расплывчатая трактовка диспозиции статьи во многом и привела к тому, что мы можем наблюдать в современном мире, а именно неконтролируемое создание биолабораторий двойного назначения формально в защитных, профилактических или других мирных целях, на практике же представляющих реальную угрозу как для человека, так и для окружающей среды со всеми ее составляющими. Также, на наш взгляд, когда речь идет о возможных отклонениях от правоустанавливающей нормы и исключений из нее, подобные должны быть четко конкретизированы и строго контролируемы. Заметим, что, на наш взгляд, сами двоякие положения КТБО и отсутствие должного контроля поспособствовали созданию биолабораторий двойного назначения, за действиями которых мы можем наблюдать в настоящее время по всему миру.

[1] Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении Организация объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml

Кроме того, полагаем, что, говоря о биолабораториях, в стенах которых может производиться биологическое оружие, не лишним будет обратиться к истории и отметить знаменитый «отряд 731» – специальное подразделение японских вооруженных сил, которое функционировало во времена Второй мировой войны. В указанный отряд входило три тысячи самых жестоких и умных врачей Японии. Источник знаменитости данного отряда кроется в том, что основная его цель и главное назначение заключались в установлении последствий для живого организма воздействия бактериологического оружия. Инициатором создания такого подразделения стал император Японии Хирохито, по образованию биолог, утверждавший, что развитая наука – лучший помощник в войне, поскольку помогает создать оружие, способное быстро уничтожить целые страны[1]. Сама территория, на которой базировался отряд 731, находилась близ города Харбина в северо-восточной части Китая, которая была захвачена японской армией.

В своем документальном труде «Кухня дьявола» японский писатель Моримура С. указывает, что жертв обсуждаемого отряда сами его сотрудники называли ничем иным как «бревнами». Всем пленным отряда давали трехзначные номера, в соответствии с которыми их распределяли по оперативным исследовательским группам в качестве материала для опытов. Циркуляция "бревен" была весьма интенсивной. В среднем через каждые два дня три новых человека становились подопытным материалом» [2, с. 18, 20]. Опыты, которые проводились в пределах этого отряда, поражали своей бесчеловечностью и жестокостью. На пленниках, которых привозили, если не сказать поставляли сюда тысячами, использовалось бактериологическое оружие, способное в кратчайший срок уничтожить все человечество. Исследованию подвергались многие штаммы, одним из самых популярных на тот момент был штамм чумы. Так, подсудимый Кавасима Киоси, один из ведущих сотрудников отряда, говоря о производительности отряда, на допросе показал: «Производственный отдел мог ежемесячно изготавливать до 300 кг бактерий чумы» [3, с.12].

Позже Хабаровский судебный процесс по делу бывших военнослужащих японской армии, основываясь на показаниях Кавасимы, зарегистрирует в своих документах, что за период с 1940 по 1945 год «отрядом 731» было «потреблено» не менее трех тысяч человек. «В действительности это число было еще больше», - единодушно свидетельствовали бывшие сотрудники отряда» [2, с.19].

В ходе указанного процесса виновные подтвердили, что их действия были направлены на подготовку к бактериологической войне против США, Китая и СССР. Однако, несмотря на данный факт, нашлись те, которые не просто не понесли заслуженное наказание за свои зверские преступления, но даже стали наставниками. Речь идет о тех сотрудниках отряда, которые во время наступления советской армии бежали на территорию США, где стали для американской армии своего рода находкой и возможностью обогатить свой военный потенциал новыми, уже протестированными знаниями. Несмотря на это, Хабаровский процесс оказался единственным в истории, где были предъявлены и неопровержимо доказаны факты подготовки и ведения бактериологической войны японской армией. Согласно изложенному, можем утверждать, что Хабаровский процесс стал наиболее ярким проявлением нетерпимости уголовного Закона к человеческим

[1] Отряд 731 или чудовищные опыты над живыми людьми//Livejournal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL https://sozero.livejournal.com/2402954.html

зверствам, производимым в стенах упомянутого нами «бункера смерти» за всю историю человечества. Ведь нынешняя судебная практика вряд ли может привести в пример столь громкие процессы, и дело не в отсутствии военного времени или подобных античеловеческих преступлений, вероятнее всего причина кроется в том, что нынешняя законодательная база, в том числе и уголовная, значительно отстает от развития современных технологий, что не дает возможности правоприменителям в полной мере на законных основаниях использовать те или иные нормы уголовного законодательства.

О вышеизложенных событиях мы указали в своей статье не случайно, ведь несмотря на то, что времена существования отряда 731 давно канули в лету, это абсолютно не гарантирует безопасность нынешнего современного общества от возможного применения биологического оружия и в целом бактериологической войны. Мы живем в эпоху прогресса, активное развитие синтетической биологии – явное подтверждение того, что новации не обошли стороной и сферу биотехнологий. Слова императора Хирохито относительно могущества науки актуальны в наши дни, куда более, чем это было раньше. И тому есть реальное подтверждение. Так, в настоящее время в мире насчитывается порядка 30 биолабораторий четвертого уровня биологической безопасности, с учетом биолабораторий третьего уровня их количество значительно возрастает.

Наличие подобного рода биолабораторий и сама работа с наиболее опасными патогенами, не имеющими какого-либо противоядия, воспринимается в некоторых случаях весьма положительно, ведь происходит процесс познания, детального изучения, что позволит в будущем создать вакцины и соответственно избежать последствий применения подобных вирусов на человеческих массах со стороны, к примеру, террористических организаций. Однако заметим, что это весьма утопический взгляд на вещи. Ведь за «исключительно научными» целями может крыться ни что иное, как изготовление биологического оружия, что в свою очередь идет вразрез с основными условиями КТБО. Наличие нескольких биолабораторий на территории государства возможно объяснить при условии, если таковое не препятствует контролирующим органам убедиться в прозрачности действий на территории подобной биолаборатории и в отсутствии процесса производства оружия массового уничтожения посредством биологических штаммов и бактерий. Другое дело, когда государство, имея в своем ведении ряд биолабораторий высшего уровня биологической безопасности, категорически отказывается от проведения соответствующих контролирующих мероприятий и всячески препятствует этому.

В качестве примера приведем Центр общественного здравоохранении им. Р. Лугара[1] (далее – Центр), находящийся в самом центре Грузии г. Тбилиси. Факт необходимости самого существования и функционирования этого Центра оспаривается не только коренным населением, но даже властями граничащих государств, и на это есть свои, довольно веские причины. Так, указанный Центр представляет собой одну из секретных лабораторий США, деятельность которой согласно их официальной версии направлена на уменьшение последствий применения оружия массового уничтожения. Тем не менее, данному утверждению явно противоречат обстоятельства, выявленные и позднее обнародованные бывшим

[1] «24 смерти в один день» Георгадзе рассказал о подопытных людях в центре Лугара// Sputnik/Georgian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL https://sputnik-georgia.ru/interview/20180917/242126308/24-cheloveka-umerli-v-odin-den-Giorgadzerasskazal-o-podopytnykh-v-tsentre-Lugara.html

министром государственной безопасности Грузии И. Гиоргадзе. Так, в своем интервью он указывал, что при изучении отчетов о деятельности указанного Центра он обратил внимание на большое количество смертей в лаборатории всего за один день. Указаны лекарства, дозировки, а в графе «Причина смерти» у всех указано: «Неизвестно». В последующем им было обнаружено, что, несмотря на невинную, и даже благородную, на первый взгляд, цель функционирования данного Центра, которая была нами указана выше, сотрудники лаборатории проявляют усиленный интерес к специфическим патентам, указанным, на ее сайте. Такими патентами стали: патент на беспилотный летательный аппарат для распространения в воздухе заражённых насекомых; патент на боеприпас «с токсичным содержимым для проведения диверсионных операций». Предназначение – распространение смертельных заболеваний на территории противника и др. За время функционирования Центра возросли жалобы местного населения на ухудшение общего состояния здоровья, ухудшение эпидемической ситуация по инфекционным болезням, распространяемым насекомыми-переносчиками. При этом на территории Грузии и в прилегающих к ней регионах России выявлено смещение ареалов различных видов комаров, ранее встречавшихся только в странах, расположенных южнее [4, с. 8–9].

Учитывая вышеизложенное, мы полагаем, что до настоящего времени отсутствие понятия биологических лабораторий двойного назначения в уголовном праве не обосновано, ведь игнорировать столь важное направление, на наш взгляд, не просто неправильно, но и довольно опасно.

Действие биологического оружия как не переоценивали ранее, так и в настоящее время относятся к нему с большим опасением. Применение подобного вида оружия массового поражения в настоящее время намного актуальнее, чем это может показаться на первый взгляд, ведь несмотря на то, что от снарядов смерть наступает моментально и бесповоротно, тем не менее, бактерии убивают медленно, болезненно и незаметно, необходимо лишь заразить воду, еду или одежду людей, спустя некоторый промежуток времени бактерии размножатся и уничтожат все живое без единого выстрела.

В связи с этим мы считаем, что рассматриваемое понятие должно быть отражено в Уголовном кодексе, как минимум, в виде примечания к статье 355 УК РФ как основной способ создания биологического оружия и расшифровки таковых, как биологические лаборатории третьего и четвертого уровня биологической безопасности, деятельность которых не только направлена на создание биологического оружия, но и сама по себе причиняет вред как окружающей среде, так и жизни и здоровью человека, в результате которой ухудшается эпидемиологическая обстановка как в регионе расположения такой лаборатории, так и за ее пределами, а также общее состояние здоровья населения.

В идеале же необходимо выделить отдельную статью следующего содержания: «Незаконная деятельность биолабораторий двойного назначения, направленная на создание бактериологического (биологического) оружия», квалифицирующие признаки соответственно должны зависеть от степени тяжести последствий и условий совершения преступления. Наличие подобной статьи в Уголовном кодексе могло бы способствовать более прозрачной деятельности в области синтетической биологии в стенах подобных объектов, подтверждающейся необходимыми регулярными надзорными мероприятиями, что, в свою очередь, уменьшило бы риск создания биологического оружия.

Список источников

1. Моримура С. Кухня дьявола. Правда об «отряде 731» японской армии. М.: Прогресс, 1983. 240 с.

2. Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1950. 539 с.

3. Кириллов А. И. Американский центр общественного здравоохранения им. Ричарда Лугара в Грузии – угроза биологической безопасности России // Вестник войск РХБ защиты. 2018. № 4. С. 7–9.

4. Григорьев А. Ю. Технологии двойного назначения: понятие и формы трансфера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (46): в 2-х ч. Ч. I. С. 42-44. ISSN 1997-292X

References

1. Morimura S. *Devil's kitchen. The truth about the "detachment 731" of the Japanese army*. Moscow: Progress; 1983. 240 p. (In Russ.)

2. *Proceedings against former members of the Japanese Army accused of training and using bacteriological weapons*. Moscow; 1950. 539 p. (In Russ.)

3. Kirillov A. I. *American Center for Public Health named after Richard Lugar in Georgia – a threat to the biological security of Russia*. *Vestnik voisk RKhB zashchity = Journal of NBC Protection corps.* 2018;(4):7-9. (In Russ.)

4. Grigoriev A. Yu. Dual-use technologies: the concept and forms of transfer. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice.* Tambov. 2014;8 (46). Vol. I. P. 42–44. ISSN 1997-292X

Информация об авторе

А. В. Делевер – адъюнкт.

Information about the author

A. V. Delever – Adjunct.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 09.08.2021; одобрена после рецензирования 04.09.2021; принята к публикации 07.09.2021.

The article was submitted 09.08.2021; approved after reviewing 04.09.2021; accepted for publication 07.09.2021.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы юриспруденции.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07–21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе/Information about the author»;

- аннотация (до 250 слов);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15). Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержимое.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом. В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: Гончаров В.И. Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: Шапсугова М.Д. Трансформация классических принципов гражданского права в современном российском праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 68–71).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

Статьи принимаются по адресу: 344002. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, к. 216. ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Северо-Кавказский юридический вестник».

Тел. 8-863-203-63-89; e-mail: yurvestnik@mail.ru

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3, 2021

Выход в свет 30.09.2021. Гарнитура Cambria. Формат 60x84 1/8. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Тираж 100 экз. Заказ № 3858-21

Адрес издателя:
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр. Вернадского, 84.

Адрес редакции:
Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru